

Хесус Фариа

СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИСТА

Воспоминания

PARTIDO COMUNISTA DE VENEZUELA

V CONGRESO

DELEGADO EFECTIVO

CREDENCIAL No:

14

Nombre:

FARIA JESUS

Región:

COMITE CENTRAL

Los Caracas, 1 al 5 de Noviembre de 1974

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Хесус Фариа

СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИСТА

Воспоминания

Москва
Издательство
политической
литературы
1983

66.61(7В)

Ф24

Перевод с испанского
Ю. К. Козлова и В. Г. Ткаченко

Общая редакция перевода
доктора исторических наук *М. Ф. Кудачкина*

Фариа Хесус.

Ф24 Становление коммуниста. Воспоминания. Пер. с исп.— М.: Политиздат, 1983.— 176 с., ил.

Хесус Фариа (родился 27 июня 1910 г.) — видный деятель коммунистического и рабочего движения Латинской Америки, Генеральный секретарь Коммунистической партии Венесуэлы с 1951 года. За революционную деятельность Х. Фариа неоднократно подвергался репрессиям, более 15 лет провел в тюремных застенках, из них восемь лет — в одиночной камере. Избирался сенатором и депутатом парламента. Хесус Фариа — последовательный интернационалист, большой друг Советского Союза.

Воспоминания, посвященные юности Х. Фариа и началу его революционной деятельности, получены от автора в рукописи.

Ф 0905000000—267
079(02)—83 КБ15—11—83

66.61(7В)
ЗКИ1(092)

Перевод на русский язык
© ПОЛИТИЗДАТ, 1983 г.

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Мне, венесуэльскому коммунисту, доставляет огромную радость представить на суд советского читателя свою скромную книгу воспоминаний. В ней говорится о далеком, но столь близком для меня прошлом, ибо это правдивый рассказ о молодом венесуэльском рабочем-нефтянике, ставшем членом коммунистической партии по велению своего сердца и отдавшем служению высоким идеалам коммунизма всю свою жизнь.

Коммунистическая партия Венесуэлы прошла трудный, но славный путь борьбы за дело рабочего класса, всех трудящихся масс. Большую часть лет, прошедших со дня ее основания в 1931 году, компартия боролась в сложнейших условиях подполья. Десятки и сотни венесуэльских коммунистов были замучены и расстреляны в тюрьмах и концлагерях диктаторских режимов. Тяжелейшие условия борьбы не сломили наш дух. Венесуэльские коммунисты находятся на переднем крае борьбы, на позициях пролетарского интернационализма и патриотизма.

Венесуэла располагает огромными запасами нефти и других полезных ископаемых. Ее население в 17 раз меньше, чем в СССР. Оно не испытало за последнее столетие ужасов войны. И тем не менее сотни тысяч венесуэльцев не имеют работы, несколько миллионов жителей нашей страны неграмотны. Постоянный кризис переживают здравоохранение и другие сферы социального обслуживания населения. Все это признают даже власти страны. Условия жизни населения ухудшаются в

результате роста цен на продукты питания, лекарства, одежду, учебные пособия и общественный транспорт.

В то же время социалистическое общество, не знающее кризисов, безработицы, эксплуатации со стороны предпринимателей и помещиков, наживающихся на бедствиях народа, несомненно, способствует распространению правды о жизни при реальном социализме. Курс КПСС и Советского правительства на всемерный подъем жизненного уровня советского народа имеет большое международное значение. Он вселяет надежду на лучшее будущее в сердца миллионов безработных, угнетенных и эксплуатируемых на всех широтах и силой своего примера вдохновляет всех революционеров.

Программа мира, провозглашенная КПСС и активно проводимая ею в жизнь, с энтузиазмом поддерживается венесуэльским народом и всеми народами мира в их борьбе за предотвращение ядерной катастрофы.

Дорогие советские читатели!

Наша партия ведет активную борьбу против подлых кампаний, которые проводятся против СССР во всем мире, в том числе и в нашей стране. В наших изданиях, в обращениях к народу, во всех массовых выступлениях, в которых мы участвуем, мы говорим о нашей дружбе и нашем восхищении СССР, его партией и его народом. Мы никогда не откажемся от нашей солидарности с вами. Это всего лишь ответ на ту солидарность, которую вы щедро проявляете по отношению к нам на протяжении всех наших битв. Все действия, имеющие целью подвергнуть сомнению роль, которую СССР играет в современном мире, встречают наш твердый отпор.

Выход в свет в СССР на русском языке этой книги — важное событие для деятельности венесуэльских коммунистов, ибо оно еще больше укрепит интернациональные братские связи между нашими партиями.

Хесус Фариа

ВСТУПЛЕНИЕ

На страницах этой книги описаны реальные события. Я стремился рассказать о горькой участи людей, об их тяжелой доле, об их упорной борьбе. Воспоминания о пережитом... Это рассказ о венесуэльце, родившемся в крестьянской семье и ставшем рабочим, о его пути в коммунистическую партию, в рядах которой он находится почти 50 лет.

Есть события, для понимания которых нужно самому их не только пережить, но и уметь связать с судьбой народа, с его чаяниями и стремлениями.

Для людей, чье социальное положение поставило их вне борьбы за общее дело угнетенных масс, эта книга вряд ли представит интерес. Ведь одно дело — сочувствовать нищете и совсем другое — испытывать ее день за днем, чувствовать себя как потерпевший кораблекрушение в бескрайнем океане, где только общие усилия людей — путь к спасению.

Жизнь людей, лишенных хлеба и крова, — это не только кошмар, но и борьба за право быть человеком.

Я писал воспоминания в надежде, что они окажутся полезными трудящимся нашей страны, прежде всего молодому поколению: оно должно знать, как жили и боролись его отцы.

Сегодня Венесуэла одна из значительных стран Западного полушария из-за большого количества нефти, извлекаемого из ее недр. Очень интересна ее история — колониальный период, освобождение от испанского ига и последующее развитие вплоть до наших дней. В начале XX века венесуэльская нефть, о которой было извест-

но еще со времен испанских конкистадоров, вызвала интерес у английских, а затем и американских нефтяных компаний. Нефтяные монополии США поставили у власти в Венесуэле Хуана Висенте Гомеса¹, который отдал природные богатства страны на разграбление иностранным монополиям. Кровавый диктатор правил Венесуэлой с 1909 по 1935 год. В этот период усиливается империалистическое проникновение в страну, происходит фактическое закабаление Венесуэлы иностранными монополиями, главным образом монополиями США. Рост нефтедобычи с начала XX века, усилившийся в годы первой мировой войны, дал толчок зарождению промышленности в стране и привел к определенным изменениям в условиях жизни венесуэльских граждан.

Лицо Венесуэлы начинает меняться с 1925 года, когда быстрыми темпами развивается нефтедобыча. В стране появляются современные дороги, развивается транспорт. Возникают новые промышленные предприятия, растет рабочий класс.

После 1936 года в результате упорной борьбы трудящиеся добились некоторых успехов. Это прежде всего привело к изменению условий труда.

Население Венесуэлы, которое в начале XX века составляло менее 2 миллионов, ныне возросло до 14,6 миллиона. В течение нынешнего столетия население столицы — Каракаса увеличилось почти в 100 раз. Государственный бюджет Венесуэлы возрос с 40 миллионов до 45 миллиардов боливаров в год.

Венесуэла могла бы развиваться значительно быстрее, но этому мешали ограбление страны иностранными монополиями, неспособность и расточительство ее правителей. Именно трудящиеся своим трудом, своей борьбой явились творцами всего того нового, что есть сегодня в Венесуэле.

¹ Гомес, Хуан Висенте (1857—1935) — президент и фактический диктатор страны в 1909—1935 годах.— *Здесь и далее прим. перев.*

ДЕТСТВО

Я родился в знаменитом году кометы Галлея — в 1910 году. Однако свет, павший на ночную землю, не разорвал мрак, в котором прозябали венесуэльские крестьяне. Если ребенок, появившийся на свет в сельской местности Венесуэлы около 70 лет назад, выживал, это можно было считать подвигом: ведь его окружали такие неумолимые враги, как малярия и голод.

Когда приходило время родов, роженица чаще всего обходилась без посторонней помощи. Мать сама перекусывала пуповину, смазывала новорожденного жиром и пеленала его в тряпье. Так, по рассказам моей матери, пришел в этот мир и я.

Она собирала дрова в горах, когда почувствовала, что начинаются роды. Ценой невероятных усилий добралась до своей хижины, где и родила меня. Колыбель? Какой-нибудь грязный кусок кожи...

Наша мать произвела на свет шесть детей и воспитала еще двух чужих.

Как они выжили? Вся жизнь матери была посвящена тому, чтобы спасти нас. Я родился нормальным, здоровым ребенком. А материнское молоко помогло мне еще больше окрепнуть. Но когда кончились эти жизненные соки, а взамен не было ничего другого, пришел голод и с ним неизбежный спутник нищеты — рахит.

Мы жили в имении «Сан-Педро» в районе Коро, вблизи побережья Карибского моря.

Начиная с мая на побережье идут ливни. Однажды в дни моего детства вместе с ливнем с неба начали

падать рыбешки. Немало их упало в большую яму с водой, множество других попадали на землю и блестели своей чешуей под солнцем на равнине.

Когда пришло жаркое лето, один из соседей своим мачете убил наиболее крупных рыб, которые выросли в яме с водой. Он взял себе тех, что были побольше, а остальных оставил нам. Таким образом, первая рыба, которую я съел, имела, так сказать, небесное происхождение.

Наш дом, если сравнить его с теми, которые в последующие годы служили нам жилищем, был средних размеров: прихожая, коридор, небольшая комната. Кухня располагалась во дворе.

«Сан-Педро» грудью встречал постоянное буйство ветров, приносящих с собой огромную массу пыли. Эти ветры «выстригли» все живое на побережье в широкой полосе от 15 до 30 километров. Наш дом стоял всего в двух километрах от моря, и на этом месте сохранялась кое-какая растительность. Когда, уже будучи взрослым, я вернулся в места своего детства, здесь не осталось ничего живого.

«Сан-Педро», небольшое имение, предназначенное для разведения скота, принадлежало местному землевладельцу дону Рейнальдо Оберто, моему отцу. Человек предприимчивый и удачливый, он неоднократно вел тяжбы из-за земельных участков, источников воды и пастбищ и чаще всего выигрывал их, богатея и приобретая все большее влияние. Мать — батрачка в имении дона Рейнальдо и одна из его наложниц. Таких «жен» у отца было несколько. Они ухаживали за скотом, а дети его мало заботили. Дон Рейнальдо оставил после себя больше двадцати детей, часть из них он признал, но большинство, и я в том числе, росли незаконнорожденными. В нашем имении разводили коз, но их поголовье постоянно сокращалось, и хозяйство разорялось. В «Сан-Педро», как и на всех равнинных землях в штате Фалькон,

можно было бы держать крупный скот, если бы здесь чаще шли дожди. Но продолжительное и засушливое лето вынуждало жителей побережья покидать дома и перебираться в те места, где была вода.

Стадо, за которым ходила моя мать, насчитывало около двухсот коз. Ее жалованье составляло «треть», то есть из каждых трех козлят приплода она получала одного, но лишь после вычета потерь в результате падежа, болезней, укусов змей, краж и т. д. При расчетах потери всегда превышали ту долю, которая полагалась нам, в результате накапливался большой долг. Все это вело к конфликтам между хозяином и батрачкой: упреки и угрозы продать стадо со стороны дона Рейнальдо, слезы на лице матери. После того как умолкали крики отца и высыхали слезы на лице матери, хозяйка нашего дома вновь и вновь обрушивала проклятия на владельца поместья и молила бога послать козам большее потомство. Надежды были напрасны...

Когда голод становился невыносимым, а это случилось часто, мать говорила вслух сама себе, уверенная в том, что ее никто не слышит: «Не будь кровопийцей, дон Рейнальдо, я не могу позволить детям умереть от голода...» И после этого она забивала козу, заранее зная, что в час дележа не сможет вернуть хозяину это животное.

Возможно, что дон Рейнальдо догадывался и в глубине души терпимо относился к подобным случаям, но он все же следил за тем, чтобы стадо коз не было уничтожено слишком быстро.

У нас была обычная венесуэльская большая крестьянская семья: 13 человек, из них 8 детей и больная туберкулезом бабушка. На жизнь в деревне влияли многие условия: какой участок земли ты обрабатываешь — большой или маленький, плодородная или неплодородная земля, расположена ли она в засушливой зоне или в зоне дождей, далеко ли от деревни или нет, далеко ли от тебя дорога, река. Да, ты сельский труженик, но имеет значе-

ние, чем ты занимаешься: ходишь за скотом или пашешь землю, где ты живешь — в горах или на равнине. Ведь в нашей стране разница между землей в горах и на побережье слишком велика. Здесь идут дожди, а там нет. А вода или ее отсутствие резко меняют условия жизни людей в сельской местности.

Эти условия сказывались и на жизни нашей семьи. Жили мы все вместе в одной хижине. Спали в старых, рваных и грязных гамаках. В доме не было ни стульев, ни стола, ни зеркала. Глиняные бочки — одна для питьевой воды, другая для кухни, несколько сковород, два глиняных кувшина. Две каменные ручные мельницы: одна для того, чтобы молоть кукурузу, а вторая для кофейных зерен. Первая мельница имела два круга: один для грубого, а второй для тонкого помола, так как арепы — лепешки — готовили из муки тонкого помола. Столовые приборы? Тотумы — сушеные тыквы — и каребы — скорлупы от плодов. У нас не было ни тарелок, ни чашек, а уж тем более вилок и ножей.

Вснесуэльцев в то время было мало, а земли много, и люди селились как можно дальше друг от друга. Прimitивные условия жизни не позволяли уходить с однажды освоенного места туда, где была вода и где можно было вырастить хороший урожай.

Говорили, что «там, выше», то есть в горах на высоте от 600 до 900 метров, находится тьерра кальенте — жаркая зона, где люди чаще умирают от неурожая. Это было верно. Но и здесь, на узкой полосе побережья Коро, где растительность имеет полупустынный характер, мы также умирали от малярии, от недостатка хины и других лекарств.

Я не знаю, как моя мать очутилась в таком месте, как «Сан-Педро», в одиноком домишке, от которого соседи находились за несколько километров. Но все же и здесь находились «знающие» люди, но знали они в действительности очень мало, поэтому единственным их

объяснением всех бед были слова: «Это потому, что бог куда могущественнее, чем сама церковь». Но и они не могли объяснить, почему бог, если он так могуществен, позволял умирать детям от голода и болезней. «Дело в том, что мы нужны богу там, для его хора ангелов...» — говорили эти люди с убежденностью невежд.

Самые маленькие бегали голыми. Наша кожа, прокаленная солнцем и ветром, не знала, что такое одежда. Из обуви мы знали лишь альпаргаты¹, да и то когда становились большими и только по случаю посещения церкви. Первые ботинки появились у меня, когда мне исполнилось 18 лет.

Две мои сестры — одна белокожая, вторая смуглянка — одевались в тряпки, мыло делали сами — из сала и золы. Бедра сестер постоянно покрывали нарывы от мелких частиц волокна ипопо, из которого они пряли тонкую нить для плетения гамаков.

Бабушка, донья Исабель де Фариа, жила своим прошлым. Она происходила из довольно состоятельной семьи, умела читать. Ее опекун, присвоив большую часть наследства, выдал ее замуж за Рикардо Фариа, бывшего полковника. Бабушка хорошо помнила историю Пятилетней войны². У меня в памяти сохранились отрывки ее бесед с редкими гостями нашего дома о Федерации и свободе печати, о сражениях и различных каудильо времен Федеральной войны. Я был постоянным спутником бабушки в ее походах к морю. Она болела туберкулезом, а купание в море считалось очень полезным для лечения различных заболеваний. Наверное, никто в то время и не подозревал, что туберкулезом можно заразиться: я часто доедал то, что оставляла бабушка, и мне не говорили ни слова.

¹ Альпаргаты — мягкая обувь, сплетенная из веревок.

² Пятилетняя, или Федеральная, война (1859—1863) — борьба за власть между либералами и консерваторами, вылившаяся в гражданскую войну.

Во время купания в море я смотрел на тело бабушки и ужасался ее худобе. Как только ее не унесет ветер? На пустынном берегу в чистом, теплом и мелком песке было немало больших и маленьких разноцветных раковин. По песку бегали маленькие крабы, в воде лагуны резвились рыбы. Во время новолуния на песке появлялись птички говоруны, или «чипи-чипи», как мы их называли за их постоянную трескотню. Летали серые цапли, а иногда появлялись стаи уток с розовым оперением.

Мулатка с мягкими пепельными волосами... Это моя мать, Мариа-Фульхенсиа. Она умела читать. Почти никогда не болела. Обладала какой-то безграничной работоспособностью. Смелая, добрая и суровая одновременно. Она лучше других в семье одевалась, потому что ей приходилось ходить в селение для продажи гамаков и козьих шкур, покупать там же кукурузу, хину и «сладости» — патоку.

Своим молоком мать вскормила еще трех детей из богатой семьи. Между мной и ими была только одна связь — материнское молоко. Ни любви, ни ненависти. Мы были слишком далеки друг от друга из-за разного социального положения.

Наша бедная многочисленная семья жила в бесплодном районе страны. Голод, постоянно испытываемый нами, трудно передать словами. Очень редко мы ели досыта. Счастливыми считали дни, когда перепадало козье мясо без хлеба или хлеб без мяса. В «Сан-Педро» мы не знали вкуса даже таких распространенных в стране корнеплодов, как юка и ямс¹, не говоря уже о пшенице, рисе, картофеле, бананах. Суп варился из воды, соли и нескольких долек лука. Мы не знали, что такое конфеты и сахар. В доме ели два раза — в обед и ужин. На завтрак — кофе с молоком для взрослых и гуарапо — сок

¹ Юка и ямс — тропические растения, корни и клубни которых богаты крахмалом.

сахарного тростника — с молоком для детей. Но чаще всего ни гуарапо, ни молока. На ужин — масамдора, нечто похожее на мамалыгу, болтушка из кукурузной муки, густая или жидкая в зависимости от того периода, который мы переживали, немного соли и чуть-чуть молока. Но опять же нередко мы ложились спать без ужина. Бывали дни, когда на кухне не разжигали огня; это означало, что мы останемся голодными на весь день. И в этих условиях чуть ли не с младенческого возраста мы учились благодарить бога за его «бесконечную милость».

Однако бесплодная на первый взгляд равнина не давала нам умереть голодной смертью. В наших местах все-таки отдельные деревья, герои-одиночки, оказывали сопротивление ветру и палящему солнцу. На берегу моря деревья кухни¹ цеплялись за песчаные дюны, а дюны укреплялись корнями деревьев. Кухи, ябо, супи и другие деревья выделяют съедобный сок, густеющий на воздухе. Такой же сок, только ядовитый, дает кустарник орнтибаль: он доводит коз, если они его слизывают со стволов, до бешенства. Плоды кухни мы собирали, чтобы продать на корм животным, но и сами ели их толченными с мелом и водой, когда голод становился нестерпимым. Супи давал нам также свои небольшие плоды. На склонах оврагов на кустарнике таки зрели плоды, напоминающие по вкусу хлеб, на куахаро росли небольшие красные плоды, которыми очень любили лакомиться змен. В семируко содержался витамин С, так же как и в горьких плодах бучито. Кроме того, мы собирали плоды дивидиви и продавали за ту мизерную цену, которую нам давал покупатель.

У нас было три собаки, с которыми мы охотились на ящериц-игуан и кроликов. Щенков нам приходилось убивать — у нас не было еды для большого количества собак. Мой брат Хулио и я стали охотниками уже в шесть

¹ Здесь и далее — местные названия деревьев и кустарников.

лет; нам было не занимать ловкости в охоте за игуанами и в умении находить места, где прятались кролики. Когда голод становился невыносимым для нас и для собак, первая же добыча на охоте превращалась в объект жаркой схватки между детьми и собаками.

При охоте на кроликов нам помогали ястребы. Дело в том, что кролик, как только слышит свист ястреба, не бежит, а ищет спасения в какой-нибудь норе или высохшем стволе. В нашей местности некоторые виды деревьев почти стелются по земле, придавленные к ней сильным ветром. Когда деревья погибают, их высохшие стволы похожи на пушки, нацеленные на восток. В них-то кролики часто и находят убежище. Заметив стаю ястребов, мы направлялись в то место, над которым они парили, и собаки почти всегда приносили нам кроликов, вытаскивая их из стволов или нор.

Однажды вечером мы с Хулио бродили по таким местам, и вдруг я увидел задние лапы кролика, торчащие из ствола высохшего дерева. «Здесь их должно быть несколько,— подумал я.— Просто для этого, последнего, места не хватило». Я схватил обеими руками кролика за лапы и изо всех сил, а их было не так уж много, дернул на себя. Однако, к моему изумлению, кролик намертво держался в стволе. Я продолжал тянуть, и он стал сдавать позиции сантиметр за сантиметром. Я еще подумал, что он весит больше обычного. Вдруг за туловищем кролика показалась голова огромного удава «трага венадо» — пожирателя косуль, которого в наших местах звали «трага кабритос» («пожиратель коз»). Испуганный, я бросился прочь от дерева.

Змей у нас водилось множество. Укус многих из них — ядовитых кобр, мапанаре, желтой кумаимы и др. — смертелен. Не знаю, как мать и братья чувствовали их присутствие, но они просыпались, когда змея заползала в хижину, и убивали ее при слабом свете фитилька.

Во время путешествий по козьим дорогам, по необи-

таемой равнине нам угрожали не только болезни, на нашем пути встречалось немало змей — больших и маленьких, и нам приходилось убивать их. Говорили, что за одну убитую змею «получаешь сто дней прощения» на небесах, но за уничтожение самых ядовитых можно было бы пообещать и больше.

Средства против змеиного укуса были не слишком эффективными: необходимо высосать ранку, приложить лист табака, дать обет святому, затем приложить волокон пальмы питы выше укушенного места, чтобы яд не «разлился» по всему телу.

Уничтожение змей — опасный «вид спорта», особенно для детей. Мне приходилось уничтожать и небольших удавов. Единственный способ добиться успеха — покончить с его головой, а с телом его сладить трудно: оно напрягается, как мышцы боксера.

И хотя удав «трага венадо» неядовит, тем не менее он умеет защищаться и нападать. Однажды, будучи уже взрослым, я выстрелил в голову «трага венадо» и промахнулся. И хотя пуля вонзилась рядом и засыпала удаву глаза землей, он сделал сальто и вновь медленно двинулся мне навстречу. Мы не стали убивать его. Встречалась также страшная ядовитая змея бокидорада, у которой рот был как бы выкрашен во что-то яркое. Когда один пеон-батрак прижал палкой-рогулькой одну такую «кокотку», она сделала пируэт и вонзила зубы в дерево, и в том месте расплылось коричневое пятно, — вероятно, от смеси яда с соком дерева.

Самая трудная проблема — отсутствие питьевой воды. Дожди здесь выпадают редко. Колодезная вода была протухшей, а когда колодец истощался, то брали воду из луж, где свиньи спасались от жары и вода смешивалась с нечистотами и грязью. На дне глиняных кувшинов оставался толстый слой осадка, в котором шевелились какие-то червяки. Как могли выжить люди, пившие такую воду? Если бы я сам не пил ее, то не поверил

бы рассказам об этом. Однако я ничего не преувеличиваю.

Мой отец дон Рейнальдо жил в имении «Эль Ато», красивом местечке в 30 километрах к востоку от «Сан-Педро». У отца всегда было около полдюжины любовниц. Поговаривали, что дон Рейнальдо обладал «тайнственным» даром, который позволял ему покорять женщин, но этим «даром» было его довольно хорошее материальное положение, особенно в условиях окружающей нищеты. Признанных им детей было всего восемь — от трех матерей, которых дон Рейнальдо особо выделял. Эти дети не испытывали больших лишений в отличие от нас, постоянно страдавших от голода.

Моя сестра Селмира, став взрослой девушкой, перестала уважать отца и стала называть его просто Рейнальдо. Это вызывало бешенство у него, и он вымещал злость на моей матери. Селмира же без боязни говорила ему такие вещи, которые никто другой не осмелился бы сказать, например: «Я не ваша дочь», «Я вас не уважаю...» и т. п.

Люди говорили, что я походил на отца. Возможно, что так и было на самом деле. Однажды в малознакомом мне селении я спросил дорогу у человека, который неожиданно воскликнул: «Ты сын кума Рейнальдо!»

Младшая сестра родилась в 1912 году, в год свирепого голода на землях Коро, когда много людей бросило обжитые места и было вынуждено уйти на земли штата Сулия.

Когда моя мать ожидала своего последнего ребенка — мою младшую сестру, меня забрали в дом отца, чтобы я «подкормился».

Однажды отец пообещал купить мне рубашку. Каждый раз, когда он возвращался из своих частых поездок, я с нетерпением ожидал исполнения обещанного. Напрасно. Раздетым и разутым я пришел в богатый отцовский дом, таким же и ушел из него. Правда, мой папа —

мы так говорили: мама и папа — не был жадным и мелочным человеком. За игорным столом, когда он выигрывал, что случалось гораздо реже проигрышей, то раздавал немало мелких монет окружавшим его зевакам. Но это невыполненное обещание оставило в моей памяти неизгладимый след. Рубашка... Всего 10 сентаво по тем временам. Что они значили для такого богатого человека, как мой отец? Для меня же это целый мир радостей, самое большое счастье, какое я мог только себе представить.

«Эль Ато» — прекрасное место. В усадьбе был пруд, который не высыхал и летом, заросли кустарника и ручьи с манящей прохладой, тысячи коз и масса маленьких козлят. Я был бы счастлив, если бы один из козлят принадлежал мне.

Я вспоминаю все это потому, что подобная обстановка вызывала во мне постоянный, но еще не осознанный протест. Ребенок не анализирует события, но через некоторое время, накапливая опыт, начинает понимать, что бывают хорошие и плохие люди. Одни помогают ребенку, другие отворачиваются от него. Проходят годы, а события раннего детства не забываются. В богатом поместье отца «Эль Ато» мне «посчастливилось» усвоить подобный опыт, увидеть, как жили своего рода крепостные люди дона Рейнальдо.

Одну из служанок в «Эль Ато» звали Рамона. Незаконнорожденная дочь дона Рейнальдо, эта темнокожая девушка хорошо относилась ко мне, и я не отставал от нее ни на шаг, став ее второй тенью. Ее заботам я обязан жизнью в тот голодный год.

Мы вместе купались в пруду, она тайком добывала мыло у отца и, отмывая грязь с моего тела, говорила мне: «Не плачь, мой негритенок, от мыла еще никто не умер...» В этой девушке с густыми волосами цвета вороньего крыла, с мускулистыми ногами и крепкой грудью я с первого же знакомства почувствовал резкий

контраст между ее физической силой и лаской к заброшенному ребенку.

Другая служанка — светлокожая девушка, довольно полная, грязная, неряшливая. Одни говорили, что она моя сестра, другие утверждали, что племянница. И неважно, сестра или племянница, но мы родственники. Я ходил вместе с ней собирать тотокрос — сухие колючки на растопку печи, брала она меня и на другие работы. Она была не только старше меня, но и знала больше... Ей приходилось выполнять самую тяжелую работу в свои молодые годы и сносить оскорбления мужчин.

Однажды в «Эль Ато» появилась незнакомая мне еще сестренка с распущенными волосами, украшенными яркими лентами, она показалась мне пришедшей из какого-то сказочного, неведомого мира. Увидев ее, я тут же убежал. И это не страх, а поведение ребенка-дикаря, не умевшего играть с ровесниками, с родственниками «первой категории». Да между ними и нами не было никаких отношений. Но мы и не чувствовали себя врагами, не испытывали ни зависти, ни ненависти. «Некоторым повезло», — задумчиво говорили те, кто пытался объяснить наши отношения с другими членами нашей семьи. Мариа-Фульхенсиа запрещала навещать богатых родственников, чтобы те не подумали: мы пришли просить милостыню...

Мои признанные сестры — видные, крупные девушки с сильным характером — ко мне относились как к бедному брату, но все же как к брату. Одна из этих сестер — Аурора даже подарила мне сосуд из тыквы, наполненный молоком, когда я подошел к ограде загона, где доили коз.

С братьями, признанными отцом, дело обстояло по-другому. Они относились к нам с презрением, но впоследствии, когда их богатство уменьшилось, а наша семья стала жить лучше, когда мы своим трудом доби-

лись определенного достатка, их отношение к нам изменилось.

Настал день, когда в поместье появилась моя мать в сопровождении моего старшего брата Вальморе.

— Завтра мы уходим,— сказала она мне.— Хочешь уйти с нами?

Старший брат был сильным, смуглым мальчишкой. Он относился ко мне с добротой и любовью, в отличие от Антонио Хосе, «законного» сына отца. Тот нанизывал на кончик своего мачете ком колючек и подносил почти вплотную к моим глазам, явно наслаждаясь криками ужаса.

На рассвете следующего дня мы отправились в путь. Много длинных верст шли пешком по жаре и пыли.

На этом долгом пути в местечке Гуайябо Мерседес Мариа — мать Рамоны, смуглая добрая женщина,— пригласила нас позавтракать, предложив горячие лепешки арепас и сок сахарного тростника с молоком и патокой. Моя мать и мать Рамоны, бывшие подруги и когда-то любовницы одного и того же человека, воспользовались встречей, чтобы позлословить о нем и его родственниках.

Солнце уже припекало, когда мы вновь пустились в дорогу. Я ехал верхом на осле, мой брат тащил его за узду, а мать подгоняла осла сзади. Мать расспрашивала меня о моем житье-бытье у отца.

В Супидебо мы прибыли в полдень; здесь у нас тоже были родственники, и мы сделали еще одну остановку.

Вечером мы достигли Корралито. Здесь жила Росаура, очень милая наша родственница. Она угостила нас вкусным кофе. В Корралито мы задержались совсем немного. Было необходимо продолжать путь, чтобы нас не застала ночь в дороге.

В «Сан-Педро» прибыли, когда вечерний закат, быстро блекнувший, осветил своими красками раскаленную за день равнину. Вся семья вышла встречать нас.

Уже сонный, я немного испугался этой шумной встре-

чи и чуть не бросился бежать. Но моя тринадцатилетняя сестра Альтаграсиа схватила меня на руки, покрыла лицо поцелуями и успокоила.

Вскоре после нашего приезда нашли одного соседа, который пришел с ножницами и остриг мои косы. Вши дорого заплатили за все мучения, которые пришлось мне испытать от них.

Козы в это время давали достаточно молока, и я пил его много. Мама говорила, что у меня «собачий аппетит». Насмотревшись на меня после возвращения домой, она долго не могла успокоиться: «Хорошо, мой мальчик, ты скоро поправишься». Но сама поклялась не рожать больше детей, чтобы они не умирали от голода и нищеты. А это означало для нее отказаться от мужнины в довольно молодом возрасте, потому что в то время не было средств предохранения от беременности. Женщина с твердым характером, Мариа-Фульхенсиа как сказала, так и сделала: у нее не было больше детей.

Моя мама, сама неутомимая труженица, находила работу для всех. Получил работу и я: вместе с Хулио ухаживал за козлятами, собирал дрова, стерег коз в загоне. И вот однажды у нас возник спор о том, каким путем на свет появляются дети. Мы отправились к бабушке, но наш вопрос был задан в столь откровенной форме, что нам пришлось спасаться бегством от ярости наших сестер, находившихся в то время здесь же.

Все познается со временем. Вскоре мы уже многое понимали. Когда появлялся новорожденный козленок, мы устанавливали его пол и тут же отправлялись с доставкой к маме. У детей, которые растут без отцов, существуют собственные проблемы, но они слишком осложняют жизнь своим матерям. Мать-одиночка добра как мать, но одновременно ей приходится хмурить брови и наказывать своих детей за безалаберность, выступая в роли отца.

Мама была доброй и ласковой, но никогда просто

так не демонстрировала свои чувства. И все же, когда кто-нибудь из детей заболел, она полностью менялась, у нее появлялись совсем другие слова, и они были для больного самым лучшим лекарством. Перед сном, а мы ложились спать рано, «с курами», вся семья выходила помолиться на ночь. За право сидеть в это время на коленях у матери боролись все мы, но когда ты маленький, то быстро засыпаешь под слова молитвы, а если молитва длилась дольше обычного времени, засыпали все дети, за что на следующий день мы выслушивали упреки матери.

Материнские наказания выпадали и на мою долю, но я избегал их, удирая в овраг, а когда солнце начинало невыносимо припекать, возвращался домой. В это время бабушка выходила искать меня. Я возвращался домой с опаской, а между матерью и бабушкой возникали споры. Мать хотела наказать меня, а бабушка выступала против: «Прости его, он больше не будет!»

Однажды, убегая от матери, я взобрался на дерево кухни, но это была ошибка, мама успела отшлепать меня по ногам и по мягкому месту. Мне было стыдно, а сестры умирали со смеху при виде того, как я старался поджать ноги, чтобы избежать наказания. В свои восемь лет я был подвижным ребенком, и для того, чтобы наказать меня, требовалась помощь сестер, но и сестрам иногда требовалась моя помощь, и я это учитывал в своем поведении. Так, у меня была хорошая память, и сестры настойчиво просили меня сопровождать их на праздники, с тем чтобы я запомнил слова песен, которые пели собравшиеся; сестры запоминали их мотив — здесь я ничем не мог помочь им, так как всегда был глух к музыке и танцам.

Недалеко от нас поселилась молодая супружеская пара, и моя мать стала повитухой у молодой соседки. Ее муж, Хосе Рамон Рейес, вел себя по отношению ко мне как добрый отец: его советы запомнились мне на всю

жизнь. Может, это покажется странным, но мой старший брат Вальморе никогда ничего не рассказывал мне о жизни и об отношениях между людьми.

Эти советы имеют свою ценность, особенно в среде, где царит полнейшее незнание, где дети слушают всевозможные байки, однако они, как правило, далеки от действительности.

Недалеко от наших мест находилась небольшая соляная разработка, но никто не брал там соль, потому что она принадлежала правительству. Люди предпочитали собирать селитру, просеивать ее, а затем кипятить этот коричневый раствор, из которого получалась какая-то серая соль, похожая на сахар, засиженный мухами. Иногда появлялись правительственные надсмотрщики, вооруженные большими винтовками; они оскорбляли женщин, иногда избивали их и ломали все приспособления для добычи соли.

Для очистки початков кукурузы была необходима известь. Ее добывали из раковин. Слой дров, слой раковин, еще слой дров. Все это сооружение поджигалось, а на следующий день поливалось водой.

Иногда мы находили пчел на деревьях, но у нас не было ни мачете, ни топора, и часто в таких случаях приходилось оставаться без добычи. Немного меда добывали в осиных гнездах, но осы решительно защищали плоды своего труда...

Пришло время, и Мариа-Фульхенсиа начала брать меня с собой, когда ходила зачем-нибудь к соседям. Я сопровождал ее, чтобы запомнить дорогу. Первые, у кого я побывал,— соседи в поместье «Пайгуара» считались зажиточными. Об основателе этого поместья говорили, что он даже мог быстро читать.

Мы пришли к ним вечером и застали семью за игрой в домино. Игроки оставили неоконченную партию и начали разговаривать с мамой. Когда внимание взрослых отвлеклось, я стащил три костяшки, не зная, для чего

они нужны. Я спрятал их возле нашего дома в овраге и убежал из дома, чтобы поиграть в них.

Хулио лучше, чем я, запоминал дорогу к соседям и поэтому считался образцовым парнем, особенно в сравнении со мной. Может быть, потому нас посылали к соседям с поручениями вместе. Наш первый выход был в местечко Санта Инес, в дом моей молочной сестры. Когда мы выполнили поручение мамы, нам сказали: «Подождите до обеда». — «Нет, — ответили мы. — Нам нужно идти». Нас угостили лепешками со сметаной. Видя, что мы не уходим, нас спросили: «Что же вы не уходите?» — «Мы будем ждать обеда»...

Такие походы были редки и только по делу. К нам гости заявлялись нечасто. Это были старики или молодые батраки. Они говорили, что им нравится разговаривать с Марией-Фульхенсией, а она действительно могла поговорить. Кроме того, бабушка без конца рассказывала о своем прошлом.

Лают собаки... Это значит, что кто-то приближается к нашему дому. Мы, дети, немедленно прятались: у мальчиков нет одежды, а девочки одеты в тряпье. Лишь постепенно дети начинали несмело показываться из-за углов. Однажды, высунувшись из-за дома, я начал строить рожи одному из гостей, а он предал меня: «Сеньора Мариа, этот родственничек меня передразнивает...» Мне здорово влетело.

НАЧАЛО ПЕРЕМЕН

Мой старший брат стал первым рабочим-нефтянником в семье Фариа. Это событие изменило нашу судьбу. Вальморе ушел на заработки в Роса-де-Кабимас, где позднее, в 1922 году, начала фонтанировать знаменитая скважина «Барросо №2», давшая первую на венесуэльской земле промышленную нефть.

От «Сан-Педро» до поселка Роса-де-Кабимас около 200 километров. Летом их можно пройти за пять дней. Но в сезон дождей лучше не пускаться в путь, так как невозможно переправиться через многочисленные реки и широко разлившиеся ручьи в оврагах. Мама проделала этот путь несколько раз. В поселке она продавала подо-роже гамаки, а главное, получала деньги, которые Валь-море выделял из своего заработка для семьи. Через две-три недели мама возвращалась с деньгами, в лучшем случае с пятью песо, и с продуктами — бананами, куку-рузой, кофе. Приносила она и лекарства, прежде всего хину. Хину приходилось покупать для всех: ведь если ли-хорадка не перестанет трепать человека, то он умирает.

В 1916 году наш дом посетила чума, которая вместе с малярией, с ее ужасной лихорадкой и ознобом, пред-ставляла смертельную опасность для нашего маленько-го коллектива.

Теперь, когда сын Марии-Фульхенсии работал на неф-тепромыслах, нашлось несколько торговцев, которые от-пускали ей в кредит немного кофе и кукурузы, хотя сам кредит не превышал одного песо.

Приходя из Роса-де-Кабимас, мать рассказывала о брате, и мы мечтали об отъезде из «Сан-Педро». Вскоре дон Рейнальдо выполнил обещание и продал все «наше» стадо. Это событие ускорило и наш переезд. «Все, что ни делается,— к лучшему...» Настал момент для нашего ухода с этого места. Вальморе накопил 16 песо для по-купки лачуги в Лас-Уэртас, недалеко от Борохо, где жило еще несколько семей, в пяти километрах от церк-ви и кладбища. Новый дом был односкатным, с узкой дверью и дыркой вместо окна, кухня помещалась под на-весом. Эулохио Нава, один из батраков отца, помог нам перебраться и перенести наш небольшой скарб да пере-гнать 15 коз. Дорога оказалась долгой и утомительной: приходилось останавливаться, чтобы пасти и поить коз.

Эулохио Нава — мой старый друг еще с тех времен,

когда меня отлучили от материнского молока и я жил в поместье «Эль Ато». Он говорил «кум» всем мужчинам и «кума» — всем женщинам. Этот добродушный труженик имел несколько взрослых сыновей — таких же батраков, как он сам. Когда я устал, он сажал меня на плечи и долго нес. Во время нашего пути прошли дожди, и редкие растения на равнине зазеленели, стало свежо. Над нами летали красные кардиналы, агрессивные турупиалы и другие знакомые нам пернатые.

Мы шли «низом» и «верхом», то есть по равнине возле моря и у подножия гор. Позади остался «Сан-Педро» — наш старый домишко с его потрескавшимися стенами и ветхой крышей, будущая обитель змей и всякого рода насекомых.

Вечерело, когда мы пришли в Лас-Уэртас.

Нашими соседями оказались две семьи, одна обеспеченная, другая бедная. В первой — трое детей, во второй — четверо. Среди соседских ребят оказался один моего возраста, а его сестра — ровесница моей сестры. Мальчишка он был сильный и предприимчивый. Не так далеко от нас жили какие-то наши родственники. Хуана, наша бедная соседка, умела охотиться на игуан. Задолго до рассвета она и наша мама уходили далеко в расщелины и возвращались с жирными игуанами и их яйцами. Из яиц мы делали неплохую яичницу.

Через несколько дней после вселения в новый дом нас навестил Вальморе. Это был крепкий и неунывающий юноша. Он принес с собой немного денег и новую одежду. Соседкам нравился молодой рабочий-нефтяник, и через некоторое время у одной из них появилась дочь, очень похожая на моего брата.

— Как везет Вальморито! — говорили его друзья.

Приходилось привыкать к новым дорогам. Брат Хулио работал на нефтепромыслах в Сулии, а Виктор был еще совсем маленький. Главным мужчиной в доме стал я. И в конце концов не оказался таким бесполезным, как

этого опасались мои родственники: выполнял поручения матери и иногда нашего богатого соседа, который платил мне один реал за 50 километров пути. Если же требовалось пройти более короткое расстояние, то в награду я получал немного патоки. Мой первый поход был совершен в имение отца «Эль Ато». Я отправился в путь вместе с соседкой Хуаной — сильной и смешливой женщиной.

В пути попадались заросли густых кустарников, в ручьях было много довольно чистой воды, хотя в ней плавало немало всякого мусора. Наконец показались стада коз, и Хуана стала определять: «Вот это и вот это — клеймо твоего отца». Потом она развеселилась:

— Тебе нравится эта коза? Нравится тебе этот козел? Кто тебе нравится?

Наконец мы увидели крупную козу. Поднявшись на задние ноги, она объедала нежные побеги куста лагуарди.

— Вот эта мне нравится!

Это был прекрасный экземпляр с черными и белыми пятнами на шкуре.

— А почему тебе понравилась именно эта?

Чтобы что-то ответить, я сказал: «Видно, что дает много молока!» Моя спутница похвалила меня и сказала, что из меня выйдет хороший пастух.

Когда мы пришли в «Эль Ато», я попросил у старших благословения и патоки. Мои старые друзья рассмеялись и ответили, что я уже подросток и мне нужно самому зарабатывать на хлеб.

Хуана рассказала им историю с козой и от себя добавила, что Хесус, то есть я, скоро сможет пасти коз. Взрослые откровенно засомневались. Кто-то из них сказал:

— Пасти коз он и сейчас умеет, а пастухом вряд ли будет. У него другое будущее.

В «Эль Ато» я снова увидел отца и своих обеспечен-

ных родственников. Мне рассказали, что прошлой ночью отцу устроили засаду и хотели его убить. Дон Рейнальдо вышел из этой переделки без единой царапины. Отличный стрелок, всегда имевший при себе неплохое оружие, он внушал страх тем, кто его ненавидел. И на этот раз он обратил в бегство тех, кто стрелял в него из ружей на весьма разумном расстоянии. В ту ночь он вернулся в поместье с известием, что потерял свой новый и прекрасный револьвер, лучший во всей округе, и предложил 25 песо тому, кто его найдет. По тем временам это был целый капитал, ведь кофе и патоку тогда покупали на сентаво. Через несколько недель в деревню вызвали всех мужчин из близлежащих хуторов. Здесь им объявили о приказе, запрещающем ношение оружия. Всем надлежало сдать оружие. Отец отдал старый револьвер, потому что о другом, более современном, лицемерно сокрушаясь, он сказал: «К сожалению, я его потерял», и только тогда люди поняли секрет «потери».

Мои двоюродные сестры жили в «Эль Ато». Они любили поваляться в постели и никогда не работали, зато считали себя красивыми и неотразимыми. Они росли под юридической опекой дона Рейнальдо, и, как часто бывает, когда дела опекуна идут хорошо, земли поместья племянниц сокращались, как шагреновая кожа. Опекун подписал соглашение о покупке у племянниц земель в «Омбре пинтадо»¹ сразу же после того, как английские геологи нашли в этом районе нефть.

Одна из двоюродных сестер — Хулиа Минерва была моей крестной матерью. Злой нрав сестер хорошо знали далеко за пределами поместья. Они деспотически обращались со мной и с другими слугами дона Рейнальдо. Били и сажали нас на несколько дней на хлеб и воду, и лишь Рамона тайком подкармливала «провинившихся».

¹ «Нарисованный человек». Это поместье называлось так потому, что на одной из скал в этой местности кто-то нарисовал фигуру человека. — *Прим. авт.*

В отличие от сестер дон Рейнальдо почти всегда находился в хорошем настроении, с его лица редко сходила улыбка. Он почти никогда не ругал и не бил своих батраков.

Случилось так, что во время моего посещения «Эль Ато» Хулиа Минерва вышла замуж за незаконного сына моего отца. Мулат, любитель женщин и веселых компаний, он в два счета промотал ее состояние. Вторая «зеница ока» моего отца сама ушла из дому, сошлась с мусорщиком и родила сына. Обе они умерли в нищете и одиночестве.

В походе по окрестным имениям и хуторам с поручениями матери я набирался жизненного опыта, вырослел, но одного не мог перебороть — страха перед предрассудками и «привидениями». И это несмотря на то, что старший брат Вальморе не знал страха. Находились люди, которые цепенели при виде того, как Вальморе издевался над предрассудками — делал все, чего, согласно преданиям, нельзя было делать. Эта смелость молодого рабочего заслужила ему широкую славу среди молодых парней. Что же касается меня, то я опасался всего и, конечно, «дьявола». Так, однажды на рассвете мне пришлось пройти через место, которое мы называли Льяни-то; в центре его росло дерево, а на нем якобы повесился священник. В три часа утра светало, когда я проходил под ужасным деревом. И тут я услышал стон. Он, казалось, остановил во мне движение крови, но не смог парализовать ноги, и я бросился бегом назад. На обратном пути, днем, я остановился на страшном месте и понял, что «стон» издавали ветки, трущиеся друг о друга под порывами ветра. Другой раз темной ночью недалеко от тропы, по которой я шел, послышался довольно сильный и для этих мест необычный звук. На этот раз я не побежал, а выяснил, что звук издавал ослик. После этого случая страх перед псевдомым прошел, и я не бежал сломя голову.

На одном хуторе недалеко от нашего дома появилось привидение без головы. Его видели в полночь, когда оно направлялось к кладбищу. Один любопытный батрак решил докопаться до истины. В следующую полночь, когда появилось привидение, одетое в белое покрывало и напоминавшее фигуру женщины, батрак, сохраняя благоразумную дистанцию, пошел за привидением, которое действительно направилось на кладбище, но человек следил за ним до самой ограды. Мертвец без головы отыскал заросли густой травы и присел в нее, а его преследователь с пожом в руке приблизился и выяснил тут же на месте, что помешал другому батраку совершить обряд колдовства, чтобы влюбить в себя понравившуюся ему девушку.

Другим поздним вечером случилось совсем нечто необычное, что заставило всех задрожать от страха и забиться в свои норы. Мы услышали дикий, необычный шум, который приближался к нашему дому. Бабушка говорила, что это идет святой Херонимо со своим рожком в поисках плохих детей в канун светопреставления. Я умолял ее помолиться, но бабушке, как казалось, было не до молитв в тот момент. Утром мы узнали, что неподалеку по дороге в Борохо шел трактор, его мы еще никогда до этого не видели и не слышали.

Наконец я понял, что ночные привидения — это те же самые вещи, которые мы видим днем, но ночь придает им иную окраску. Вот почему я еще в детстве понял: страх — плохой советчик. Поняв это, я уже не боялся и драк со своими сверстниками — мальчишки из соседних домов пользовались моим малым весом, для того чтобы показать свою силу. Без всякой причины я вступал в драку; голодного несмышленыша часто укладывали на лопатки. И все же всех ребят объединяла протекавшая недалеко от нас река-друг. Она пересыхала летом, а зимой широко разливалась. Там, где берега реки сближаются, деревья близко склоняют друг к другу свои кроны. Мы по-своему использовали эти деревья: связывали ветки и уст-

раивали своего рода мосты. Опасность нас не пугала: мы перебирались по ним, чувствуя себя ловкими и смелыми. В кронах деревьев я научился ловить голубей с помощью силков, сделанных из стеблей сухого репейника. Было жаль убивать их, но у голода слишком суровые законы. В пойме реки выращивались растения, неизвестные в «Сан-Педро»: дыни, рис, оливы и др. Мы узнали также вкус арбуза, различных сортов фасоли. Вода здесь была совсем не такая грязная, как на нашем прежнем месте. Вот это была жизнь!

На берегах реки мы искали захороненные клады, свято веря в удачу. Любители сказок о кладах рассказывали, что искать спрятанные богатства следует в старых могилах и заброшенных домах. По правде говоря, некоторое количество золота и серебра нашли и в наших местах. Вот как это случилось.

Один батрак вел по пустынной дороге своего осла, нагруженного сырами. Увидев, что приближается буря, он решил укрыться в заброшенном доме. Там он обнаружил кувшин, замурованный в стене. В кувшине оказался золотой клад. Другой батрак — пастух бродил со своим стадом по небольшой равнине и на том месте, где когда-то стоял дом, увидел, что из земли торчит край кувшина. Он раскопал землю пожом и увидел клад золотых реалов, среди которых находились золотые шпоры. Любители-кладоискатели говорили, что в том месте, где захоронен клад, по ночам горит огонь. Или наоборот, если где-либо виден огонь, значит, там спрятано золото. Но в тропическую ночь ты видишь множество огней, которые на деле являются светлячками. Многие люди, как, например, мой старший брат, часто видели огни и бросались к ним. Но когда они приближались к этому месту, огни исчезали. «У меня на этот раз были плохие мысли...» — говорил брат в таких случаях. «Плохие мысли» означало, что ты хотел забрать все золото себе, присвоив и ту часть, которую должен отдать священнику.

Как-то мне представилась возможность отправиться в «Сокопо», расположенное за голубыми горами, вершины которых всегда закрыты облаками. Мне к тому времени исполнилось одиннадцать лет. Управляющим в поместье «Сокопо» был наш сосед, и я ехал вместе с его сыном, знавшим дорогу. Мы тронулись в путь с тремя пустыми ослами. Первую ночь провели в Эль-Босуго, вторую — в Лас-Бойтаитас. На третий день вечером прибыли в назначенное место.

Это было мое первое длительное и незабываемое путешествие. Идешь по земле и воочию видишь, как меняется пейзаж: постепенно растительность становится все более обильной и разнообразной, ветер стихает, колючки сменяются сочными листьями, начинаются небольшие холмы. Вместо мелких ящериц попадаются крупные — настоящие игуаны. И птицы здесь покрупнее. Меньше змей, и они здесь другие. Часто идет дождь. Не так жарко, иногда даже прохладно.

В «Сокопо» давили сахарный тростник и извлекали патоку, собирали крупные бананы, юку, маис, фасоль и другие дары земли. Там было много проточной воды — прозрачной и свежей. Жизнь здесь показалась мне прекрасной; но, как оказалось позже, такой она была не для всех. После посещения «Сокопо» в свои одиннадцать лет я начал работать погонщиком в караване. Я не знаю почему, но девять — не восемь и не десять — грузовых ослов составляли караван. Каждое животное несло груз не менее 64 килограммов. В караване всегда впереди идет осел — «колокольчик». Среди погонщиков пользовались наибольшей популярностью те, кто умел хорошо распределить и правильно увязать поклажу. Один из погонщиков, по имени Ареге, был известен тем, что он ни разу не останавливал в пути свой караван: поклажа у его ослов никогда не сползала набок.

На нашем пути встречались равнины, и овраги, и труднопроходимые места — склоны Вариро и Маис, Ла-

Пьедра. Последнее место — узкий опасный проход среди скал, в котором мог пройти только один осел.

Остановку делали с разрешения старшего погонщика. Между деревьев, вблизи какого-либо обитаемого дома, натягивались гамаки, каждый ел то, что взял с собой в дорогу.

Были постоянные места для остановок, здесь встречались погонщики: одни поднимались вверх в горы с пустым караваном, другие спускались с поклажей. Иногда играли в карты — дадос — на небольшие суммы денег. Ночью у каждого погонщика под его гамаком находилась головешка, чтобы прикуривать самокрутку или погасшую трубку. Иногда тишина нарушалась крепким ругательством усталого человека, иногда можно было услышать рассказы бывалых людей. Темы рассказов — мертвецы, охота, петушинные бои и драки между мужчинами. Если же рассказчик касался своей личности, то его действия всегда были похождениями героя.

Вдоль всего пути, как вехи, встречались безымянные могилы. Когда умирал погонщик, никто не заботился о том, чтобы похоронить его; труп забрасывали ветками и камнями у самой дороги. Некоторым из этих похороненных погонщиков приписывали возможность творить «чудеса», и у их могил была своя клиентура. На такие могилы ставили свечи и иногда даже оставляли здесь мелкие монеты. Но коль скоро находились люди без совести, то первый же из них, увидев деньги, забирал их «в долг», который никогда не возвращал.

Батраки не могли покинуть место работы до уплаты долга. Им приходилось бежать, но у хозяина длинные руки. Рассказывали, что у одного хозяина сбежал батрак и его нашли в другом поместье. Там его связал комиссар полиции и передал хозяину. Тот привязал беднягу к хвосту своей лошади и дал ей шпоры. Батрак пытался бежать за лошадью, пока у него хватало сил, затем упал, и лошадь потащила его по земле. Когда хозяин увидел,

что батрак не подает признаков жизни, он обрезал веревку и продолжал свой путь.

Вальморе вернулся домой; он заключил контракт на продажу патильяс — арбузов из поместья «Посон-Саладо», и я стал помогать ему носить их в поселок Дабахуро, где мы их продавали. Туда и обратно было около 14 километров. Иногда мы продавали арбузы оптом, но чаще складывали сладкую ношу в тени высоких кустов — матополос, а я ходил по улицам, крича: «Арбузы! Арбузы!» Я носил их в заплечном мешке, на котором была написана цена: «Один ломоть — одна лоча»¹. Это был деликатес, который рос на высоком берегу реки. Красные и сладкие, они были предназначены исключительно на продажу. У меня слюнки текли, когда покупатели на моих глазах разрезали арбуз. Я оказался на этой работе батраком без оплаты, но брат вдобавок еще и колотил меня, когда для этого находился повод или даже без него. Для этого он использовал провод, сложенный вчетверо, или длинный, весь в узлах кнут. Однажды он бросил меня на туперо — куст тунгового дерева, и тысячи иголок вонзились в мое тело. Несколько дней меня лихорадило из-за нарывов на коже.

Вальморе часто унижал меня перед чужими людьми, говоря: «Ни на что он не годится». Ясно, что как работник я ему и в подметки не годился. Но не следует забывать, что мне в ту пору не исполнилось и 13 лет. Я действительно был болезненным и рахитичным ребенком.

Бабушка умерла, а мои две старшие сестры и Вальморе жили самостоятельной жизнью. Брат отказал нам в помощи под тем предлогом, что сестры завели собственный очаг. С мамой остались Виктор, который уже подрабатывал, Гойита и я. Следовало решать, что делать дальше.

¹ Мелкая монета.

В свои 13 лет я отправился на поиски постоянной работы. Конечно, прежде всего я пошел в Эль-Мене-де-Мауроа, где тогда работал Вальморе. Он трудился в кузнице — тяжелая работа даже для взрослого человека, но, к сожалению, плохо оплачиваемая. Мне удалось устроиться мальчиком-прислугой в таверне, но вскоре я вынужден был ее бросить: 16-часовой рабочий день, 30 дней в месяц всего за 8 боливаров. Работа в другой таверне была более терпимая: колоть дрова, качать воду, очищать кукурузу и молотить ее, выполнять различные поручения и получать выговоры в любое время. Оплата такая же, как и на прежнем месте, еда — то, что осталось от обеда. Теперь мой брат лучше относился ко мне. Он помогал мне очищать кукурузу, а иногда и молотить ее. На работе я тяжело заболел. Пришла мама, чтобы забрать меня домой. Я не узнал ее: у меня был сильный жар и я бредил. Первый раз в жизни меня осмотрел врач (иностранец) и прописал хорошие лекарства. После выздоровления я оставил работу в таверне и поступил в дом к обеспеченной семье. Здесь я зарабатывал уже 15 боливаров в месяц и еду и ко мне неплохо относились. Кроме того, работа не была тяжелой. У меня оставалось время для того, чтобы продавать дрова и воду и таким образом увеличивать свой заработок до 30 боливаров в месяц. Мои новые хозяева — муж, жена и маленький сын — приветливые люди. Впервые в жизни я почувствовал себя действительно как в семье, здесь ко мне относились по-другому: не били и не ругали.

Не могу вспомнить точно, когда в Эль-Мене появилась эта английская нефтяная компания — «Бритиш петролеум». Очевидно, это произошло после прихода к власти Гомеса, в те времена, когда дон Рейнальдо купил и продал земли поместья «Омбре пинтадо» недалеко от Эль-Мене.

31 июля 1913 года «Карибиан петролеум компани» («Ройял датч-Шелл») начинает эру торговли венесуэльской нефтью, получая на своих промыслах «Сумаке № 1» 250 баррелей в сутки (1 баррель — 159 литров — 42 американских галлона). Эти промыслы в Мене Гранде (район Баральт, штат Сулия) открывают путь к сказочному нефтяному бассейну озера Маракайбо. Здесь на небольшой глубине были обнаружены огромные запасы нефти.

В феврале 1914 года начинается бурение скважины «Сумба № 1», она давала 1000 баррелей в сутки. В ноябре 1914 года стала фонтанировать скважина «Сумайя № 1», которая давала от 20 до 40 тысяч баррелей в день.

Так на прекрасных полях Мене Гранде родилась нефтяная промышленность. Это было выгодно для диктатора Гомеса, но еще более выгодно для английских монополий.

В 1917 году начало действовать первое нефтеочистительное предприятие в Сан-Лоренсо, в 16 километрах от Мене Гранде, на берегу озера Маракайбо. Это предприятие перерабатывало 8 тысяч баррелей сырой нефти в сутки.

В 1919 году в Венесуэле появились американские компании.

В 1920 году в стране принимается первый закон о горючих ископаемых; большая заслуга в этом принадлежит министру Гумерсиндо Торресу, который попытался ограничить прибыли монополий 12 процентами годовых от вложенного капитала. Не добившись этого, министр заявил в Национальном конгрессе, что было бы предпочтительнее дарить нефть, так как нефтяные компании уплачивали лишь таможенные сборы за те товары, которые они ввозили незаконно. Эти слова рисуют чудовищную картину положения в Венесуэле при диктатуре Хуана Гомеса.

Доля участия Венесуэлы в разработке и добыче ее нефтяного богатства являлась очень небольшой. Если не

считать того, что иностранные монополии оставляли в стране в качестве жалкой заработной платы, выплачиваемой рабочим, государство получало с них лишь несколько сентаво за каждую тонну сырой нефти, которую увозили за пределы венесуэльских границ. Поскольку закона о подоходном налоге не существовало, компании оставляли себе почти все, что получали от продажи нефти.

Рабочие-нефтяники трудились, не имея практически никаких прав, не было никакого закона, который защищал бы их интересы. Рабочий день начинался тогда, когда приказывал надсмотрщик, и заканчивался тогда, когда он уставал наблюдать за работающими. Рабочие не знали, что такое медицинская помощь, что такое отпуск, пособие.

Диктатор Гомес и его окружение из латифундистов противились тому, чтобы рабочим выплачивали «высокую» заработную плату. Гомес установил минимальную заработную плату: 4 боливара без пиры — всякого «прицепа». Это слово означало еду. «В таком-то поместье платят два реала и пиру — «прицеп», — говорили в народе. «Прицепом» сначала называли различного рода фасоль, а впоследствии и ту еду, которую три раза в день получали батраки.

«Бритиш» поначалу нашла довольно бедное месторождение нефти, но зато очень высокого качества. Это была нефть зеленовато-черного цвета. Люди издавна пользовались ею для освещения жилищ и лечения некоторых болезней. Паровые котлы на нефтепромыслах работали на дровах, которые покупались небольшими связками. Каждая связка — 4 боливара. Нужно было хорошо помахать топором в течение дня, для того чтобы собрать связку. Когда лесоруб заканчивал связку, он складывал внутрь ее жердь и начинал связывать следующую — так он вел счет своей работе.

Из всех нефтяных компаний, работавших на землях штата Сулия, ни одна не вызывала такую ненависть

со стороны рабочих, да и всего населения, как «Бритиш». В Эль-Мене в 1922 году население возмутилось произволом этой компании. Это было, пожалуй, самое первое в Венесуэле антиимпериалистическое выступление. Рабочие, а к ним присоединилось и население, схватили хурунгос — наиболее ненавистных надсмотрщиков — и заперли их в тесные камеры полицейского участка. Ночью их чуть не порубили мачете. Наконец появились послы от руководства компании и стали вести переговоры с рабочими; хозяева пошли на некоторые уступки, и рабочие освободили испуганных британских подданных, которые вскоре исчезли из этих мест. Это была первая крупная победа рабочих над представителями британского империализма во времена, когда в Венесуэле издавалось мало газет, а те, которые печатались, не публиковали никаких сообщений о подобных событиях; вот почему это выступление осталось почти неизвестным в нашей стране.

ЭЛЬ-МЕНЕ-ДЕ-МАУРОА

Поселок, в котором мы жили, священник, нанятый компанией, окрестил Сан-Антонио-дель-Мене. Красивое место. Утром здесь прохладно, днем максимальная температура достигает 33 градусов. Дождей достаточно. Поселок расположен на небольших холмах между реками Матикора и Мауроа, скорее ближе к Маракайбо, чем к Коро. И хотя он находился на землях штата Фалькон, все его население связано с работой на «Эстакада» — нефтепромыслах на берегах «озера нефти» — Маракайбо, которое так изумило своим видом испанского конкистадора Алонсо де Охеду. Когда наша семья прибыла в поселок, навстречу нам попался трактор. Я так испугался, что пустился бежать прочь. Больше всего меня в поселке поражало количество народа, обилие торговых лавок, игорных домов, помещений для петушинных боев. Автомобили были мне уже знакомы. Однажды я увидел автомо-

биль в Борохо и чуть не побегал от него, но меня вовремя схватил сосед Брихидо Матос и сказал, смеясь: «Не беги, глупыш, эти звери не сделают тебе ничего плохого...»

Выплату заработной платы рабочим производили 15-го и 30-го числа каждого месяца. В эти дни вечерами было много драк. После этих побоищ я собирал пустые бутылки и продавал их. На эти «доходы» я покупал такие яства, которые мне раньше и не снились: мороженое, сгущенное молоко и консервированный кокосовый сок. Мне нравились петушинные бои, и каждый раз, когда появлялась возможность, я присоединялся к тем, кто ставил на самого красивого петуха. Однажды я подошел к группе мужчин, занимавшихся подготовкой петуха к бою, и один из них спросил меня:

— Катире¹, ты, должно быть, такой же игрок, как твой отец? На этого ставишь?

— Мне нравится другой.

— Почему?

— Он красивее.

— Все красивое фальшиво.

И когда начался бой, мой красивый петух был побит.

В Эль-Мене процветала проституция. Бывали и убийства. Однажды один «мистер» застал свою любовницу с молодым рабочим. Он избил его из ревности. Рабочий достал у кого-то пистолет и убил «своего» англичанина. Была предложена «жирная» награда, и беглеца поймали, но награду присвоили власти. Доносчику же пригрозили. В поселке было три или четыре полицейских, и они всегда вовремя уходили, когда начиналась драка. Жертв драк хоронили со связанными ногами — верная гарантия того, что убийца не сможет уйти далеко. Я рассказываю о 1924 годе. К этому времени мама переехала в Эль-Ме-

¹ Мальчик.

не, где у нее был «пансион» на трех человек. Кроме того, она стирала рабочим одежду.

Среди рабочих можно было четко различить уроженцев Сулии и Коро. Сулианцы были более шустрými. А вот корианцы, грозные драчуны вне работы, иногда сносили самые грубые выходки надсмотрщиков.

Наиболее высокооплачиваемые рабочие — клепальщики, работавшие с тяжелыми кувалдами, — строили хранилища для нефти.

Английские нефтяники нашли свое «Эльдорадо» в пяти километрах от города Кабимаса. Скважина «Барросо № 2» зафонтанировала 14 декабря 1922 года и начала давать в день 100 тысяч баррелей нефти. В течение десяти дней фонтанирующая скважина заполнила нефтью большое пространство. Срочно сломали небольшие дома, стоявшие на пути нефти, использовали каждую складку местности. Как по мановению волшебной палочки нашлась работа для всех. Семьям, которые жили в той местности, выдавали различные консервированные продукты, галеты, сыр, запрещая им разводить огонь, чтобы нефть не воспламенилась. Начался новый этап в развитии добычи нефти. О Венесуэле заговорили в офисах Лондона, Нью-Йорка, Парижа. Но мы ничего не знали об этих событиях. Наш мир ограничивался Эль-Мене и Борохо. Я работал водовозом, по 10 часов в день развозил в бочке воду, выкрикивая: «Одна лоча — ведро!»

На нефтепромыслах имелось множество игорных домов: карты, рулетка и т. д. Специальные игры предназначались для «мистеров». Однажды вечером мы, группа водовозов, пришли в один из игорных домов «монти-дао», где играли в рулетку. Поставили один-два реала и, как всегда, проиграли. Но один из нас, одетый в лохмотья парень, оказался счастливчиком: он выиграл почти 10 песо. Парню везло, продолжал выигрывать. Золото и серебро заполнили его карманы, шляпу, скопились на столе... Мы, пораженные, молча смотрели. Один из нас ска-

зал ему, чтобы он прекращал игру. В ответ послышалась брань. Он продолжал играть, и через час в кармане у него не осталось ни одного боливара. На следующий день он, как всегда, продавал воду: «Одна лоча — ведро!» В те времена в наших местах почти не было в обращении банковских билетов. И вначале почти все владельцы питейных заведений отказывались принимать бумажные деньги или принимали их со скидкой в свою пользу на 10 процентов: один билет достоинством в 20 реалов шел за 18 — неплохой бизнес для владельцев пивных погребков.

В 1924 году прошел слух, что начались работы в Ла-Росе. И платят там неплохо. Множество людей потянулось в те места. Я видел большие группы крестьян, которые в сопровождении надсмотрщиков шли в Бобурес, где и умирали от малярии. Им давали деньги вперед, и они укладывали свои вещички, чтобы никогда больше не вернуться домой. На сей раз поиски рабочих рук вели владельцы англо-голландской компании «Венесуэла ойл консешен» (ВОК). Ла-Роса расположена на высоком берегу озера Маракайбо. Однажды ночью над Ла-Росой появился огонь. Никто не мог сказать, откуда взялось зарево. Через некоторое время пришли вести. На берегах озера разразился пожар — горела нефть. Говорили, что огонь по нефти доберется до глубин земли, затем земля взорвется и наступит конец света; это будет наказанием за то, что люди перестали ходить в церковь. В наивных сердцах, в том числе и моем, началась паника.

И все же мы отправились на нефтепромыслы, на земли Сулии, в Ла-Росу. Вальморе — ветеран этих дорог, я же шел в первый раз. С узлами за спиной рано утром мы пустились в путь. Оба мы неплохие ходоки, но, как и во всем, Вальморе и в этом превосходил меня. На полдороге нас догнал пустой грузовик, и шофер предложил «подбросить». Я забрался в кузов, охваченный страхом: впервые я ехал на автомобиле. Шофер увидел, что я так

и не снял свою поклажу, и сказал насмешливо: «Земляк, скинь свой узел, грузовик сам его повезет...»

Мы слезли в Ла-Катанехе. Здесь свернули к Санта-Росе, в сторону хутора дон Эваристо, друга Вальморе. Теперь я увидел сулианские земли и проехался на автомобиле. Как изменился мой мир! В молодости дон Эваристо считался самым сильным человеком в наших краях. Во время одной драки он подмял даже генерала. Он знал много разных историй и отлично играл в кости. Дон Эваристо принял нас дружески и предложил передохнуть у него. Мы поднялись рано утром и продолжали наш путь в Ла-Риту. Здесь на полдороге к Ла-Росе мы увидели наконец озеро Маракайбо. Само озеро показалось мне маленьким и бесцветным по сравнению с моим лазурным Карибским морем. И все же красивые парусные лодки привлекли мое внимание. Тщетно пытались мы отправиться на пароходике до Кабимаса, остаток пути пришлось пройти пешком под палящими лучами. В Амбросио вечером, очень уставшие, мы сели в грузовик, который шел в Ла-Росу. На ночлег нас пустил дон Виктор, торговец, у которого рабочие хранили деньги.

На следующий день мы вышли осмотреться, и я спросил Вальморе: «Как называется это, у которого собственная дорога?» «Это» оказалось поездом.

Ла-Роса произвела впечатление человеческого муравейника. Огромная населенная территория, полная игорных и публичных домов, винных лавок.

Гигантские нефтехранилища высились под открытым небом, окруженные заборами из колючей проволоки. Одна искра могла вызвать катастрофу. Воздух насыщен газами, а пальмовые крыши домов, когда-то желтые, стали черными. Нефтяные вышки были сделаны из дерева и стояли на земле.

Вальморе отыскал друзей и через них получил работу для себя и для меня в отделе геологии. Он стал уэкером — рабочим по рытью шурфов, а я — погонщиком. На

следующее утро мы должны быть в Ла-Рика-Пике. Вечером случился большой пожар в Лос-Барросос,— к счастью, вдали от нефтехранилищ. Горела нефтяная скважина.

На рассвете мы забрались в грузовик. В третий раз за одну неделю я путешествовал этим видом транспорта. Мы направились в местечко Ла-Сейбу, и здесь я встретился с погонщиком, моим будущим хозяином. Ночью, под дождем, мы прибыли в Ла-Рика-Пику.

У Вальморе оказались друзья и в геологическом отряде, и среди них знакомый десятник. Мне еще не исполнилось 15 лет. Когда не было нужды в перевозке грузов на мулах, я выполнял другую работу. Мне платили 4 боливара в день. Хотя на еду мы тратили немало, все же у нас кое-что оставалось для дома.

Вальморе рыл шурфы вместе с напарником. Когда встречался песчаный грунт, им везло, так как платили за каждый метр независимо от грунта. Это была трудная и опасная работа: ведь происходили обвалы и иногда попадался выход природного газа.

Во время переноса лагеря в другое место рабочие требовали повышения оплаты. Один рабочий сочинил по этому случаю песню:

Гражданин надсмотрщик, скажите хозяевам,
что мы, рабочие, не хотим работать;
пусть нам скажут, будет ли надбавка,
иначе работать не будем!
Не будем, и баста! До самого воскресенья!

Я встретил здесь хороших, настоящих людей. Затем мы перешли в Сан-Херонимо, малярийное место, а потом в Лос-Мануалес. Здесь водились тапиры, дикие свиньи и другие звери, на которых можно было охотиться. Протекала река с кристально чистой водой. Ночью чувствовалась прохлада. Я вновь заболел малярией, и Вальморе пришлось увезти меня: я чувствовал себя очень плохо.

Домой вернулся больной, зато с некоторой суммой денег. Материнская забота да отличный климат в Лас-Уэртас за несколько дней вылечили меня.

Вальморе из-за моей болезни отказался от работы в сельве. Мы должны были отправиться на работу в окрестности Ла-Риты, в скотоводческую зону, куда вела автомобильная дорога. Наконец-то мы оставили горы и направились в район интенсивных нефтяных разработок. Вальморе получил хорошую работу в кузнице компании ВОК, а я попал во владения Рокфеллера — «Лаго петролеум корпорейшн» (ЛПК), которая была известна также как «худшая компания». Я работал в Ла-Салине и получал 6 боливаров в день. Здесь я несколько отдалился от Вальморе и снова сошелся со своими родственниками — Ирмой, ее братом Симоном и с Хулио. Я стал жить у них. Эти ребята имели хорошую работу. Они настойчиво предлагали мне учиться ездить на велосипеде.

Через несколько дней после моего приезда Хулио пригласил меня в кино. Это был большой сарай в глубине двора гражданского управления Кабимаса. Во время сеанса сарай заполняли шумно беседовавшие и курившие люди. Окурками «выстреливали» в тех, кто сидел впереди или сзади. Мой племянник купил мани — орешки и угостил меня. Мы смотрели фильм «Бестиа рая», первую серию. В течение некоторого времени я считал, что все то, что вижу в кинокартине, происходит на самом деле. Я даже горячо спорил с теми, кто пытался мне объяснить какие-либо трюки на экране.

Ирма научилась готовить вкусную пищу. Я был ее клиентом и платил такую цену, которая, как мне думается, не давала ей барышей.

Как-то, воспользовавшись дракой между мной и Хулио, Ирма выставила меня из своего дома, и я нашел приют у Ауроры, молодой женщины из Пунта-де-Игуана. Она жила с Виктором, хозяином «забегаловки» под названием «Клуб друзей». Вместе с Ауророй жила Марии-

та, добрая старушка. Они очень полюбили меня, и я платил им такой же любовью и хорошим отношением.

У Ауроры был брат Камачо, рабочий-нефтяник, как и Хулио. Хотя он ей и помогал, чем мог, но Ауроре жилось тяжело. Она готовила для нас и кроме того долгими часами занималась стиркой белья. Тяжелая, беспросветная жизнь угнетала, и она во время работы имела обыкновение петь, но к вечеру едва передвигалась от усталости. Смуглая, с пышными волосами, с крупным некрасивым лицом, она не расставалась с сигаретой. Маринита, хорошо знавшая ее страдания по «хорошему человеку», с наивным видом поддразнивала ее: «Соседушка у нас красotka, и говорят, что она неуступчива...», но Аурора не давала ей закончить: «Неуступчива? Да, но только с виду».

Про нее еще рассказывали, что поймала она однажды молодого паренька в лесочке и так его затискала, что он едва остался жив. Помню еще, что Аурора любила складывать и петь частушки. Впрочем, в округе было немало любителей частушек, которые распевались особенно на Новый год. Мужчины и женщины, старики и молодежь — все, кто хотел, пели частушки. Когда кто-либо приближался к месту праздника, то одна из девушек бросала к его ногам платок. Это было приглашение присоединиться к гаите — пению частушек. Хулио, когда к его ногам бросили платок, пропел:

Не бросай мне платок только потому,
что видишь меня в галстуке.

Клянусь тебе небом, милая девушка, что
карманы мои как пустая банка.

Девушка, которая бросила к ногам Хулио платок, отвечала ему тоже частушкой:

Если у тебя нет денег,
но доброе сердце — оно лучше денег!
Становись в круг,
и мы ловко спляшем вместе!

Иногда после работы нам, молодым ребятам, удавалось на заброшенном поле поиграть в футбол. Некоторые из нас вступали в игру потому, что требовались игроки, хотя никто из нас не знал правил, не умел принимать мяч. Со мной на поле происходили разные курьезные случаи, доставлявшие большое удовольствие зрителю. Но, как это и ранее бывало в моей жизни, трудный период быстро прошел, и я стал более или менее нормальным игроком. В начальном периоде какого-нибудь дела мне казалось, что я никогда не смогу этого добиться, но все заканчивалось тем, что я делал так же или даже лучше, чем мои учителя.

Неподалеку, на берегу, росли кокосовые пальмы. По настилу из очень тонких досок мы пробирались к местам бурения на воде и там купались. Вначале я останавливался, как парализованный, перед этой зыбкой «дорожкой», а Хулио издевался надо мной, и все же он сам научил меня сначала ходить, а потом уже и бегать по доскам. Я не умел плавать, но мои друзья объяснили, как это делается, и приказали: «Прыгай, ничего с тобой не случится, мы будем рядом!» Я повторил про себя, как нужно плавать, и прыгнул в воду. Друзья образовали круг, и я оказался в центре. Я поплыл, как будто умел делать это с рождения. Так плавание оказалось тем видом спорта, который дался мне легче всего, хотя именно здесь я меньше всего преуспел. Я довольно слабый пловец.

Нефтяной бум на озере Маракайбо разрастался. После того как филиал англо-голландской компании «Ройял датч-Шелл» — «Венесуэла ойл консешен» захватила участок на берегу озера, концерны Рокфеллера и Моргана получили концессии на два больших нефтяных участка на самом озере. Территория, примыкавшая к берегу, досталась компании «Галф», а более дальняя, почти на середине озера, — компании «Лаго».

Ажурные вышки протянулись рядами на расстояние почти в 100 километров к Кабимасу, к Ла-Мисьоне, с

другой стороны — к Бачакеро. Свои главные конторы ЛПК учредила в Ла-Салине, «Галф» и «Шелл» — в Кабимасе. Затем эти компании дотянулись до Пунта-де-Бенитес, достигли Таларито, Тамаре, проникли в Тесахерос, Лагунильяс. Они прибрали полностью к своим рукам сказочное озеро Маракайбо длиной в сто и шириной в пятьдесят километров, содержащее под своим дном крупнейшее в Южной Америке месторождение нефти.

В 1920 году иностранные компании приобрели 176 концессий. После первой мировой войны американский нефтяной трест «Стандард ойл» в течение нескольких лет установил контроль над богатейшими нефтяными месторождениями с помощью своих дочерних компаний «Лаго петролеум», «Креол петролеум», «Стандард ойл оф Венесуэла» и др. Так, «Лаго петролеум» контролировала спустя десять лет около 1500 тысяч гектаров земли в нефтяных штатах Монагас, Сукре и Сулия. «Креол петролеум» стала со временем самым мощным представителем «Стандард» в Венесуэле и захватила 2600 тысяч гектаров земли.

К 1925 году между Ла-Росой и Кабимасом собралось огромное количество людей со всех концов Венесуэлы — более 20 тысяч человек, в основном мужчин. Это были уроженцы Коро, Маргариты, Анд, Кароро. Каждый ревностно хранил свои обычаи. Драки между венесуэльцами из разных областей случались почти каждый день. Наиболее подготовленными к работе оказались уроженцы острова Маргарита. Сильные, хорошие пловцы, рыбаки, знакомые с «соленой водой», они подходили для работы лучше других. Уроженцы Сулии шли только на хорошо оплачиваемую и нетяжелую работу. Они были у себя дома и могли зарабатывать деньги торговлей или еще чем-нибудь, не связанным с нефтью.

Мы, из Коро, почти всегда были «мотыгой и лопатой». Неграмотные, забытые, нуждающиеся крестьяне. Рабо-

тали большей частью на берегу, потому что на промыслах в озере тонуло немало рабочих, почти никто из нас не умел плавать. Надсмотрщики выбирали себе «своих» людей и делали с ними «бизнес». Так, «листеро» — счетчик — совершал махинации с «мертвыми душами». Если у счетчика не было 25 «мертвых душ», то среди своих коллег он считался «мотыгой и лопатой». Счетчик за один день зарабатывал, вернее, крал столько, сколько получал рабочий за месяц. Мелкие воры рвали свой кусок от добычи крупных бандитов.

Рабочие с Маргариты снимали вместе дом и поселялись в жуткой тесноте, чтобы сэкономить на квартире. Сообща покупали мешками фунче (молотый маис с мукой и солью) и рис, соленую и свежую рыбу, связки бананов и кофе. Сами себе готовили еду и стирали белье. Прижимистый народ, они довольно быстро сколачивали деньги для отправки семье на родину — остров Маргарита.

Одни кварталы были населены уроженцами Маргариты, другие — жителями Коро, о них говорили: «это корианец из Ла-Росы» или «это корианец из Кабимаса». Уроженцы Лары и Анд жили более разбросанно.

Братства и солидарности между пролетариями, как сейчас, в то время у нас не было и в помине, никто о них не мечтал.

Рабочие настороженно смотрели друг на друга, особенно «старые» рабочие на тех, кто приходил наниматься. Немало находилось подлипал и доносчиков, «работа» которых иногда стоила места новенькому. Случалось и такое, что эти доносчики умирали от удара ножом под лопатку.

Рознь между трудящимися стремились усилить как представители режима диктатора Гомеса, так и агенты иностранных компаний. Уроженцы Анд в первую очередь занимали выгодные посты, а также открывали мелкие лавочки, дававшие большой доход областным и местным

властям. На этом удавалось склотить настоящее состояние в то время. Доверенные люди властей получали посты начальников охраны и их помощников. Эти же в свою очередь ставили своих знакомых и земляков на посты охранников — своего рода полиции, которая содержалась на средства нефтяных компаний.

Охранники носили оружие и, когда шел набор рекрутов в армию, добровольно оказывали помощь в этом «святом» деле. Для наборщиков в рекруты наиболее лакомым куском были уроженцы Коро. Говорили, что они смелы в бою и не дезертируют. Правда, в то время не велось никаких войн, и солдаты перевозились в поместья Гомеса и его приближенных для принудительного труда.

В квартал, где селились земляки, не мог прийти человек из другого квартала. Мы, корианцы, подвергались многим унижениям, и нас окружали затаенной ненавистью. В своем квартале, да еще подвыпившего, корианца лучше не трогать. Драки между самими корианцами были ужасными. Кровь лилась по всякому поводу. Драка начиналась между двумя, а на помощь, как правило, приходили друзья с той и с другой стороны. Дубинки, ножи, мачете и даже револьверы — все шло в ход в массовых драках.

Венесуэлой в те годы продолжал править генерал Гомес. Кровавая диктатура Гомеса — одна из самых мрачных страниц в истории нашей страны. Все политические партии были запрещены, всякая оппозиция подавлялась. Людей арестовывали по малейшему подозрению. Репрессии со стороны диктаторского режима были жестоки и беспощадны. В виде наказания за «нарушение порядка» применялись каторжные работы на дорогах, заключение в «тигрито» — узкие тюремные камеры-щели, принудительные работы по очистке улиц и всевозможные штрафы. Все это сопровождалось значительной дозой побоев и унижений. Даже некоторые «мусью» (так

мы называли иностранцев — европейцев и американцев, работавших по контрактам в нефтяных компаниях) подвергались иногда наказаниям, как и местные жители — венесуэльцы. В дальнейшем, чтобы избежать этого, их соотечественники досрочно вносили за них штрафы в двойном размере. Власть полиции была неограниченной. Гражданские власти выдавали полицейским награду за каждого арестованного рабочего в день получения. Тюремные застенки заполнялись незаконно задержанными трудящимися, с которых можно было содрать штраф.

Еще одним источником доходов для властей являлась проституция. В публичных домах у несчастных женщин отбирали деньги, которые они получали от своих клиентов. Кроме того, эти женщины платили в рассрочку за пользование мебелью и жильем, а когда они все выплачивали, их преследовали по суду. Они платили поборы якобы за просрочку платежей и местным полицейским. В полицейские отряды набирались подонки общества. Свидетельство об отбытии заключения за совершенное преступление — лучший документ, заслуга и даже честь в глазах приверженцев диктатора — го-месистов.

Меня арестовали в первый раз потому, что приняли за студента — противника режима. Заключение продолжалось всего несколько дней. Мою совершенную неграмотность полицейские вскоре выяснили и поняли, что я не студент. В первую же ночь заключения — это было в 1927 году — я услышал какую-то возню, удары, отборные ругательства. Выглянув наружу через решетчатую дверь, увидел, что неподалеку от места заключения один из полицейских тренировался в метании кинжала в деревянную доску. Когда он устал от своего занятия и заметил, что я наблюдаю за ним, то пояснил мне: «Это для верности руки...» А затем рассказал о том, сколько он сам пережил в тюрьме, куда его заключили за убийство.

«Я проводил время за тем,— объяснял он,— что в темной камере бросал иголку, а потом искал ее». Этот тип как будто вышел из полицейского романа: худосочный, с землистым цветом лица человек, ненавидящий себе подобных. Помню, что еще тогда я сравнил его со змеей-убийцей, питающейся своим ядом. С тех пор прошло более 40 лет, и за это время я много повидал людей, но того типа никогда не забуду. И после, когда я был уже на свободе, тот полицейский на улице спрашивал: «Ну, как дела, катире?» Я догадывался, что он намечал меня для набора в армию. В то время излюбленным изречением полицейских было выражение «хороши молодые парни под ружьем». Ведь полицейские получали изрядные премии за «добровольных» рекрутов. Мне же удалось избежать набора в армию. Однажды мы, молодые парни, договорились с девушками о встрече возле кинотеатра, но те пришли раньше нас и в сопровождении родственника одной из них прошли в зал. Подождав у входа, мы решили, что девушки не захотели смотреть этот фильм, и вернулись домой. А кинотеатр был окружен стражниками и «гуачиманами» (надсмотрщики, вооруженные резиновыми дубинками). Они увели в рекруты всех мужчин, пожилых и молодых, холостых и женатых. Мы с Хулио составили план на подобный случай: бежим в разные стороны и одновременно. Мы думали, что так хотя бы один из нашей семьи спасется от набора в армию. Хулио и я не пили спиртного. А вот Симон иногда напивался довольно сильно. Однажды вечером его схватили полицейские и начали избивать, а он кричал: «Сволочи!», «Да здравствует свобода!» Потом мы даже не спросили его о том, к какой свободе он призывал. В те времена мы думали, что мир, окружающий нас,— вечный мир и он всегда таким будет.

Симон уже в то время кое в чем разбирался, но проявлял свою «храбрость» только в сильном опьянении, в эти минуты ругал «гринго» и кричал им и другим ино-

странцам: «Это вы, американцы и англичане, грабители!» Слово «эксплуататоры» ему в те времена было незнакомо. Нескладно сложилась семейная жизнь Симона, моего большого друга. Ему отказала невеста, тоже мой друг. Я добился того, что она простила его, и в конце концов они поженились. Через несколько лет, направляясь по дороге из Мауроа в Мене-Гранде, я остановился в их доме и заметил, что они не ладят между собой. Симон с упреком сказал мне: «Это ты заварил кашу». Как и другие советчики в подобных случаях, я ответил ему улыбкой.

Нефтяные компании создали тысячи новых рабочих мест, помимо нефтяной промышленности возникли другие источники занятости: работа в гостиницах, прачечных, барах, на транспорте, в торговых заведениях. Торговля развивалась быстро. Все продавалось, и по хорошей цене. Ведь фонтанирующие скважины появились в Перихе, Санта-Барбаре, в самом Маракайбо, в поселках штатов Фалькон, Лара, Трухильо, Мерида и Тачира. Тем не менее с каждым днем в Кабимасе становилось все больше безработных. Тысячи мужчин в течение долгих часов стояли у проволочных заграждений нефтепромыслов в ожидании работы, которую им никто не обещал. Рынок труда был насыщен от Ла-Росы до Ла-Мисьоны. Правда, работу предлагали в Лагунильяс, даже платили вдвое больше, чем в Кабимасе. И не случайно: малярия убивала там людей в одну ночь. Безработные не клевали на эту наживку, предпочитали голодную жизнь хорошо оплачиваемой смерти.

Однако мы с братом решили рискнуть. Рассчитывать нам было не на кого. Вальморе, я и еще трое наших родственников, тоже рабочих, решили отправиться в Лагунильяс. Что может потерять тот, кому нечего терять? Однажды вечером мы поднялись на палубу небольшого пароходика, уплатили каждый по два фуэрте за билет и отправились в Лагунильяс... или на небеса. Да, сани-

тарные условия, спекуляция, полицейский произвол и скученность в Кабинмассе мне казались пределом. Но куда хуже было в Лагунильясе. Работу мы получили на следующий день. Я стал черноработчим в инженерном отделе компании ЛПК с оплатой 13 боливаров в день. Мы подвесили наши гамаки в канее — большой соломенной хижине с цинковой крышей. В ней помещалось около ста человек. Днем там оставались только больные. Малярия косила всех подряд. Умирили и ночью и днем, на работе и дома. Тучи мошкары поднимались от неубранных мертвецов, а потом та же мошकारа садилась на нашу еду. Один раз к нам все же заглянул молодой врач и тут же выбежал, страшно закричав. Казалось, он сошел с ума от того, что увидел в нашем канее.

Через некоторое время мы, несколько человек, переселились в комнату, похожую на большой ящик. Тем не менее это была важная перемена к лучшему. Двое спали в гамаках, трое на полу. Затем я перешел жить в каней на сваях, собственность ЛПК. Та же скученность, но здесь пользовались газом для приготовления пищи и, поскольку мы жили на воде, стало меньше грязи. Многие уходили спать на конец настила: там не было блох, не так жарко, даже выпадало немного холодной росы по утрам. Но когда начинался дождь, приходилось возвращаться в атмосферу канея.

Лагунильяс представлял собой индейский поселок на поверхности озера, очень чистое место до прихода нефтяников. Дома на сваях из мапора — дерева, мало поддающегося воздействию воды. Семьи поддерживали между собой связь при помощи «дорожек» из тонких досок. Непосвященному кажется, что нужно быть эквилибристом, чтобы передвигаться по узким качающимся настилам. Но потом привыкаешь, и все становится довольно легким делом. Дома начинаются в некотором отдалении от берега, ни один из них не расположен близко к нему, да и чистая вода бралась вдали от берегов, так

что болезни сюда не доходили. Были и другие поселки на сваях.

Потом восточный берег покрылся вышками и «плавающие» платформы стали неудержимо продвигаться к центру озера. Электрическое освещение на вышках темными ночами казалось нам каким-то необъяснимым, неземным явлением.

Население Лагунильяса быстро росло. Рядом со старыми домами появились государственные учреждения, кинотеатры, торговые заведения, комфортабельные дома для правительственных служащих и служащих нефтяных компаний. Нефтяные компании построили некоторое количество домов для рабочих. Их называли «спичечными коробками». Свободной земли уже не было, и поэтому осушили часть озера. Прибыли огромные машины — их в народе называли «кориано», потому что они заменили тысячи землекопов из Коро,— и стали намывать мола. Затем в ход пускали насосы, которые в несколько недель перекачивали воду на другую сторону мола. Так появилась земля, где возводились эти дома для рабочих на сваях — небольшие, в один этаж, стены из фанеры и крыша из оцинкованного железа. Комнаты в этих домах отделялись друг от друга стеной, доходившей лишь до половины высоты дома. С этого строительства началась борьба рабочих-нефтяников за жилища.

В «спичечные коробки» мы не попали, и мама попросила нас найти жилье ближе к работе. Я нашел хижину в Ла-Росе, и вся наша семья переселилась туда. К этому времени наша мама была уже больна туберкулезом. Мои три сестры-труженицы нашли себе работу. Виктор, приемный сын матери, рубил и продавал дрова. Я навещал маму раз в месяц. Вальморе, женившись, поселился рядом с мамой. Один из моих братьев сразу после переезда на новое место тоже создал свой очаг. В свободное от работы время я навещал Борохо. Как здесь все изменилось! Мои старые друзья и знакомые смотрели на меня

с восхищением. Еще бы, рабочий-нефтяник! Новая по тем временам профессия.

Обеспеченные родственники по линии отца теперь стали признавать и меня. Отец умер почти в одиночестве, а его наследники разделили нажитое без особых проблем. Мне еще не исполнилось и 20 лет. Этот возраст полон какой-то прелести: встречи с девушками и друзьями, праздники у родственников по материнской линии, доброе отношение ко мне старушек, ровесниц матери. Они называли меня «любимым сыном кумы Марии». Простые и благородные люди. Как я ценил их искреннюю любовь, которая, как я знал, шла от чистого сердца!

Вскоре наша семья оказалась в Кабимасе, и я стал настаивать, чтобы они переехали в Лагунильяс, но подходящего жилья не было, и я временно нашел квартиру в его пригороде, в Кампо-Рохо. «Тебе больше ничего в голову не пришло?» — говорили мне друзья. Дело в том, что большинство населения здесь составляли мужчины, но наша семья не испытывала никаких проблем акклиматизации в этой среде. Мы оказались среди дружелюбно относившихся к нам людей. Лишь один раз, для того чтобы отстоять честь нашего дома, мне пришлось вступить в драку, — правда, кровь не лилась рекой.

14 июня 1934 года я спал глубоким сном, как вдруг услышал тревожный голос: «Фариа! Фариа! Умерла твоя мать!» В одно мгновение я вскочил и оказался рядом с убитыми горем членами нашей семьи. Мы ждали печального исхода болезни матери, но застал он нас врасплох и поверг в глубокое горе. Мы очень любили нашу мать. Это была искренняя и заслуженная любовь. Нас окружили соседи и товарищи по работе.

Большинство инженеров были американцы — высокомерные, заносчивые. Но иногда некоторые из них проявляли сочувствие к нашим бедам. Так случилось и на этот раз. Инженеры с моего участка передали мне через

товарищей свое соболезнавание по случаю кончины матери и 200 боливаров. Когда я пошел к ним, чтобы вернуть эти деньги, так как думал, что их дали взаймы, они обиделись: «Ни за что, Хесус! Эти деньги были собраны нами, чтобы помочь тебе в похоронах». Мы тоже в подобных случаях поступали так же, но нас удивило, что так могут поступить и «гринго».

Разные среди них были люди, и не все, далеко не все считались с нами как с людьми, которым можно верить; они пренебрегали нашими советами. Так, один молодой инженер-«гринго» не послушался предупреждения рядом стоящего рабочего и взял в руки небольшую ядовитую коралловую змею, чтобы поиграть с ней. Через некоторое время, укушенный змеей, он скончался. Другой инженер, не знавший нашего языка, приказал нам обрубить крупный сук, который мешал его работе с теодолитом. На суку было осиное гнездо из тех, которое мы звали «папо де индио». Мы сказали, что надо бы его сжечь во избежание осложнений. Но молодой американец не захотел нас понять. Он оставил теодолит, подбежал, разъяренный, к нам, требуя выполнения приказа. Знаками пытались ему втолковать суть дела, он схватил мачете и стал рубить сук с осиным гнездом. Мы моментально бросились на землю и оставались недвижимы все то время, пока осы обрушивали свой справедливый гнев на янки.

«Гринго» пустился бежать, теряя на поле боя очки, карандаши, записные книжки и прочие рабочие принадлежности. Стремительно прибежал на пункт скорой помощи, где ему вытащили жала, но яд уже впитался в кожу, и «гринго» весь опух, а через некоторое время у него поднялась температура.

Начальство посетило нашу бригаду, и на нас посыпались упреки: как мы могли устроить такую «баню» американскому инженеру! Наши разъяснения были приняты во внимание.

Спустя некоторое время, когда у «гринго» прошла боль, температура стала нормальной, он снова приступил к работе, и мы, обливаясь потом, снова прокладывали путь в чаще сельвы. Максимо Мелендес, наш товарищ-рабочий, обладавший большим чувством юмора, вдруг резко бросился на землю с криком «Осы!!!». Инженер подпрыгнул от испуга и бросился бежать в поисках укрытия. Потом, когда раздался хохот, так как это была шутка Мелендеса, «гринго» вернулся, пробормотал, растерянно улыбаясь, «Сукин сын!» по адресу рабочего-венесуэльца, позволившего себе подобную смелость.

Работали мы небольшими бригадами — куадрильями. Народ в них набирался отовсюду. Наша бригада состояла из двух десятников — колумбийца и венесуэльца, одного рабочего — уроженца равнин, гитариста, который умел читать и писать, двух рабочих из штата Трухильо, одного из Тачиры и шести уроженцев Коро, среди которых был и ваш покорный слуга.

В куадрилье я нашел добрых товарищей. Все они, пеоны-чернорабочие, знали, что у меня сестры, — здесь каждый знал все о жизни другого; они звали меня «куньядо»¹. Наша куадрилья существовала как одна большая семья: когда кто-нибудь заболел, то остальные делили часть своего заработка в пользу товарища, не получавшего заработной платы.

Однажды «равнинник» упрекнул меня: «Почему ты живешь так плохо? Ну зачем ты тогда работаешь? Купи себе гамак, зубную щетку. Бог дал ноги человеку, чтобы носить ботинки». Он предложил мне подвесное место в комнате, которую снимал на берегу недалеко от «Куэва де Умо». Мы создали вдвоем «кооператив», объединив наш заработок, и стали лучше питаться. На обед появлялись яйца, сыр, жареные бананы, мясо и рыбные консервы. Я купил себе картонный чемодан, несколько носиль-

¹ Кум.

ных хлопчатобумажных вещей и, наконец, пару ботинок для «выхода» — поездок домой в Борохо.

С удивлением смотрел, как бегло читает мой товарищ. «Как добиться этого?» — «Читай...» — ответил он мне. Однажды, это было в 1927 году, я увидел фотографию известного игрока в бейсбол в газете «Ла Информасьон» и купил газету с тем, чтобы он мне ее прочитал. «Да, это Бэби Рут», — сказал он мне и отказался что-либо добавить. В другой раз кто-то подарил мне старый номер газеты «Фанточес»¹. Я просмотрел рисунки, ничего не понял и выбросил газету. Кто бы мог сказать мне тогда, что настанет день, когда меня познакомят со стариной Лео, редактором газеты! Уже в 1938 году я самостоятельно читал эту газету.

Инженерному отделу давали все новые и новые задания, и это вынудило его руководство расширять персонал. К тому же в то время деревянные сваи, пропитанные креозотом, стали заменять сваями из железобетона, использовали их также для строительства в озере. Нам приходилось работать на земле и на воде, в болотах и на сваях, рыть каналы, возить тачки. Появилось много новых рабочих, прибывали новые надсмотрщики. Новым надсмотрщикам было трудно со старыми рабочими: те хорошо знали работу и ими было трудно помыкать. Дело дошло до высокого начальства, и оно потребовало изменить отношение к старым рабочим, которые были необходимы для выполнения точных и сложных инженерных работ.

Среди новеньких оказался Веласко, довольно грамотный племянник губернатора Каракаса. Он предпочел должности надсмотрщика на строительстве дорог место чернорабочего на нефтепромыслах. Но физическая работа оказалась ему не по плечу. Гильермо и я старались незаметно помочь парню, когда работа бывала особенно

¹ «Марионетки».

тяжелой, иначе ему грозило немедленное увольнение. Беласко заметил мой интерес к цифрам и с увлечением начал учить меня арифметике.

— Вы были бы неплохим математиком, если бы учились,— говорил он мне.

Мы быстро проходили материал и перешли к дробям. Математика давалась мне легко. А читать я выучился много позже. Возвращаясь с работ на озере, пока лодка двигалась к пристани, я решал математические задачи, не зная, как это делается. Результат получался правильным. В знак признательности учителю я тайком подкладывал ему в карманы пачки сигарет.

Подружился я и с другими членами нашей куадрильи. Среди них особенно привлекали меня плотник Роке Мильян и юный Хесус Вильямисар, чернорабочий. Хесуса поставили просеивать песок, он начал работу в адском темпе и через несколько минут был уже весь мокрый от пота. Я посоветовал ему: «Помедленнее! В таком темпе ты не выдержишь, братец... Ведь это восемь часов работы». — «Восемь часов... — протянул он. — Я ведь ничего не ел утром». Я принес ему немного сои, чтобы заморить червячка, а в обед мы накормили его из своих припасов. Мальчишка вскоре стал первоклассным рабочим. Он сам помогал новичкам и при этом говорил: «Мне помогли, и только поэтому у меня теперь есть работа и я могу помогать матери несколькими песо».

Роке Мильян, квалифицированный плотник, побывал уже на многих работах. Он обладал большим чувством юмора. Отличный человек и хороший друг. Каждый раз, когда Роке видел несправедливость, он поносил диктатора Гомеса. От него я узнал, что у нас в стране есть политические заключенные, а также люди, которые погибают от каторжных работ на строительстве дорог. Он рассказал мне, что в других странах существуют профсоюзы, которые защищают права рабочих, а в Венесуэле трудящиеся лишены права объединяться в профессио-

нальные организации и все политические партии запрещены. Но дальше мы не пошли; в то время, как я вспоминаю, эти вопросы меня, 20-летнего неграмотного парня, не очень волновали. Мы выбрали Мильяна руководителем нашего клуба бейсбола, потому что он был одним из немногих, кто умел читать, а также обращаться к другим и высказывать свое мнение о том, как следует делать то или другое.

— Вы должны избрать других членов руководящего комитета клуба,— подсказал нам Мильян.

— Мы?

— Да, например, казначея.

Один из неграмотных рабочих, который часто издевался над еще бóльшим невежеством своего друга по имени Паскуаль, спросил:

— Я могу предложить того, кого я хочу, каким бы он ни был?

— Конечно! — ответил Мильян.

— Тогда я предлагаю на должность казначея Паскуалья.

Мы разразились хохотом, а Паскуаль, высоченный работяга, выплюнув табачную жвачку, грязно выругался.

Число рабочих росло, и стали поговаривать, что в Лас-Салине откроют такие же нефтепромыслы, как в Лагунильясе. Это значило, что многих из нас по воле компании переведут на работу в другое место, а нам было жаль покидать насиженные места и расставаться с друзьями, нашим маленьким и ограниченным мирком. В конце концов мы сделали то, что приказали наши хозяева, так как рабочий был рабом компании, он не имел никаких прав, да и не знал, от кого зависит жизнь наших семей и наша собственная. Если у тебя нет работы, у тебя нет ни крова, ни хлеба. Более того, ты становишься нежелательным грузом для немногих своих друзей.

Мы отправились к югу от Лагунильяса, в Бачакеро, где ЛПК добывала нефть на берегу. Особые надежды

компания возлагала на скважину № 511. Нашу куадрилью перебросили туда на установку опор. Местный инженер спросил меня: «Сколько метров от того места, где стоит лодка, до берега?» Неожиданный вопрос. Я тогда еще не был опытным каденеро — землекопом, каким стал впоследствии. Я растерялся и не мог быстро сообщить.

В этом месте мы работали и на берегу, и по горло в воде. Однажды вечером, когда мы уже заканчивали работу, стоя по пояс в воде, рулевой нашего баркаса увидел, что к нам приближаются два довольно крупных каймана. Он немедленно закричал, предупреждая нас, завел мотор баркаса и, не тратя времени на подъем якоря, а волоча его по дну, приблизился к нам. Этот маневр нашего рулевого оказался своевременным, потому что кайманы действительно взяли курс на нас, а у этих обитателей воды никогда не бывает добрых намерений.

Здесь же, вблизи Бачакеро, я однажды нечаянно наступил на небольшого багре — ската, и его шип вонзился мне в ступню. Я тщетно пытался вытащить его, но он сидел крепко. Мне помогли товарищи. Из раны вышло немало крови. Однако, стоя в воде, я продолжал работать — следовало выполнить норму. Соленая вода предотвратила заражение. Была только не очень сильная боль. У нас не нашлось ни капли йода. Руководитель работ ничего не спросил у меня на следующий день и даже не побеспокоился о том, чтобы отправить меня к врачу.

В другой раз мне повезло гораздо меньше, когда я работал в мастерской, где изготавливали сваи. Босой ногой я наступил на гвоздь, торчавший из обрезка доски, и он пробил мне ступню. Рана меня напугала. Друзья с большим трудом вытащили из ноги гвоздь с обрезком доски. После этого я отправился в «ботику» — нечто вроде аптеки или пункта медицинской помощи. И там мне пришлось в голову попросить медперсонал сделать что-то про-

тив возможной инфекции. Длинную и тонкую иглу-спицу, обернутую ватой и пропитанную спиртом и йодом, несколько раз вводили мне в рану. Похоже было, что врач не обращал никакого внимания на мои страдания, в то время как три здоровенных его помощника держали меня на топчане, пока мне прочищали рану. Когда закончили эту чудовищную «операцию» и я смог сесть, то увидел, что топчан стал мокрым от моего пота. Да, это была боль!

Такой была жизнь нефтяников в то время. Вот почему у меня вызывает смех реакционная буржуазная пропаганда, утверждающая, что иностранные нефтяные компании «облагодетельствовали» Венесуэлу своей деятельностью. Что может сказать эта пропаганда о страданиях нашего народа, о мучениях рабочих на нефтепромыслах, когда империалистические компании устанавливали свое господство над нашей нефтяной промышленностью?

Много лет мне пришлось проработать строителем-нефтяником — на возвышенности, на равнине, в болотах и лесах, но нигде я не встречал и не мог себе представить, что встречу такое количество кровососов, как здесь, в Бачакеро. На протяжении всех долгих лет работы в качестве пикеро (отрыватель пикас — шурфов) я и мои товарищи подвергались атакам мириад мошек — пиохито, как называют маленьких комариков, которые тучами поднимались в воздух, когда удары мачете сотрясали деревья на берегу озера. Инженеры носили специальную одежду, использовали ароматические вещества и другие защитные приспособления. Кроме того, они всегда держали возле себя рабочих с зажженными факелами из пальмовых веток: попадая в огонь, пиохито падали на землю тлеющими точками. Правда, все это мало помогало. К вечеру инженеры сдавались и, как и мы, проводили мачете по всему телу, снимая насекомых, и все же тысячи мошек оставались в теле, впив-

шись в кожу; приходилось обтираться еще и бензином с головы до ног. Тех же пихито, которых нельзя было снять с тела ни при помощи мачете, ни бензином, мы отдирали утром. Раздувшиеся, готовые лопнуть от выпитой крови, они походили на спелый виноград. В таком состоянии они оказывались более уязвимыми, и мы могли избавиться от них, но лишь для того, чтобы освободить место для тысяч новых.

Работать в таких условиях пришлось несколько недель. У инженеров поднялась температура, на теле выступила сыпь, и не только у них — даже у их жен. У нас дело до этого не доходило, хотя мы в гораздо большей степени подвергались нападениям кровососов. Просто мы были сыновьями этой земли.

Во время разметки площадки для хозяйственных построек компании один из инженеров-янки, видя, что я хорошо считаю, предложил мне участвовать в бизнесе, который он намеревался предпринять. «Мы заработаем много денег», — сказал он мне. И действительно, открыв лавку контрабандных товаров, мы бы хорошо заработали. У моего партнера были покровители, что гарантировало успех. Но я отказался войти в дело. Приходилось бы обманывать своих же рабочих. «Поговорите с другими, может, кто-нибудь согласится», — отвечал я ему. «Другим я не хотел бы предлагать», — ответил инженер и больше не обращался ко мне.

В Бачакеро, как и на других нефтепромыслах, было много несчастных случаев со смертельным исходом. Они происходили по небрежности специалистов иностранных компаний. Так, в моей памяти сохранились имена погибших по вине инженеров «Креол». Рабочие Флорентино Маркано, Гильберто Валеро, Вантьяго Марин, Телефоро Альварес, Франсиско Перес, Хуан Баутиста Гранда, Рамиро Перейра, Хесус Мильян были моими братьями по страданиям. Они, как и положено, пунктуально вышли на работу, не подозревая о безответственности предста-

вителей иностранных компаний, которые совсем не позаботились об охране труда, что и привело к гибели восьми рабочих.

Иногда мне приходилось, чтобы заработать несколько лишних монет, выступать в роли кадди — мальчика на побегушках, который таскает клюшки при игре в гольф. Когда у главного интенданта компании ЛПК и у одного из ведущих инженеров отдела геологии выдавались свободные вечера, они сажали меня в задний отсек своего полугрузовичка и мы ехали на площадку для игры в гольф неподалеку от местечка Тасахерас. Меня не унижала такая работа. Помощь в спортивной игре я воспринимал как приятную, это было куда легче, чем вывозить грязь на тачке или стоять по плечи в воде у берега и забивать свай. Припоминаются отдельные случаи на площадке для гольфа. Главный интендант был высокий и сильный «мусью», — думаю, что он весил около 100 килограммов. Однажды, переходя к ближней линии, он нанес такой сильный удар клюшкой по мячу, что тот, попав в щит, расположенный на расстоянии нескольких десятков метров, вернулся к игроку и ему пришлось, поймав мяч, снова начать игру уже с неудобного места. Через 15 лет этот игрок в гольф стал управляющим компании «Креол» в Венесуэле, а я — руководителем профсоюза; нам вместе с другими представителями компании и представителями рабочих довелось подписать коллективный договор рабочих и служащих — нефтяников. Этот управляющий был хитрым и сильным нашим врагом, он почти с нами не разговаривал. Во времена игры в гольф мне и в голову не приходило, что мы встретимся когда-либо при других обстоятельствах. Можно только предположить, что управляющий вспомнил, что среди подписавших коллективный договор был тот, кто шел за ним по пятам и помогал находить потерянные мячи на поле для игры в гольф на берегах озера Маракайбо, вблизи Тасахерас.

В работах буржуазных пропагандистов иногда можно прочесть о личной ненависти коммунистов к идейным противникам. Могу также сказать, что не все инженеры, с которыми я работал, относились к нам плохо. Один из них даже оставил мне свой адрес, с тем чтобы я мог посетить его, если буду в Соединенных Штатах.

Необходимо понимать своих идейных врагов и никогда не занимать в отношении их примиренческую позицию. Это особенно относится к ренегатам из наших рядов. Ренегаты, исключенные из нашей коммунистической партии, потерпевшие провал в своих попытках сбить партию с ее марксистско-ленинского курса, пытались отомстить мне за свои идейные поражения, заявляя, что я злопамятный человек. Нет, я не злопамятен в личном плане, но всегда проявляю стойкость и непримиримость, когда ренегаты пытаются нанести ущерб коммунистической партии. При подобных идейных столкновениях я усвоил, что не следует считаться с дружескими отношениями, когда дело касается принципов.

В своей жизни революционера мне не раз приходилось выступать с разоблачением ренегатов и вести дела с лицами, занимавшими антикоммунистические позиции, понявшими затем свою ошибку и перешедшими в лагерь революционеров. Но то, чему я научился, никогда не забуду; это непримиримая позиция по отношению к предателям, проникавшим в наши ряды. Одно дело — это открытый враг, другое — враг, скрывающий свое лицо под маской членства в партии, пытающийся взорвать ее изнутри, для того чтобы сослужить службу врагам. После дезертирства ренегатов и их открытого перехода в лагерь врага к ним следует относиться, как ко всем прочим предателям.

После смерти матери старшие сестры жили своими семьями, Виктор остался работать в Лагунильясе, сестра Гойита переселилась вместе со мной в Ла-Салину. Из нашей большой семьи с нами остались лишь млад-

шие. Появилась необходимость ввести в семью кого-либо постарше. Я нашел работающую, степенную девушку, которая согласилась войти в семью. Мы решили узаконить наши узы, если совместная жизнь получится. Но родственники моей дамы не согласились на подобное положение дел и отправили «соблазнителя» в карцер на 15 дней. Так я во времена диктатора Гомеса попал второй раз в тюрьму.

Ирма и другие родственники приходили ко мне на свидания и советовали мне: «Не будь пендехо¹, не женись...» А я и не нуждался в подобных советах, потому что понял: боюсь брака как огня. Место заключения оказалось терпимым: меня посещали друзья, приносили пищу лучше казенной.

Однажды вечером в камеру напротив посадили довольно юную женщину, славившуюся «дурным поведением». Она привлекала внимание обворожительными формами. Я знал ее раньше, хотя только в лицо; она стала слишком известной благодаря отважным похождениям. В последнем случае она затеяла драку с любовницей какого-то высокопоставленного лица и отказалась заплатить за драку штраф в 100 боливаров. В тот момент, когда я ее увидел, она скандалила и вся взмокла от пота. Я передал ей табуретку, чтобы она присела. Затем она приняла от меня свежую воду и чистое полотенце.

Вскоре друзья принесли мне вкусный напиток из плода гуайабы, который я честно поделил с заключенной напротив. А на следующий день девушка стала получать от своих вздыхателей более вкусную еду, чем я. Мои услуги она оплачивала угощением. Вскоре мы стали друзьями. Однажды она попросила у меня совета, как скорее выйти на свободу. «Заплатите штраф»,— ответил я ей, хотя в глубине души хотел, чтобы наше необычное знакомство продолжалось. Вскоре она оказалась на сво-

¹ Глупец.

боде и стала навещать меня столь пунктуально и так внимательно относилась ко мне во время визитов, что я краснел.

— Этому катире действительно везет,— говорили обо мне полицейские.

— Он арестован за то, что стал соблазнителем, а теперь в тюрьме добыл себе такую прекрасную деваху.

Накануне рождества ко мне в камеру зашел один из тюремных начальников.

— Вам выходить завтра вечером, но если вы обещаете мне, что вас не увидят ни семья девушки, ни ваша семья до истечения срока заключения, то я вас освобожу сейчас.

Рождество на свободе и в компании новой подруги!

Моя сестра Альтаграсиа, узнав о визите к этой девушке, пришла в бешенство. В молчании я принял от нее взбучку, сам понимая, что поступаю нехорошо перед «невенчанной» женой. Чувство вины не давало мне покоя. Я напрасно пытался от него отделаться.

Во время моей первой и недолгой семейной жизни ко мне кардинально изменилось отношение некоторых незамужних женщин, которые раньше не хотели и смотреть в мою сторону. Они делали мне слишком откровенные намеки. Отягчающим мою вину обстоятельством было то, что я поддавался на провокации с легкостью, возмутительной для главы семьи...

Подобное поведение отрицательно сказывалось на отношениях с моей подругой. Стало очевидно, что я еще не созрел для того, чтобы создавать собственный очаг. Я слишком привык к свободе. В то время тех, кто был домоседом, называли «энфустанадос» — «простынщиками».

А жизнь на промыслах шла своим чередом. Я продолжал оставаться на положении миселанео — разнорабочего, умел делать многие виды работ и поэтому зарабатывал больше, чем другие.

18 августа 1933 года мы работали на габарре — барже, причаленной к молу Ла-Салины. Мы заканчивали работу, когда на барже раздался взрыв: шесть рабочих погибли сразу, остальных сбросило в воду с легкими и тяжелыми ранами. Я на несколько секунд потерял сознание. Рабочие, с которыми буквально несколько мгновений назад стоял рядом, оказались раздавлены взорвавшимся баком с нефтью, который питал котлы баржи. В этой катастрофе погибли хорошие друзья, среди них — Луис Майорга, парень из Гуири, мой напарник по установке свай в озере. С этим мускулистым и высоким парнем у нас произошло два памятных события. Однажды во время работы упал в воду рабочий Эмилиано Перес, не умевший плавать. Он тонул рядом со сваями. Пока мы сбрасывали одежду, чтобы броситься ему на помощь, Луис, не раздеваясь, прыгнул в озеро, поднырнул под утопающего, схватил его за волосы и отбуксировал до железобетонных свай.

В другой раз произошло следующее: среди нас находился один рабочий из местности Коста-де-Париа, большой задира. Этот тип буквально терроризировал своими шутками слабых новичков. Так он, подойдя к тому месту, где работали Луис и я, начал шутить со мной. Луис принял участие в обмене шутками, что не понравилось Гарсиа — так звали этого типа. Гарсиа грубо оскорбил Майоргу, и тот, согнув правую руку в локте, как это делают боксеры, нанес противнику удар в подбородок. Чистый нокаут!

Я засмеялся и оставил работу. Все сделали то же самое и образовали круг для драки, пока Гарсиа поднимался, приходя в себя и качаясь от удара. Луис ждал, пока тот оправится от удара. Однако Гарсиа уклонился от драки и отправился туда, где находился инженер-янки, чтобы пожаловаться ему на Майоргу. Свист, который раздался вслед Гарсиа, был столь издевательским, что Гарсиа уже не смог больше работать в нашей куадрилье.

Инженеры-янки использовали все доступные им способы, чтобы заставить нас больше работать. Так, однажды требовалось поставить еще одну сваю. Инженер сказал нам: «Закончите и можете уходить...» Мы поднажали и кончили раньше положенного. Наше рвение было учтено в последующих заданиях бригады. Инженеры стремились к тому, чтобы с меньшим числом рабочих и в более короткое время куадрилья выполняла тот же объем работы.

На следующий день с полным числом рабочих и в течение всего рабочего дня мы установили на сваю больше, да и свая была длиннее. Инженеры учитывали и то, что рабочие обретают навык, перестают делать лишние движения. И сама куадрилья становится более сплоченной, более или менее выравнивается производительность труда рабочих. Потом изобретаются новые методы работы с арматурой: по-новому их обрубают, связывают, и арматура собирается за более короткое время. Каррете-рилос — подвозчики, или тачечники, — все быстрее доставляют бетонную смесь. Одним словом, время не теряется, каждую неделю выигрываются минуты.

И наступает момент, когда устанавливается большее количество опор с тем же числом рабочих, за то же самое время. Рабочие получают ту же оплату за свой труд, а компания выигрывает очень много.

По мере того как буровые вышки удаляются от берега, сваи становятся все более мощными, все сложнее становится установка, но опыт и навык рабочих также растут. Теперь уже почти не слышно криков десятников. Становится и меньше случаев увольнения из-за неспособности выполнять ту или иную работу.

Инженер только наблюдает, то же делает и десятник. Рабочий уверен в своих силах, верит в свои способности. Инженеры, как правило, ценят хорошего рабочего, потому что плохой может разрушить все результаты труда. Как важно строителю понимать каждый жест ру-

ководителя работы: насколько влево переместить сваю, насколько вправо, насколько опустить в глубину! Опытная куадрилья за один день может сделать то, что новички осилят лишь за неделю, и то их работу на каждом шагу должен проверять инженер.

У нас, опытных рабочих, почти никогда не возникало серьезных проблем с инженерами по производственным процессам. Со временем опытные рабочие, в их числе и я, работали как своего рода помощники инженеров, получая за это небольшую доплату. Некоторые из нас уже умели работать с теодолитом. Я помогал инженеру на разметке участков для буровых вышек и установки металлических опор для передачи электроэнергии от Пунта-Горда до места работ на озере.

Один инженер, неплохой, на мой взгляд, человек, подшучивал надо мной из-за того, что я соблюдал предельную точность при разметке участков.

— Дело в том, мистер Смит,— отвечал я ему,— что рабочий, делающий иногда работу инженера, должен быть более точен, чем сам инженер, потому что на карту поставлена его зарплата, на которую он содержит семью.

Этот инженер был хорошим пловцом, не чурался нашего общества. Часто он рассказывал нам про другие страны, в том числе и про Россию. Но мы в то время и понятия не имели о том новом, что произошло в России. И коль скоро ему не удавалось привлечь наше внимание, он переводил разговор на другую тему.

Однажды он не пришел на работу. Мы спросили о нем и получили ответ: «Мистер Смит больше не работает в компании». И только спустя несколько лет я понял: увольнение столь компетентного специалиста было вызвано его прогрессивными взглядами.

Когда мы прокладывали полотно для железнодорожного пути от Лагунильяса до Томаре в качестве нашего непосредственного начальника у нас появился амери-

канский инженер, вздорный и жестокий, постоянно оскорблявший рабочих, особенно негров. Что было делать с подобным карахо¹?

Мы решили, что необходимо осадить его. Первый, кто станет жертвой его грубости и проучит своим machete этого «мусью». А у каждого из нас был острый machete. Ненавистный «гринго» до этого дня ни разу не приставал ко мне. Однако после того, как мы поклялись проучить этого янки, жребий пал на меня. Наш план состоял в том, что мы убьем этого типа, а убийца убежит. Мы хорошо знали горы, растения, которые содержали воду, съедобные плоды. И потому поймать беглеца было нелегко.

В тот день янки пришел в бешенство: ему показалось, что рабочие недостаточно проворно бегают с места на место с нивелиром. «Почему не бежишь? Не слышишь, что ли?» — закричал он и двинулся на меня с кулаками. Надо было драться или бежать. Я решил дать отпор. Бросил на землю нивелир и, выхватив machete, двинулся навстречу американцу. И хотя «гринго» был силен физически, мой грозный и решительный вид испугал его. С криком «Он меня убьет!» «гринго» бросился бежать.

Поле боя осталось за мной. Больше он никогда не выходил за пределы конторы, а вскоре вообще уехал с нефтепромыслов. Этот случай освободил нашу куадрилью от тяжелого кошмара. Ведь кто-либо из негров-корианцев все равно убил бы мучителя. А меня в виде наказания перевели в другую бригаду.

Через некоторое время ко мне во время работы подошел знакомый инженер и сказал:

— Хесус, хочешь снова работать с нами?

— Я же не могу, меня выгнали.

— Пойдем со мной, и я улажу перевод, этот беснова-

¹ Негодяй.

тый — твой враг — больше не работает в нашем департаменте.

Мы избегали драк, насколько это было возможно, не позволяли драться с товарищами по работе. «Если у вас есть желание драться, то почему вы не боретесь против тирана Гомеса?» — так мы насмешливо спрашивали у драчунов. Тем не менее драки все же происходили — между нами, между рабочими и десятниками, рабочими и надсмотрщиками-иностранцами. Один из надсмотрщиков преследовал рабочих, увольняя каждого, кто ему почему-то не нравился. Мы обсудили его поведение между собой и решили положить конец издевательствам. Первое же увольнение без вины — и участь надсмотрщика будет решена.

Прошло немного времени, и наш товарищ Бракамонте — рабочий из Чехенде — получил увольнение. Он был молод, медлителен, смешлив и спокоен, но когда он «разогревался», то превращался в пантеру.

Распоряжение о выплате денег, то есть сигнал к увольнению, представляло собой небольшую записку, с которой рабочий шел к кассиру компании, и тот выплачивал ему причитающиеся за последние дни работы деньги.

Когда надсмотрщик вручил распоряжение о выплате денег нашему товарищу, тот схватил его за грудь левой рукой и, держа в правой нож, крикнул ему в лицо: «Глотай эту бумажку, или я тебя убью!» Перепуганный янки на наших глазах разорвал бумагу.

Дело принимало серьезный оборот. С этого дня сами надсмотрщики отказывались сообщать рабочим об увольнении.

Тот же самый Бракамонте после забастовки нефтяников в Кабимасе убил в драке штрейкбрехера. Это произошло так: в нашем департаменте остались работать несколько человек, которые были привлечены к работе во время забастовки в качестве штрейкбрехеров. Это

были крестьянские парни, без каких-либо навыков нашей работы. После того как закончилась забастовка, мы помогли им освоить профессию. Однако нашелся среди них и такой, который считал, что он сможет в драке одолеть Бракамонте. Он заявил, что изобьет его, как драную козу, вступил в драку, но нашел смерть.

Для того чтобы закончить рассказ об этих драках, навязанных рабочим условиями труда и произволом компании, я приведу еще один эпизод, участником которого я стал вопреки своей воле. Один из инженеров уволил за одну неделю трех надсмотрщиков только за то, что они не избивали рабочих.

Со следующего понедельника меня назначили надсмотрщиком над моими товарищами. Мы работали на воде неподалеку от Лас-Морочас. Пока нефтебарка плыла, мы обсуждали новое положение. Шел 1937 год. Мы уже провели несколько забастовок и были организованы в профсоюз. Некоторые из нас являлись членами коммунистической партии.

— Так не может продолжаться больше,— говорили рабочие.— Мы сегодня же должны решить создавшуюся проблему.

— Я не хочу быть надсмотрщиком,— ответил я своим друзьям.— Я знаю, что все вы хорошие рабочие; но что мы будем делать, если инженер меня спровоцирует?

Мы пришли к такому решению:

— Если инженер начнет драться, ты его осадил. А все мы вместе покажем, как нужно вести себя с рабочими этому подлецу.

И случилось то, что должно было случиться. В десять часов утра я остановился около разъяренного «гринго» с куском кабеля в руке, который припас заранее.

Мои товарищи оставили работу и вооружились чем попало. Один из них крикнул: «Дай ему по черепу, этому сукину сыну!»

«Гринго», известный как отличный драчун, оказавшись в одиночестве, отступил на шаг. В этот момент я понял, что еще могу взять себя в руки. А другие?

«Гринго» явно был напуган и спросил нас:

— Вы убьете меня?

— Все может произойти, — ответил ему Кинтин, мой кум и сосед. — Но и мы не можем позволить вам убить кого-либо из нас.

— Работайте как хотите, — выдавил из себя «гринго», пересилив испуг и полностью сдав позиции перед лицом грозной опасности. После этого случая в конторе компании долго колебались: увольнять меня или нет? Решили оставить, и я продолжал работать на прежнем месте.

Позже, в 1938 году, когда меня преследовала полиция, этот же самый инженер провел меня на один из причалов с тем, чтобы оттуда по узким мостикам я мог перебраться в более безопасное место. Мне рассказывали также, что он интересовался мной после того, как я был арестован.

Стоит отметить, что именно в нашем департаменте было меньше всего драк, потому что мы действовали сплоченно против произвола инженеров. В других департаментах драки были частым делом — прежде всего потому, что американцы использовали побои как метод принуждения. Но и они находили достойных противников среди рабочих. Какой же жалкой была наша жизнь! Как трудно было получить работу! И как легко было ее потерять! Хлеб насущный бедняка часто зависел от настроения какого-нибудь надсмотрщика. Что бы только ни дал рабочий, чтобы не драться! И все-таки у него иногда просто не оставалось другого выхода. Надсмотрщики стремились к тому, чтобы ты не только работал до седьмого пота, но и был послушным человеком, который молча сносил бы все их оскорбления. И в то же время какие свидетельства товарищеской поддержки, помо-

щи видели мы в нашей среде! И понемногу начинали поднимать голову, ощущая свою силу.

Я формировался как рабочий в течение десяти лет в суровой школе пролетариата.

Еще одна сторона нашей жизни в те времена. В 1935 году я был гостем Ирмы и Хулио в Ла-Салине. В это время моя жена была беременна. Я знал, как страдают бедные дети, и долгое время остерегался иметь детей. А теперь стал жертвой противоречия: я хотел иметь сына, но одновременно боялся этого. Мы постоянно чувствовали неуверенность в будущем, и этот факт отрицательно сказывался на жизни семьи.

Кроме всего прочего, мне, как и другим молодым и невежественным рабочим, нравилось иметь женщин и безответственно оставлять их без всякой причины.

Это плохо, но так было. Я не знаю, что сделали бы женщины для того, чтобы отомстить за наше подлое поведение, но вели себя мы, мужчины, действительно подло. Стоит сказать, что я все же не поступал, как худший из худших, поскольку не напивался и не избивал очередную подругу.

ПАДЕНИЕ ДИКТАТУРЫ

В ночь на 21 декабря 1935 года по городу поползли слухи о смерти генерала Гомеса, тирана Венесуэлы, правившего страной 26 лет.

Мы бросились на главную площадь Кабимаса. Там уже стояли тысячи людей, слушавших выступления ораторов. Власти, охранники и полиция находились в боевой готовности. Бюст одного из братьев Гомеса разбили вдребезги. Флаг приспустили в знак траура, но нашлись люди, которые захотели поднять его.

Майорга безуспешно искал судью, который отправил его на каторжные работы на строительство дорог. Речи ораторов звучали необычно, и я не все понимал.

«Достойнейшего» президента, которому десятилетиями возносили хвалу, теперь называли «ночным горшком» и другими неблагозвучными именами. В детстве меня учили, что после смерти все люди становятся хорошими. Но сейчас говорили чудовищные вещи об умершем, который при жизни слышал только хвалебные слова. Однако ораторам не пришлось прилагать большие усилия, чтобы убедить нас, что мы жили в условиях подлой тирании. Дружно поддерживали мы и призыв о том, чтобы выбросить на свалку истории тех, кто пытался сохранить гомесизм без Гомеса. Потом мы узнали, что в столице народ разнес дворец диктатора. Большая группа рабочих начала окружать казарму. Мы находились на площади в 50 метрах от здания муниципалитета. Я стоял, прислонясь к дереву, как вдруг услышал выстрелы. Несколько человек упали, срезанная пулей ветка хлестнула меня по лицу. Смерть прошла мимо меня лишь в нескольких сантиметрах. Полицейские стреляли из окон административного здания.

Кто-то крикнул: «Бросайтесь на землю!»

Площадь мгновенно опустела, на ней остались только мертвые, раненые и те, кто последовал призыву неизвестного человека, крикнувшего, что нужно броситься на землю. Стреляли на всех улицах, ведущих к площади, по всему, что двигалось. Раньше мне всегда казалось, что я боюсь стрельбы, но сейчас выстрелы, похоже, придали мне смелости. Ненависть переполняла меня, рождая жгучее желание достать оружие, чтобы сражаться, а не лежать, втянув голову в плечи. Я поднялся медленно и спокойно — можно было подумать, что я помешался, — и пошел по улице, в конце которой находилась казарма. «Назад, негодяй!» — раздался чей-то голос, и вслед за этим прозвучал выстрел. Пуля просвистела над ухом. Я направился к молу, но шагал медленно в тишине, нарушаемой отдельными выстрелами.

В конце площади я повернул к зданию нового цирка,

где собралась большая группа людей. Все были возбуждены, кричали: «Надо достать оружие!»

Все мы хотели иметь оружие, но никто не знал, как его достать. Да мы и не умели им пользоваться. В нескольких шагах от меня, окруженная людьми, лежала девочка, раненная в ногу. Мы двинулись дальше. Навстречу шли люди, которые раньше убежали с площади; теперь они возвращались.

Майорга и другие мои товарищи уже побывали дома и, встретив меня, сказали, что видели, как я упал. Они решили, что я мертв. Транспорт не работал, и мы медленно пошли к дому, обсуждая случившееся. Когда я появился в семье, все обрадовались, но тут же начали упрекать меня за то, что я долго не возвращался.

На площади осталось 37 убитых и много раненых.

Когда рабочие убедились в бегстве тех, кто приказал стрелять в них, они заняли казарму, выбрали убитых и раненых. Некоторых деятелей старого режима посадили в тюрьму; магазины, дома и предприятия гомесистов были разграблены и разрушены. В эту ночь никто не спал. На следующий день мы вступили в бригады по поддержанию порядка и наказанию гомесистов. Наше вооружение составляли ружья и несколько револьверов, захваченных у полицейских. Пришли люди из Маракайбо и Лагунильяс и сообщили, что там тоже прошли стычки, подобные той, которая была в Кабимасе. В Лагунильясе убили трех полицейских и их тела бросили в костры, где сжигался мусор. Речь шла о ненавистных всем палачах, не сумевших скрыться. В Маракайбо продолжались напряженные схватки. К 22 декабря основные районы штата Сулия очистили от гомесистов, хотя это и досталось дорогой ценой: около 100 убитых в рядах восставшего народа.

Рост добычи нефти в период диктатуры Гомеса значительно укрепил систему латифундий в стране. Нефтедобывающие компании, обладавшие обширными зе-

мельными участками, превратились в самых крупных латифундистов. Родственники или приближенные диктатора получали право на раздел пустующих земель нефтяных районов, а затем «уступали» их перекупщикам и посредникам нефтяных компаний для изыскательских работ. Так, в 1920 году девяти собственникам в штатах Ансоатеги, Боливар, Лара, Монагас, Португеса, Сукре, Трухильо, Яракуй и Сулия бесплатно раздали 38 632,7 гектара. В 1921 году группа собственников получила в округах Перса и Матурин, штат Монагас, соответственно 42 688 и 24 000 гектаров пустующих земель. В 1935 году имущество семьи диктатора Гомеса оценивалось в 800 миллионов боливаров, самому диктатору и его родственникам принадлежали лучшие земли в стране. Капиталовложения в нефтяную промышленность, относительное развитие промышленного производства в городах и развитие некоторых отраслей легкой промышленности не изменили в первые десятилетия XX века характера экономики: Венесуэла оставалась аграрной, скотоводческой страной. Во время первой мировой войны Венесуэла увеличила экспорт некоторых товаров: кофе, какао, живого скота, кожи. Государственный бюджет сводился с положительным сальдо, выросли таможенные доходы, доходы с налогов на предметы потребления. В первые два десятилетия «нефтяной эры» возрастает зависимость сельского хозяйства Венесуэлы от капиталистического внешнего рынка. Эта зависимость выражается в росте экспорта сельскохозяйственных товаров на рынок США и импорте из США сельскохозяйственных машин и оборудования.

В начале XX века в Венесуэле преобладало товарное докапиталистическое производство, тяжелой промышленности не было даже в зачаточном состоянии. В то же время участие паразитирующей буржуазии в доходах нефтяной промышленности привело к росту торгового и ростовщического капитала. Промышленный

капитал, существовавший в то время в Венесуэле, не был полностью национальным. Он дополнялся финансовым капиталом, вложенным нефтяными компаниями.

Таким образом, в первые десятилетия XX века национальная экономика страны еще крепче привязывается к мировому капиталистическому рынку, возрастают инвестиции международного финансового капитала, зарождается легкая промышленность. Господство американо-английских нефтяных монополий привело к тому, что вся экономика Венесуэлы значительно изменилась. Вторжение иностранного капитала (хотя почти исключительно в одну область экономики — нефтяную промышленность) сказалось решающим образом на всем хозяйстве страны: оно привело к одностороннему развитию экономики, к ее зависимости от внешнего рынка. Из монокультурного производителя кофе и какао Венесуэла превращается в поставщика сырья для империалистических государств. Нефть в эти годы начала играть главную роль в экспорте страны, а экспорт кофе и какао значительно сократился. За десять лет промышленная добыча нефти в Венесуэле, начавшаяся в 1917 году, значительно выросла: если в 1917 году добывалось 18,2 тысячи тонн, то в 1927 году — 8733 тысячи тонн.

Из страны главным образом аграрной Венесуэла превратилась в основном в нефтяную страну. Эксплуатация нефти иностранными компаниями, давшая толчок относительному экономическому развитию, привела к большой зависимости от иностранного капитала.

В эти годы только начинает зарождаться как класс венесуэльский пролетариат. Развитие добычи нефти приносило баснословные барыши иностранным и связанным с ними местным капиталистам, а на долю трудящихся выпадали трудности от инфляции, безработицы, что сопровождалось резким обострением классовых противоречий.

Рабочие приобретают классовое сознание и начинают все упорнее отстаивать свои интересы.

Первые конфликты на промыслах носят экономический характер. В 1925 году рабочие нефтепромысла Мене-Гранде требуют увеличения заработка и объявляют забастовку; забастовка распространяется по всему побережью округа Боливар (штат Сулия). Пять дней спустя после начала забастовки предприниматели согласились платить семь боливаров в день вместо пяти.

Сам по себе нефтяной промысел еще не город, но уже и не деревня. Это своего рода населенный пункт — результат деятельности современного колониализма. Нефтяные промыслы возникают в Венесуэле как социальная организация, созданная и управляемая представителями иностранных монополий в штатах Сулия, Фалькон, Ансоатеги, Монагас, Гуарико, Боливар.

Из-за изолированности от общества и жизни в своеобразных условиях рабочие-нефтяники в первое время ограничивались защитой собственных интересов, не сознавая в полной мере своей исторической задачи как передового отряда рабочего класса. У них не было в то время идеологии, которая ясно выражала бы их классовые интересы.

Помимо нефтяных поселков в стране возникают нефтяные города, в большинстве на месте бывших деревень. Они появились вблизи промыслов и стали необходимым дополнением к ним.

Их население главным образом состоит из торговцев, ремесленников, мелких служащих и бывших рабочих нефтяных промыслов. Рост нефтяных городов определяется деятельностью компаний. С развитием нефтепромыслов и применением технических достижений эти города преобразуются: вместо жилищ из глины и пальмовых листьев строятся современные дома. Торговля в этих городах развивается по мере роста занятости на нефтепромыслах. В этих городах районы деревенских построе-

ек сменялись чисто городскими районами, заселенными служащими компаний и торговцами, и зонами, где концентрировались рабочие.

После окончания смены на промыслах нефтяной город оживает. Закусочные и игорные дома распахивают двери, торговцы открывают лавки, на улицах, наполненных рабочими, мелькают полицейские, проститутки поют и вызывающе смеются. Город готовится к опустошению карманов рабочих, которые покупают или берут в кредит продукты, ищут легкодоступных удовольствий.

Так развивался и город Кабимас в штате Сулия, в котором прошла моя молодость. В 1920 году в никому не известную деревню, расположенную на берегу озера Маракайбо, приезжают тысячи людей; рядом сооружается электростанция. Открываются залы кинотеатров, где берут один или два боливера за просмотр ковбойского фильма.

Развивается транспорт, и новый город налаживает постоянную связь с городом Маракайбо. «Эль континенте», небольшой пароходик, ходит по озеру два раза в день, такую же поездку можно совершить также на быстроходных моторках. Появляются салоны по продаже автомобилей, агентства пивоваренных заводов «Рехиональ» и «Сулия», питейные заведения, агентства по продаже лотерейных билетов.

В 1925 году открываются первые аптеки, торгующие дорогими лекарствами и алкогольными напитками в разлив. Так возник Кабимас — город с узкими улочками, пропитанными нефтью. В многочисленных деревянных зловонных лачугах кишели мухи, а кучи голых ребятишек плескались в лужах грязной воды, смешанной с нефтью. Хаотически расположенные улицы вливались в широкий и ровный проспект, протянувшийся между высокими постройками. Город, где сосуществуют роскошь и нищета, расточительство и массовая бедность.

23 декабря 1935 года группа рабочих и служащих со-

бралась в помещении организации «Взаимопомощь рабочих» и создала профсоюз нефтяников Кабимаса, а я принял в этом деле самое активное участие. Все для нас было внове.

Мы одобрили несколько предложений о создании профсоюза, хотя и не могли полностью понять их смысл. Помню, как я был ошарашен, когда проводивший собрание Вальморе Родригес, молодой журналист и рабочий лидер, сказал: «Вы сами должны руководить профсоюзной организацией».

Наступил новый, 1936 год. Меня захватил поток событий, происходивших с невероятной быстротой. Все было необходимо создавать впервые. В Венесуэле, народ которой закалялся в борьбе за свободу после смерти тирана, не было ни людей, ни партий для строительства нового общества. Среди рабочей массы, к которой принадлежал и я, выявились тысячи добровольцев, готовых строить демократическое общество, но не хватало кадров, способных руководить нами и определить правильную политическую линию.

В течение января и части февраля 1936 года в стране сохранялась гомесистская диктатура, хотя и без самого Гомеса. Но выступления рабочих, крестьян, студентов, потрясавшие Венесуэлу, в особенности массовая манифестация в Каракасе 14 февраля, вынудили нового президента Лопеса Контрераса¹ отделаться от ряда своих министров — коллег по старому режиму, по крайней мере от самых ненавистных народу, занимавших ответственные государственные посты в новом правительстве. Были завоеваны свобода печати и право на создание политических партий, на организацию рабочих профсоюзов. Были освобождены политические заключенные, брошенные в тюрьму диктатурой, деятели оппозиции вошли в прави-

¹ Лопес Контрерас, Элеасар (1883—1973) — президент Венесуэлы в 1936—1941 годах. В правительстве Гомеса занимал посты военного и военно-морского министра.

тельство в качестве министров, стали губернаторами, заняли другие важные государственные посты.

Однако подлинная свобода не была достигнута: прогрессивная печать продолжала подвергаться преследованиям и штрафам за «оскорбления» властей, за «отсутствие должного уважения» к президенту республики. Коммунистическая партия по-прежнему находилась вне закона.

После смерти тирана Гомеса в Венесуэлу возвратились политические эмигранты, в том числе коммунисты, включая тех, кто принимал участие в работе VII конгресса Коминтерна в Москве в качестве делегатов КПВ. Правда, в то время КПВ не выступала еще открыто, а предпочитала оставаться в подполье и посылать своих членов в другие политические партии, например в Национально-демократическую партию, Народно-республиканскую партию. За полтора года, прошедших после смерти тирана, в рядах КПВ и вне ее, среди руководителей народных организаций и прогрессивной общественности широко обсуждался вопрос о возможности и необходимости для КПВ проявить себя — «показать свое лицо».

Некоторые руководители демократических партий говорили: «Как может успешно развиваться компартия, когда у нас еще нет рабочего класса!» Они высмеивали наши надежды и презрительно намекали на «ячеечку»... Но и в рядах КПВ (даже среди тех, кто участвовал в VII конгрессе Коминтерна) были сомневающиеся и возражавшие против того, чтобы КПВ «показала свое лицо».

Падение диктатуры означало рубеж в истории нашей партии. Правительство создало свою собственную реакционную партию, но возникли и демократические партии. Эти дни оказались переломными в моей жизни: я стал членом профсоюза и коммунистической партии.

Вот как это произошло. После бойни в Кабимасе, встревоженный известиями из Лагунильяса, я отправился туда 25 декабря. Хотелось поговорить с друзьями, ус-

лышать их мнение о важных событиях. Я встретился с «книжником» Антонио Гранадосом, большим нашим другом. Он работал пожарным в компании «Галф». Поговорили, обменялись новостями, а затем он отозвал меня в сторону и сказал:

— Мы создаем коммунистическую ячейку и надеемся на твое участие.

— А о чем идет речь?

— Коммунистическая партия — это партия рабочих-революционеров. Они борются за лучшее будущее для народа. В России коммунисты покончили с промышленниками и латифундистами, там правят рабочие и крестьяне, они создали свою Советскую власть.

Он рассказал мне о Ленине, об Октябрьской революции, о некоторых других важных событиях, происходивших в мире.

— Я буду с вами.

— Очень хорошо. Но ты не должен говорить, что ты коммунист, иначе тебя арестуют. Наша работа ведется нелегально. Мало-помалу ты поймешь ряд событий в нашей стране. А пока учись, чтобы читать наши пропагандистские книги. Парень ты боевой, ребята с тобой считаются.

Так начался новый этап моей жизни.

ВЕЛИКАЯ ЗАБАСТОВКА

Падение диктатуры Гомеса вызвало к жизни многочисленные демократические организации. Рабочие активно участвовали в борьбе за легализацию профсоюзного движения, за боевые, подлинно пролетарские профсоюзы. В первых рядах шли нефтяники.

На всех нефтепромыслах, большинство которых находилось в то время в Сулии, были созданы профсоюзы. В Кабимасе мы оформили профсоюз, созданный еще

23 декабря 1935 года и практически не действовавший из-за репрессий. Вечером 27 февраля 1936 года в кинотеатре «Варьедадес» состоялось многолюдное рабочее собрание для официальной регистрации профсоюза и выборов руководящего совета.

В профсоюз вступило большинство постоянных рабочих нефтепромыслов.

Наша организация быстро набирала силы. Ее первыми руководителями в большинстве своем были служащие социал-демократы. Главный лозунг — организовать всех рабочих и служащих на забастовку, бороться за принятие закона о труде. Ближайшая цель, наше первое требование к администрации — увольнение нескольких особенно ненавистных надсмотрщиков-янки. Пикеты рабочих у ворот предприятий демонстрировали нашу решимость. И компании пришлось удовлетворить это требование.

В дальнейшем вступление новых членов в профсоюз и сбор взносов шли уже не такими быстрыми темпами, как в первые дни. Реакционные газеты открыли огонь по профсоюзному движению, особенно по Союзу трудящихся Сулии (УТС) — региональной профсоюзной федерации, во главе которой стоял товарищ Хосе Мартинес Посо. Затем они повели яростную кампанию против всех профсоюзов нефтяников, крича, что там «засели» коммунисты.

По вторникам и пятницам проводились собрания членов профсоюза. Мы поддерживали постоянный контакт с некоторыми депутатами и сенаторами, стоявшими на стороне рабочих, с прогрессивной печатью. Кроме того, рабочие, как члены, так и не члены профсоюза, направляли телеграммы протеста в конгресс и в газеты против произвола хозяев. Это был весьма действенный метод. Я помню, как на первой странице газеты «Фанточес» опубликовали телеграмму группы рабочих нашего департамента.

Оформившиеся после падения диктатуры левые политические партии — движение «Венесуэльская организация» (ОРВЕ) и Прогрессивная республиканская партия (ПРП) — активно действовали среди рабочих-нефтяников. В штате Сулия создали Национально-демократическую партию (БНД). Руководители БНД — партии народных сил Сулии — организовали митинги на нефтепромыслах, на них выступали делегаты от ОРВЕ, ПРП и других национальных и региональных партий, приезжавшие в главный нефтедобывающий район страны.

Каждого политического оратора отличал свой стиль выступления. Нам очень нравились речи представителей левых партий: Мануэля Таборды, Макса Гарсиа, Доминго Мариани, Педро Мильяна, Мартинеса Посо, Исидро Валье, Ольги Лусардо, Карлоса Аугусто Леона, Антонио Валеры. Потом мы узнали, что некоторые из них — коммунисты или поддерживают политическую линию КПВ. Что касается тогдашних руководителей КПВ — Густаво Мачадо, Сальвадора де ла Пласа, Мигеля Отеро Сильвы¹, Эрнесто Сильвы Тельерна, Хорхе Салдивиа Хиля и других, то большинство из них в то время находились в эмиграции.

В результате активных действий рабочих создается Профсоюз нефтяников Венесуэлы (УСПВ). Он объединил все профсоюзы нефтяной промышленности страны. В подготовке I Национального съезда трудящихся Венесуэлы это был важный шаг.

31 мая 1936 года в Каракасе состоялся рабочий митинг — первое собрание рабочих подобного рода, проведенное в столице. На митинге выступили представители Венесуэльской рабочей федерации. Собравшиеся приняли обращение к народу с призывом выступить против

¹ Отеро Сильва, Мигель (род. в 1908 г.) — известный венесуэльский писатель, прогрессивный общественный деятель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1980).

обсуждавшегося в то время в Национальном конгрессе проекта «закона о гарантиях общественного порядка и осуществления прав личности». Речь шла о законопроекте, предусматривающем ограничение демократических свобод. На митинге предпринимается также попытка подготовить условия для проведения всеобщей забастовки.

Всеобщую забастовку наметили на 10 июня. Ряд профсоюзных и политических организаций создали Комитет в защиту демократии; он обратился с воззванием, которое подписали Национальная ассоциация служащих (АНДЕ), Ассоциация шоферов, Ассоциация линотипистов, Федерация студентов Венесуэлы.

«Июньская забастовка» (10 июня 1936 г.) мобилизовала молодые профсоюзные организации, левые политические партии и широкие народные массы. Главная цель забастовки состояла в давлении на исполнительную власть, с тем чтобы она прекратила обсуждение проекта «закона о гарантиях». Эта забастовка — одна из самых крупных в истории выступлений венесуэльских трудящихся.

13 июня инициаторы проведения забастовки приняли решение о ее прекращении. В Каракасе забастовка прекратилась, но в Сулии выступления продолжались. В Маракайбо и Кабимасе во время забастовки состоялись грандиозные демонстрации женщин. В Лагунильясе произошли кровопролитные столкновения рабочих с полицией.

16 июня 1936 года в результате рабочих выступлений принимается новый закон о труде (он заменил закон 1928 г.). Этот закон устанавливал 8-часовой рабочий день, 48-часовую рабочую неделю для рабочих и 44-часовую — для служащих. В законе закреплялось право трудящихся на создание профсоюзов. Правительство создало административные органы по труду. Однако многие пожелания трудящихся остались невыполненными.

УСПВ обсудил положение и решил подготовить список требований рабочих к центральной власти. Главными из них стали повышение заработной платы и улучшение условий труда. Если эти требования не будут удовлетворены, заявил союз, то 14 декабря 1936 года нефтяники начнут забастовку.

Профсоюзы превратились в центры бурной деятельности. Мы удвоили наши организационные усилия, ввели дополнительные взносы, чтобы расширить фонды, предназначенные для проведения забастовки. Многие делали запасы, чтобы продержаться необходимое время. По мере приближения даты забастовки собрания становились все более многочисленными, в них участвовали не только нефтяники, но и рабочие других профессий, направлявшие к нам делегации.

Переговоры с властями не привели к желаемым результатам. Близилось начало великого дня.

— Все будет хорошо?

— Все будет хорошо, компаньеро!

Мы были уверены, что забастовка полностью парализует основную отрасль промышленности страны — нефтяную — и заставит власти считаться с выходом на политическую арену новой силы — рабочего класса Венесуэлы. Тщательно взвесив наши силы, мы распределили между собой обязанности. Я должен был обеспечить успех забастовки на своем участке, где насчитывалось 167 рабочих, и не допустить туда ни одного штрейкбрехера.

Вечером 13 декабря каждый из нас уже знал, где он должен быть на рассвете, чтобы встретить тех, кто все же выйдет на работу, и убедить их вернуться домой, проконтролировать начало забастовки и доставить в профсоюз информацию к восьми часам утра. Наша группа прибыла к воротам предприятия Лас-Салинас в пять часов. Вскоре мы увидели, как несколько рабочих подошли к воротам, но это оказались добровольцы, которые присоединились к нашему пикету.

В десять часов состоялось многолюдное собрание, на котором заслушали сообщение о положении на 50 участках и поставили задачи по каждому участку. Обсудили также, как лучше избежать провокаций и стычек с армейскими частями, направленными правительством в район нефтепромыслов. Радость наша была велика и оправданна: забастовка стала всеобщей.

Так началось мощное выступление трудящихся, оказавшее огромное влияние на будущее Венесуэлы.

Мне дали ответственное поручение — поддерживать солидарность безработных с забастовщиками. Опасались, что часть безработных, давно уже не имевших никаких средств к существованию, может согласиться на предложения предпринимателей и тем самым сорвать забастовку.

Я очень волновался. Ни разу еще не приходилось мне подниматься на трибуну для выступления, хотя я легко находил общий язык с товарищами или когда вел разговор с небольшой группой. Но сейчас следовало не столько говорить, сколько действовать. Конечно, мы разъясняли безработным цели забастовки, призывали их к солидарности, но главное — дали им доказательство и нашей солидарности с ними: создали кухни и стали готовить обеды для безработных. На мне лежала задача найти продукты и организовать приготовление и раздачу обедов.

В первые недели мы доставали мясо, рыбу, сыр, фасоль, молоко, бананы и другие продукты относительно легко. У нас имелись деньги, собранные в стачечный фонд, и нас поддерживали рабочие всей Венесуэлы.

В самый разгар забастовки впервые в истории страны в Каракасе открылся I Национальный съезд трудящихся, создавший Конфедерацию трудящихся Венесуэлы. Съезд одобрил планы помощи забастовщикам, среди них план приема в Каракасе сотен детей нефтяников на период стачки. Это решение вызвало яростную кампанию

клеветы в продажной печати, утверждавшей, что детей навсегда отрывают от родителей. Эта кампания создала для нас некоторые трудности: часть детей нам пришлось вернуть домой раньше срока, задержать отправку других групп; тем не менее помощь детям забастовщиков, содержание их в семьях каракасских трудящихся произвели политический и психологический эффект, так как вовлекали в борьбу революционные силы столицы в самой непосредственной форме, помогали им чувствовать живой контакт с забастовщиками.

Во время забастовки устраивались и провокации. Один армейский капитан, получивший взятку от компании, объезжал город на грузовике с солдатами и везде, где он видел группы рабочих, собравшихся, чтобы прослушать известия по радио, приказывал своим солдатам разгонять мирных и безоружных рабочих ударами палашей. Обстановка обострялась. Рабочие требовали от профсоюза ответа, как им поступать в этом случае. Забастовочный комитет профсоюза приказал подготовиться, чтобы дать отпор этим провокационным действиям. Нужно было вооружиться тем, что было под рукой, и, используя численное превосходство, выступить против капитана с его командой. Все это дало хорошие результаты: около 40 рабочих, имевших оружие, собрались в том месте, где до этого была разогнана группа трудящихся. Офицер, как обычно, остановил грузовик и приказал солдатам — их было около десятка — сойти на землю. Они сделали несколько шагов, но, увидев, что люди не бегут, как это было раньше, а, наоборот, решительно идут им навстречу, остановились. Капитан обратился к рабочим уже в спокойном тоне, призвав их разойтись по домам. Рабочие не возражали, и тем самым обошлось без кровопролития. С этого дня солдаты больше не набрасывались на рабочих, хотя их патруль продолжал объезжать улицы.

Наступили рождественские праздники, но в домах и

на улицах не чувствовалось обычного веселья: запасы продовольствия истощились, перспективы неясны. Однако забастовщики держались стойко.

Окончательный итог этого первого года после падения диктатуры оказался в высшей степени позитивным. Массы рабочих, вовлеченные в классовую борьбу, созыв I Национального съезда трудящихся, принятие закона о труде, создание профсоюзов, легализация политических партий, свобода печати, хотя и в урезанном виде, — все это было достигнуто в 1936 году. Никто не мог и мечтать об этом год назад, сегодня же это стало реальностью, а мы, тысячи таких рабочих, как я, ведем борьбу за развитие прогрессивных явлений в жизни нашего общества.

К отрицательной стороне дела следует отнести частые столкновения, в которых погибли многие рабочие.

На промыслах в Мене-Гранде для обсуждения вопросов политической забастовки собрались почти все рабочие. Появился армейский капитан с отрядом и приказал солдатам стрелять в мирных и безоружных рабочих. Пять человек убиты, десятки ранены. Трое солдат подняли тело убитого рабочего на штыки и понесли его как свой «трофей», орошая кровью этого мученика землю на скважине «Сумаке № 1». Спустя 35 лет после этого события в газетах появились фотографии американских солдат, демонстрирующих свои «трофеи» — головы вьетнамских детей и женщин. Это был тот же стиль — стиль империалистических захватчиков, но проявившийся в других событиях, разделенных столькими годами и тысячами километров.

Забастовка нефтяников, начавшаяся 14 декабря 1936 года, продолжалась. Впервые в истории Венесуэлы иностранные монополии столкнулись с мощным, хорошо организованным выступлением рабочих нефтепромыслов, поддержанных трудящимися других районов.

В первые же дни нового, 1937 года нефтяные компании и правительство направили своих агентов в сосед-

ние латиноамериканские страны для вербовки штрейкбрехеров, чтобы сломить нашу забастовку. В Сулию начали прибывать грузовики, заполненные обманутыми крестьянами, которых перебрасывали с одного места на другое под руководством «специалиста», прибывшего из США.

Новые рабочие появились на нефтепромыслах, но они не могли заменить бастовавших нефтяников, восстановить ритм работы. Однако само присутствие штрейкбрехеров наносило нам ущерб; кроме того, приступила к работе часть иностранцев, прежде всего уроженцы острова Тринидад. Забастовочный комитет собрал представителей рабочих. Собрание проходило тайно, в условленном месте и в строго установленное время. Тот, кто не сможет прибыть вовремя, сказал товарищ из комитета, пусть совсем не приходит. На собрании выступил молодой парень, проживший несколько лет в США. Он объяснил нам, как следует обращаться со штрейкбрехерами: нельзя допустить, чтобы забастовка сорвалась, необходимо начать действовать этой же ночью. «Создавайте бригады для борьбы со штрейкбрехерами!» — закончил он свое горячее выступление.

Итоги нашего ночного рейда подводились на следующее утро: один убитый «штрейк», 18 раненых, доставленных в больницу, многие избиты и бежали. Каждую ночь несколько «штрейков» получали свою «порцию». Дело оборачивалось плохо для этих несчастных, несознательных врагов своих братьев по классу. Теперь им приходилось жить за колючей проволокой, окружавшей владения компании, под защитой солдат. Некоторые из «штрейков», боясь возмездия, рассчитались и ушли по домам.

Уже почти месяц бастовали нефтяники; постепенно солидарность, столь широкая в декабре, стала ослабевать. Голод входил в дома пролетариев. Мои «клиенты» появлялись у кухни в полдень, но котел был почти пуст.

Деньги, собранные в стачечный фонд, подходили к концу, батраки из поместий, расположенных к югу от озера Маракайбо, приносили все меньше продуктов. Рано утром я отправлялся на пристань в поисках друзей, пришедших из поместий, и не возвращался, пока не доставал хотя бы немного овощей. Но с каждым днем я приносил все меньше. Жены многих рабочих требовали, чтобы мужа вернулись на работу. Дети просили есть, а в домах было пусто.

Забастовщики держались твердо. Штрейкбрехеры не осмеливались выйти на улицу, все 24 часа в сутки они проводили под охраной воинских подразделений. Атака на штрейкбрехеров оказалась успешной. Еще более действенным был саботаж на предприятиях. Акты саботажа происходили довольно часто. Когда же обрушились опоры электропередач на линии от Кабимаса до Лагунильяса, погрузив в темноту весь район, когда расплавились трансформаторы на подстанциях компании «Галф», расположенных на озере, когда перекрыли вентили подводных нефтепроводов, опытные руководители иностранных компаний поняли, что венесуэльские рабочие за короткое время научились многому и необходимо немедленно положить конец забастовке, о чем они и сообщили в письме на имя главы правительства.

В Каракасе стали распространяться слухи о намерении правительства покончить с сопротивлением трудящихся. Правая печать призывала арестовать «смутьянов». На нефтепромыслы направили новые крупные военные подкрепления, усилилось патрулирование на улицах. У офицеров и солдат злые лица, — видно, крепко их обрабатывали, прежде чем отправить сюда.

22 января 1937 года президент Лопес Контрерас издал декрет, предписывающий прекратить забастовку. На следующий день все должны были вернуться на рабочие места.

Когда забастовочный комитет собрался для обсужде-

ния декрета, солдаты в полной боевой готовности начали окружать дом, где заседал комитет. Они продвигались все ближе к зданию. Мы становились объектом открытого давления. После горячих дебатов комитет принял решение вернуться на работу, согласившись на условия президентского декрета: увеличение заработной платы на 1 боливар, еще 1 боливар на жилье и свежая вода для рабочих мест. И это все, чего мы добились за 45 дней борьбы и лишений.

Тяжелым оказалось это время на нефтепромыслах. Горькие реплики, а то и крепкие словечки бросали нам вслед, несправедливо обвиняя организаторов забастовки во всех лишениях, выпавших на долю стачечников. К счастью, волна непонимания прошла быстро, да у нее и не было никакой реальной почвы. Наша борьба, хотя и не увенчалась успехом, не прошла даром. Она продемонстрировала силу организованных рабочих, выявила солидарность всех отрядов трудящихся с нефтяниками: вся Венесуэла была на нашей стороне в этом первом крупном выступлении против империалистических монополий.

Правительство обрушило репрессии на профсоюзных и политических руководителей. Многих арестовали, бросили в тюрьмы, выслали из страны. Профсоюзы остались без руководства. В Кабимасе насчитывалось 5 тысяч членов профсоюза, но только 70 человек продолжали платить взносы. К нам поворачивались спиной, когда мы просили еженедельный взнос в 1 боливар, и это теперь, когда мы так нуждались в средствах для продолжения нашей работы!

Итак, 1937 год начался с поражения. Завоевания, достигнутые в кровопролитных сражениях прошлых месяцев, оказались под угрозой. Появилась необходимость реорганизовать ряды, перегруппировать силы и вновь начать борьбу.

В истории Венесуэлы после Федеральной войны

1859—1863 годов забастовка нефтяников стала крупнейшим событием. В ней участвовали широкие пролетарские массы, ей оказало поддержку все население страны. Этот социальный конфликт имел глубоко патристическое и революционное содержание.

Главное политическое достижение нефтяников — широкое вовлечение в борьбу рабочих, студентов, крестьян, лиц свободных профессий. Эти люди политически прозрели и теперь становились в ряды движения против произвола. Те, кто еще вчера терпел издевательства, гнет, невыносимые условия жизни, сегодня превращались в активных борцов.

Мы вернулись на работу. В первые дни после забастовки обстановка оставалась накаленной. Инженеры не разговаривали с рабочими, надсмотрщики получили приказ ускорить темп работ. Но нас не сломили.

На наш участок набрали 20 новых рабочих из тех, которых привезли, чтобы подорвать забастовку. Начальство решило распределить штрейкбрехеров по различным куадрилям, чтобы разобщить нас. А мы, вопреки воле начальства, почти всех новеньких убедили вступить в профсоюз. Мы знали, что впереди новые битвы.

I НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ВЕНЕСУЭЛЫ

Однажды вечером, уже после окончания забастовки, меня в Ла-Салине навестили товарищи, принимавшие активное участие в работе забастовочного комитета. Когда мы отошли подальше от дома, они сказали, что Коммунистическая партия Венесуэлы ведет борьбу за сплочение рабочего класса и расширение своих рядов. Зашла речь и об организации первой коммунистической ячейки в Кабимасе. Довольно строго они спросили меня, почему это еще не сделано. Мне поручили установить контакт с

профсоюзными активистами Луисом Марином и Эрвихио Мендиолой и обсудить с ними вопрос о создании у нас ячейки КПВ. Я был знаком с обоими, но не знал, что они как-то связаны с компартией.

Следующий день мне особенно памятен. Мы собрались втроем и будто познакомились заново — теперь уже как организаторы КПВ на местах. Оформили создание коммунистической ячейки и наметили план роста ее рядов. У меня на примете было не менее двадцати рабочих — честных, способных, справедливых, мужественных. В течение некоторого времени я вел с ними разговоры, и почти все они согласились вступить в компартию. Но Мендиола, когда мы вновь собрались, не пришел. Он испугался трудностей, которые вставали перед каждым коммунистом, и больше не вернулся в наши ряды.

Из тех рабочих, которых привлекли я и Луис Марин, мы создали несколько ячеек по пять человек. Нашим руководителем стал товарищ Марин. Это был талантливый человек, обладавший способностью убеждать, педагогическим тактом, терпением, твердо веривший в победу нашего дела. Его направляли туда, где возникала новая ячейка КПВ, чтобы разъяснить программу партии, ее организационные методы, раскрыть различие между коммунистической и другими политическими партиями, предупредить о возможных опасностях, научить, как должны действовать коммунисты в массовых организациях. Через некоторое время в Кабимасе уже работал местный комитет КПВ, политическим руководителем которого был выбран Рафаэль Контрерас (псевдоним товарища Марина).

Я — рабочий, активный забастовщик, руководитель местного отделения профсоюза, делегат Профсоюзного центра — стал политическим секретарем своей ячейки, а вскоре и членом местного комитета партии. Столь быстрое выдвижение объяснялось прежде всего нехваткой

опытных товарищей, и руководство для выполнения партийных поручений широко привлекало людей, пользующихся авторитетом среди рабочих.

В профсоюзе нефтяников создалась сильная коммунистическая фракция. Мы регулярно проводили собрания, намечали планы и активно работали, чтобы выполнить их. Привлекали новых членов в профсоюз и в КПВ, укрепляли профсоюзные финансы, платили специальные взносы, которые шли на нужды комитета КПВ штата Сулия. И еще одно: мы учились. Стремясь наверстать упущенное, углубить наши знания, мы жадно слушали лекции, учились читать и обучали товарищей, доставали революционную литературу и горячо обсуждали все важнейшие вопросы.

Но говорили обо всем коротко, собрания проводились быстро. Ни разу никто из членов партии не попался в лапы полиции, ни одно из собраний ячеек в нашем городе не обнаружили, хотя полицейские и устраивали облавы, надеясь схватить «заговорщиков».

1937 год ознаменовался важным событием в жизни Коммунистической партии Венесуэлы — созывом I Национальной конференции КПВ. Комитет организации коммунистической партии в штате Сулия решил направить меня делегатом для участия в работе конференции. Затем я намеревался поехать в Каракас — добиваться в столице легализации созданного нами профсоюза нефтяников.

Конференция проходила в глубоком подполье, место и час ее созыва хранились в тайне. Мне называли только имя человека в Валенсии, который должен указать, где и когда я встречу с другими делегатами. Так я познакомился с Донато Кармоной. Это был рабочий, благородная душа, простой, сильный, всегда готовый помочь товарищу. Впоследствии он стал членом Политбюро ЦК

КПВ, выполнял специальные поручения руководства партии в годы самых жестоких репрессий. Блестящий конспиратор, человек железной выдержки, он умел избежать ареста в самые тяжелые моменты. 28 лет спустя после нашей встречи Донато Кармона погиб в полицейском застенке.

Я точно выполнил указания, полученные еще в Маракайбо. Кармона сообщил пароль и адрес дома, где мне должны были дать новый пароль и указать место сбора делегатов. Конференция собиралась в Маракайе. В назначенный час я постучал в двери небольшого дома, и мне открыли. Назвал пароль, и меня провели в одну из комнат, где шло собрание. Все было обычно, никакой нервозности. Во время нашего собрания в дом приходили мусорщики, затем постучались соседи. Хозяева — семья Пайва (я узнал их фамилию лишь в 1975 г.) — вели себя с ними совершенно естественно, как будто в соседней комнате сидел кто-нибудь из родственников, а не шла подпольная конференция коммунистов.

На конференции я познакомился, а затем и подружился со многими видными деятелями партии, в частности с талантливым Мигелем Отеро Сильвой, с Майобре, участвовавшим в работе VII конгресса Коминтерна в Москве в 1935 году. Котепа Дельгадо подошел ко мне и объяснил, что основной вопрос, который будет обсуждаться на конференции, — должна ли партия «показать свое лицо», быть партией рабочего класса, или же продолжать действовать и дальше, будучи растворенной в партиях революционной мелкой буржуазии.

— Я за свою, коммунистическую партию!

— Отлично, ты так и должен сказать.

— Но я не собирался выступать.

— Ты должен выступить и сказать, что думаешь. Для этого мы и собрались на конференцию. А ведь ты проводил забастовку нефтяников и хорошо знаешь силу пролетариата.

Я внимательно слушал ораторов. Потом выступил сам и произнес короткую, несколько бессвязную речь. Во время голосования был вместе с теми товарищами, которые требовали, чтобы мы, коммунисты, «показали свое лицо» — заявили о себе как о партии пролетариата, имеющей собственную программу и собственные цели. И мы одержали верх.

I Национальная конференция имеет историческое значение в жизни КПВ. Она приняла решение о необходимости укрепления рядов коммунистической партии, партии революционной, независимой от других партий, с марксистско-ленинской программой и принципами, — авангарда растущего рабочего класса Венесуэлы. Решения I Национальной конференции об активизации деятельности партии, основанной на марксистско-ленинских принципах, о создании собственных пропагандистских органов, в которых были бы четко определены позиции рабочего класса в отношении национальных и международных проблем, свидетельствовали о революционной зрелости и мужестве передового отряда рабочего класса, о правильном выборе стратегического курса.

В то время в стране имелось всего около 400 коммунистов, но не все они входили в местные ячейки КПВ. Некоторые действовали в рядах легальных левых общедемократических партий. Низок был политический уровень ряда коммунистов.

I Национальная конференция КПВ приняла решение о том, чтобы действовать самостоятельно, как независимая партия рабочего класса, подтвердила решимость быть в рядах Коммунистического Интернационала. Избрали Центральный Комитет КПВ, временным Генеральным секретарем стал Хорхе Салдивиа Хиль (Рой).

Конференция партии поручила Политбюро ЦК составить обращенный к рабочему классу и народу Венесуэлы Манифест КПВ — первый на новом этапе ее деятельности — и определила дату — 18 февраля 1938 года —

для его распространения по всей стране. Были одобрены резолюции о тактике партии в отношении правительства и других политических сил.

В обстановке яростных антикоммунистических репрессий мы приняли ответственное решение — выступить в качестве самостоятельной силы. Некоторые деятели нашего движения утверждали, что, «показывая свое лицо», коммунисты тем самым «вызывают репрессии против всех прогрессивных сил». Отсутствие единого мнения среди коммунистических руководителей по этому важнейшему, принципиальному вопросу ослабляло революционный порыв нарождавшейся партии именно в тот момент, когда она более всего в нем нуждалась.

I Национальная конференция лишь положила начало новому этапу деятельности партии. В обстановке репрессий, находясь на нелегальном положении, КПВ к тому же должна была неоднократно отражать ожесточенные атаки фракционеров. Сколько раз последовательно революционному крылу партии приходилось терпеливо, но твердо и неустанно вести борьбу с фракционными группами, которые вначале ловко маскировались, но в конце концов открыто выступили против организационных и идеологических принципов коммунистической партии!

Конференция взвесила наши возможности, и мы убедились, что у нас достаточно сил. Партия пополнялась лучшими представителями рабочего класса — боевыми активистами, из которых со временем могли вырасти партийные руководители.

Национальная конференция КПВ подвела итог революционным выступлениям прошлых лет, оценила деятельность коммунистов за последние годы.

5 марта 1931 года в Венесуэле была создана первая коммунистическая ячейка. Организационно Коммунистическая партия Венесуэлы основана как секция Коммунистического Интернационала 1 мая 1931 года, когда появились в печати первый манифест и программа партии

рабочего класса нашей страны. В 1935 году в Москве состоялся VII конгресс Коминтерна, на котором 20 августа КПВ была официально принята в Коминтерн. Окончательное организационное оформление партии произошло на I Национальной конференции КПВ в 1937 году.

Создание в 1931 году Коммунистической партии Венесуэлы на базе первых нелегальных марксистских групп стало важной вехой в истории революционного движения страны. 1 мая 1931 года партия распространила свой первый манифест — «Манифест Коммунистической партии к трудовому народу Венесуэлы». В нем подчеркивалось, что трудовой народ Венесуэлы стремится освободиться от эксплуатации и тирании Гомеса: «Пеоны, батраки, издольщики, которые обрабатывают землю, поливая ее своим потом, хотят, чтобы им, а не богачам принадлежала земля. Рабочие нефтепромыслов, рудников, фабрик и заводов борются за то, чтобы они находились под их контролем».

В манифесте отмечалось также: «Венесуэлу эксплуатируют не только венесуэльские богачи, но и иностранные дельцы: американцы с Севера, англичане, французы и другие. Именно это и есть империалистическая эксплуатация. А чего хочет народ? Народ стремится к тому, чтобы изгнать империалистов и отстранить от власти их местных прислужников. Он хочет освободиться от гнета и тех и других. Именно поэтому трудовой народ выступает с антиимпериалистических позиций».

В этих условиях, указывалось в манифесте, трудящиеся, составляющие подавляющее большинство венесуэльцев, имеют право «организовать свою классовую партию и бороться за свои собственные интересы».

Манифест уделил большое внимание успехам СССР в деле построения нового общества, как примеру страны, где трудящиеся пришли к власти и работают на себя, а не на эксплуататоров. «Трудящиеся всего мира,— говорилось в манифесте,— борются и организуются, чтобы сде-

лать то же самое, что совершили их братья по классу в России. Венесуэльские трудящиеся будут находиться в первых рядах этой славной борьбы за свободу и право на лучшую долю».

В манифесте содержался призыв к трудящимся вступать в классовую партию — Коммунистическую партию Венесуэлы. «Впервые в истории страны, — отмечалось в манифесте, — создан с местопребыванием в Каракасе Организационный комитет Революционной (коммунистической) рабочей партии Венесуэлы. Этот комитет называется Временный Центральный Комитет Коммунистической партии, Венесуэльская секция Коммунистического Интернационала... Коммунистическая партия — партия рабочих, она защищает интересы всех эксплуатируемых, независимо от их национальной принадлежности, цвета кожи, расовой принадлежности, вероисповедания».

Программа КПВ согласно манифесту включала такие пункты, как распределение земли среди тех, кто ее обрабатывает, без всяких выплат; национализация крупных промышленных предприятий, рудников, нефтепромыслов, транспорта, осуществляемая рабоче-крестьянским правительством; отказ от всех концессий и привилегий, которыми пользуются империалисты; равенство в оплате мужчин, женщин и молодежи за одинаковый труд; бесплатное образование для всех трудящихся и т. д.

Напомню, что КПВ была единственной партией, созданной в Венесуэле в первые 35 лет нынешнего столетия. В условиях диктатуры Гомеса, пожалуй самой варварской из всех тираний Латинской Америки, не существовало никаких оформленных партий, даже поддерживающих тирана. Единственное организованное политическое сопротивление на основе своей программы оказывала КПВ.

Это не значит, разумеется, что не было выступлений против диктатуры. В январе 1928 года в Каракасе возникли массовые студенческие волнения. Затем выступили

учащиеся военной школы, к которым присоединились отдельные воинские части. Диктатура обрушила на повстанцев жестокие репрессии.

В историю освободительного движения вошли также экспедиции революционеров, готовившиеся в эмиграции. Несколько раз на побережье Венесуэлы высаживались группы противников Гомеса, с территории Колумбии проникали партизаны.

Особое место среди этих выступлений занимает высадка отряда под руководством Густаво Мачадо в 1929 году. Товарищ Густаво Мачадо, активный участник революционного движения в Латинской Америке 20-х годов, впоследствии один из основателей и руководителей КПВ, высланный из страны режимом Гомеса, создал в эмиграции группу молодых борцов против диктатуры. Эта небольшая группа революционеров осуществила успешный захват крепости на острове Кюрасао — голландской колонии вблизи побережья Венесуэлы, арестовала главных колониальных чиновников и, захватив оружие и пароход, направилась к берегам родины. Но уже в момент высадки отряд столкнулся с крупными силами армии. Разгромленные и рассеянные, революционеры попали в лапы гомесистов. Густаво Мачадо удалось перебраться в Колумбию.

Операция, предпринятая Г. Мачадо с горсткой почти безоружных смельчаков, встревожила правительство Венесуэлы. Оно немедленно усилило армию. Новых солдат — рекрутов срочно учили владеть винтовкой, чтобы бороться против «врагов родины». Среди новобранцев оказался и я — меня внезапно призвали в армию. Мы уже были почти готовы пуститься в путь, когда пришел приказ о демобилизации.

В КПВ позднее действия группы Мачадо подвергли критике, обвинив ее в авантюризме. Я же лично считаю, что эти действия явились сильным ударом по голландскому колониализму и героической попыткой свергнуть

тиранию в Венесуэле. Выступления гражданских лиц против гомесизма неизбежно находили отклик в широких слоях общества, показывая, что не все смирились с диктатурой. Разумеется, если бы в то время, в 1928 году, в Венесуэле существовала коммунистическая партия, действовало подпольное демократическое движение, то, конечно, можно утверждать, что лучше было нелегально пробраться в Венесуэлу и вести подготовку ко всеобщей забастовке. Но ведь этих условий тогда не было! Так что речь в данном случае шла не о подмене одной формы борьбы другой, а об их сочетании.

Приняв резолюцию о необходимости «показать свое лицо», Национальная конференция КПВ 1937 года действовала в соответствии с намерениями основателей партии. Учитывая неизменно антинародный, реакционный курс правительства Лопеса Контераса, конференция решила создать подпольный пропагандистский аппарат партии, чтобы в любой ситуации давать народу аналитическую информацию о политическом положении в стране. В течение ряда лет центральным органом партии была газета «Мартильо»¹, пользовавшаяся заслуженной популярностью у рабочих.

В то же время КПВ стремилась всеми средствами сохранить свою легальную печать. В нашем штате Сулия после конференции коммунисты наладили издание два раза в неделю газеты «Петролео»², широко распространявшейся среди нефтяников. Совместно с Национально-демократической партией издавалась также ежедневная газета «Паис»³. Ее несколько раз закрывали, но она выходила вновь — уже под другим названием. В 1937—1939 годах в Маракайбо действовала небольшая подпольная радиостанция, ее передачи пользовались большой попу-

¹ «Молот».

² «Нефть».

³ «Страна».

лярностью. За обнаружение радиостанции власти Сулии назначали премию, но им так и не удалось ее найти.

Во время I Национальной конференции КПВ в Венесуэле насчитывалось около 200 тысяч рабочих. Однако ряд политических деятелей выступали с заявлениями о том, что в стране нет рабочего класса и поэтому не следует создавать партию для «несуществующего» класса. Одним из них был Ромуло Бетанкур¹. После возвращения в Венесуэлу в 1937 году политических эмигрантов был создан Организационный комитет КПВ, в состав которого входил и Бетанкур, один из видных деятелей антидиктаторского движения. Бетанкур активно выступал против идеи о самостоятельных действиях КПВ, ратуя за многоклассовую, общедемократическую партию.

Как видим, идея коммунизма пришла в Венесуэлу поздно, но не так поздно, как могут подумать некоторые читатели. Были коммунисты, работавшие над созданием партии, организованной в качестве самостоятельной силы. Однако в умах коммунистов было немало путаницы, возникшей под влиянием идей политических деятелей из среды мелкой буржуазии. Они навязывали партии мнение о необходимости «растворения» коммунистов в общем демократическом блоке, обрекая тем самым рабочий класс на роль резерва мелкобуржуазных революционных партий.

I Национальная конференция КПВ положила конец этой путанице, нанесла поражение тем, кто, считая себя коммунистами, не верили в победу дела рабочих и шли за такими политическими деятелями, как Иносенте Паласиос, Ромуло Бетанкур, Ховито Вильяльба, и другими представителями мелкой буржуазии, тщательно скрывавшими свой страх перед марксистско-ленинской, подлинно коммунистической партией. По пораженческим тезисам

¹ Бетанкур, Ромуло (род. в 1908 г.) — президент правящей хунты Венесуэлы в 1945—1948 годах и президент Венесуэлы в 1959—1964 годах.

Бетанкура и его сторонников решения конференции 1937 года нанесли сильный удар.

После окончания работы конференции КПВ я направился в Каракас. Это была моя первая поездка в столицу. Меня очень тепло приняли коммунисты из партийной организации столичного округа.

Я попытался пробиться через бюрократию Национального Управления по труду в поисках документов для легализации Национального профсоюза нефтяников, созданного в штате Сулия, и сумел добиться этого относительно быстро. Когда мои дела в Управлении по труду были закончены, один из служащих, Рохас Гуардиа, неожиданно спросил, не хотел ли бы я встретиться с министром труда. Я был удивлен, но, конечно, согласился.

Одет я был совершенно неподходяще для визита: галстука у меня не было, одежда сшита из простой хлопчатобумажной ткани, какой она и должна быть у людей, работающих при 33 градусах жары в тени. В таком виде я и отправился к министру. Его роскошный кабинет поразил меня, и я приготовился внимать тому, что мне станут говорить. Однако министр, доктор Пьетри, задал лишь один вопрос:

— Что думаете вы, рабочие, о президенте Лопесе Контрерасе?

В ответ он услышал от меня слова, которые вряд ли слышал когда-нибудь в жизни, слова, которые мы использовали в разговорах между собой, обсуждая запрещение президентом Лопесом недавней забастовки нефтяников: «бандит», «предатель», «империалистический лизоблюд» и множество других, более сильных определений. Как бы вскользь я добавил: «Ясно, вы здесь удобно устроились, вы никогда не работали, вот почему не можете представить себе, что означает для трудящихся союз правительства с врагами Венесуэлы». И продолжал в том же духе.

Министр молча слушал. При первой же паузе он

поднялся и протянул руку, прощаясь. Я вышел из кабинета спокойный и счастливый тем, что высказал ему заранее не подготовленное, но тем не менее совершенно точное мнение о том, что «думают рабочие» о тех, кто присваивает себе плоды их труда. Рохас, хмурый и насупленный, провожал меня до дверей. Думаю, что идея встречи министра «с простым рабочим нефтепромыслов» принадлежала ему, но ее результаты оказались неожиданными для этого деятеля Управления по труду.

Через несколько лет, когда я стал сенатором, а доктор Пьетри уже не был министром, мы встретились, и кто-то из нас вспомнил о нашем знакомстве. Воспоминания были не очень приятными для него.

В год спада борьбы — поражения выступлений рабочих, высылки из страны их руководителей, запрещения политических партий — такие события, как восстановление профсоюзов, легализация Национального профсоюза нефтяников, успешное проведение I Национальной конференции КПВ, оказались неожиданными для многих. До сих пор считалось, что все происходящее в сфере революционной борьбы — результат деятельности политических эмигрантов. Это мнение было справедливым в отношении определенного периода. Но сейчас появилась смена, способная стать во главе движения.

После I Национальной конференции КПВ предстала перед рабочим классом и всем народом Венесуэлы как самостоятельная марксистско-ленинская, коммунистическая партия. Разумеется, трудно правильно руководить армией пролетариев в сложных условиях борьбы за их полное освобождение от капиталистического ига. При проведении любой политической линии независимо от ее правильности и достигнутых успехов совершаются ошибки и промахи. Мы, венесуэльские коммунисты, сознавая все значение самокритики, признаем, что нам не удалось избежать проявлений сектантства в одних случаях и правого оппортунизма в других. Но в жизни КПВ таких

уклонов было очень мало, и партия всегда находила достаточно сил для их быстрого преодоления на основе применения ленинских организационных методов, руководствуясь животворными идеями марксизма.

УНИВЕРСИТЕТЫ БОРЬБЫ

На конец 1937 года правительство объявило проведение выборов в конгресс и местные органы власти. В них разрешалось принять участие только лицам старше 21 года, умеющим читать и писать. Несмотря на тщательную подготовку выборов, правительство ожидал сюрприз. В Сулии и других местах оно проиграло выборы: избиратели проголосовали за представителей оппозиции. Я был избран депутатом Законодательного собрания штата Сулия и членом муниципального совета района Боливар этого же штата. В обоих органах у нас оказалось рабочее большинство.

Согласно закону, мы должны были приступить к исполнению своих обязанностей 1 января 1938 года. Некоторые уже заказали костюмы, в которых хотели появиться на первом заседании для исполнения своих новых важных обязанностей. Меня спросили:

— Ты, кажется, намерен идти в совет без пиджака?

— А я и не верю, что нам позволят туда прийти.

31 декабря 1937 года федеральный суд аннулировал результаты выборов. Все протесты правительство отвергло. Федеральный суд ликвидировал также одно из рабочих завоеваний, закрепленное в законе о труде, — выплату пособия в случае несправедливого увольнения. Репрессии повсеместно усилились. Началось наступление на всех фронтах, реванш неогомесизма. Делегаты, присутствовавшие на ассамблее Национального профсоюза нефтяников, одобрили резолюцию, содержавшую энергич-

ный протест. Я участвовал в заседаниях ассамблеи как делегат от рабочих и служащих Кабимаса.

Мы, коммунисты, с надеждой вступили в новый, 1938 год, хотя у нас и украли победу на выборах, хотя сотни наших товарищей находились в тюрьмах. Наладился выпуск газеты «Мартильо», органа КПВ. Это был еще один большой успех партии в области пропаганды. В Баркисимето партия издавала боевой еженедельник «Моменто». Наш штат Сулия — важнейший район нефтедобычи — с его многочисленным пролетариатом стал главным оплотом КПВ.

Полиция начала преследовать депутатов, чьи мандаты были аннулированы. Я приготовился к худшему. Однажды вечером при выходе из помещения профсоюза меня остановил шеф местной полиции:

— Хесус Фариа там, в доме?

— Да, он еще там, вместе с руководством профсоюза.

И я немедленно «испарился».

Партийный комитет, как и мои товарищи по работе, был информирован обо всем. Мы знали, что по вечерам полицейские дежурят на пристани, и меня наверняка арестовали бы там, как только транспорт компании доставит рабочих нефтепромыслов с озера на берег. Но инженер, работавший с нами, разрешил переправить меня с места работы по нашим плавучим дорожкам, чтобы я избежал ареста. Товарищи одобрили это решение. Так продолжалось несколько дней, и у полиции создалось впечатление, что я вообще не появлюсь на работе.

2 февраля меня направили работать на берег. Мы должны были разметить участок, на котором планировалось строительство первых домов поселка Кампо Конкордиа компании «Лаго петролеум корпорейши» в Кабимасе.

— Ну вот и все,— подумал я. И действительно, часов в 11 мы увидели грузовик с полицейскими. Здесь же на месте я был арестован и через несколько часов доставлен

в районную тюрьму. Когда меня вели по тюремному коридору, я видел за решетками знакомые лица рабочих.

Ночью меня отправили в политическую тюрьму в Макайбо, где уже находилось в заключении более 200 человек, в основном рабочих. Нас распихали по маленьким камерам, в которых нельзя было повернуться. Спали на полу, плотно прижавшись, как сардины в консервной банке, и то лишь по очереди: пока одни спали, другим приходилось стоять.

Тюрьма стала для меня школой, я укрепил привычку к чтению, расширил свои знания о пролетарской партии, вел долгие беседы с товарищами.

18 февраля — день, назначенный для распространения манифеста нашей партии; я уже видел его раньше в отпечатанном виде. В тюрьму манифест попал довольно необычным путем. Полиция арестовала двух человек, — кажется, по обвинению в «скандалах в пьяном виде», как обычно говорят о бедняках. Один из них, войдя в камеру, вытащил из кармана лист бумаги и постелил на пол, чтобы сесть. Я узнал манифест и предложил ему взамен газету. Мы держали в руках этот так много значивший для нас листок и праздновали успех операции.

Экземпляры манифеста, напечатанного в подпольной типографии, предварительно доставили в 20 крупных городов. Дату и час распространения назначили заранее. Партия хорошо организовала это дело во всех штатах, и в намеченный день, вернее, ночь во всех городах, рабочих центрах, поселках читали манифест коммунистической партии. Распространение этого документа вызвало яростную кампанию в официальной и католической печати. Некоторые газеты требовали смертной казни для коммунистов, вновь и вновь напоминали, что за одно лишь распространение коммунистических листовок следует приговор — 20 лет тюремного заключения.

Успешное начало еще больше укрепило в нас революционную гордость, уверенность в себе и в возможности

продолжать пропагандистскую и агитационную деятельность во все больших масштабах.

В тюрьме меня продержали несколько месяцев. Наконец объявили, что я обязан проживать в городе Маракайбо, пригрозив, что вновь попаду в тюрьму, если хоть раз покажусь на нефтепромыслах. Мне дали 24 часа для того, чтобы побывать в Кабимасе и вернуться обратно. Я прибыл в Кабимас в то время, когда проходила ассамблея профсоюза нефтяников, и использовал это, чтобы выступить на заседании с анализом положения дел. Затем мы наметили подробный план дальнейшей работы. Я надеялся, что смогу приехать еще несколько раз. Но когда вернулся в Маракайбо, оказалось, что местные власти уже получили сообщение из Кабимаса. Меня обязали в течение трех часов покинуть штат Сулия.

Что делать? В областном комитете партии сказали: есть okazия до Ла-Сейбы, там сядешь в поезд, а затем на попутном грузовике доберешься до Каракаса. Так я и сделал и через три дня был в столице. Первые ночи провел на столе в помещении Национальной студенческой ассоциации. Однако ее руководители вскоре отказали и в этом убежище. Денег у меня хватало лишь на самую дешевую еду.

Приехал Некасио Гарсиа, рабочий-нефтяник, уволенный с промыслов, и предложил отправиться вместе на остров Маргарита. Я провел там месяц, и со мной обращались с той естественной сердечностью, которая свойственна жителям этого острова. Потом один из друзей достал для меня место на палубе парусника, шедшего в порт Ла-Гуайра. Без денег, не зная, где остановиться, я сошел на берег, затем с трудом добрался до Каракаса. Здесь я установил контакт с товарищами из столичного комитета КПВ, мне дали денег на дорогу.

В середине июня 1938 года я нелегально вернулся в Сулию. Это был год внутренних трудностей для партии, так как кооптированный в Политбюро ЦК КПВ Пераль-

та начал происки против других руководителей КПВ. Положение было таково, что Политбюро было вынуждено предложить Перальте покинуть Венесуэлу; он уехал в Боготу.

Вне страны, а затем и в Венесуэле к Перальте присоединился ряд руководителей КПВ. Некоторые из них бывали и в Сулии; они создавали трудности в работе партийной организации, в частности навязали ей решение воздержаться от участия в выборах. Через год II Национальная конференция КПВ рассмотрела вопрос о фракционной деятельности и исключила Перальту из партии.

Новые выборы, назначенные правительством на 1938 год, должны были быть проведены на прежних условиях, да и то только в муниципалитеты и в законодательные собрания штатов. По сути дела, выборы могли лишь послужить предлогом для усиления репрессий, прежде всего на нефтепромыслах.

Для меня стало невозможным оставаться в Сулии, каждую минуту надо было ждать ареста, и партийный комитет Кабимаса разрешил мне выехать из штата на несколько недель. В Пальма-Рехо я нанял лодку за довольно значительную для меня сумму — 4 боливара до Пунта-де-Лейва, а оттуда еще за 4 боливара отправился на грузовике до Лос-Пуэртос, где жил мой двоюродный брат Сирило. Мне помогли купить билет на поезд до Мене-де-Мауроа: там я должен был выполнить некоторые профсоюзные и партийные задания.

Родственники сказали мне:

— Поедем в деревню? Отсюда недалеко.

Мы поехали на старом грузовике в компании веселых юношей и девушек. Шел дождь, и, когда мы уже были недалеко от места, грузовик попал в яму. Пришлось отправиться на поиски ночлега. Утром следующего дня мы вытащили грузовик из грязи и продолжали путь.

В Борохо я остановился в доме своего брата Арте-

мидоро, у которого был небольшой выпас коз в Гуйябо. Он принял меня чудесно: хорошая еда, чистое белье, а когда мне нужно было куда-либо пойти, то брат давал немного денег. Я учил азбуке детей брата, а их у него было 16. В этом уголке я провел несколько незабываемых недель, окруженный искренней любовью родственников и друзей. Это был первый отдых в моей жизни.

Между жителями Борохо и Дабахуро возник конфликт из-за общинных земель. Некоторых моих земляков арестовали — невиданное дело в тех местах. Их увезли в город Капатариды. Мы, пять земляков, отправились вслед за арестованными — посмотреть, что мы сможем сделать. Убедившись, что заключенные содержались в сносных условиях, отправились в столицу штата Коро на старом автомобиле-фургоне одного парня, у которого не оказалось водительских прав. К счастью, они были у меня. В Коре мы добились приема у губернатора штата, но мои товарищи, зная, что меня арестовали за принадлежность к коммунистической партии, воспротивились моему участию во встрече. Все же мы пришли к соглашению: я буду присутствовать, но не буду говорить: «каменный гость». Когда мы попали на прием, то я убедился, что мои спутники не имели никакого опыта в подобного рода переговорах. Мне пришлось их представлять, но никто не осмелился представить меня. После этой встречи вылилась в разговор между мной и губернатором штата. В результате он пообещал освободить наших земляков и направить своего представителя для решения спора об участках.

На следующий день, когда мы отправились в обратный путь, земляки стали выражать восхищение моими действиями, затем обо всем рассказали заключенным, среди которых были и два моих племянника. Для решения вопроса о спорных участках собрались депутаты ассамблеи штата, советники, судьи, гражданские чиновни-

ки со своими секретарями и, кроме того, адвокат со специальными полномочиями, присланный из Коро.

Адвокат, не говоря ни слова, представил чудовищный документ, по которому мы теряли общинные земли.

Мои земляки, испуганные не на шутку, спросили меня:

— Мы должны подписать эту штуку?

— Ясно, что нет. Подождите и не спешите.

Адвокат решил сыграть на невежестве моих земляков: «Вы знаете, что мы, адвокаты, всегда найдем выход из любого положения; так, например, мы можем освободить заключенных или посадить в тюрьму невинных». Затем он перешел к открытым угрозам.

Я — «адвокат» своих земляков — хранил молчание, что вызывало беспокойство среди тех, на чьей стороне была комиссия.

После чтения акта нас пригласили подписать документ о передаче земель. Я попросил разрешения выступить, и мне дали слово, не зная ни моего имени, ни откуда я прибыл.

— Мы не подпишем этот документ! — сказал я первую фразу. — Мы пришли сюда не для того, чтобы передать общинные земли Борохо другому поселку. Когда мы говорили с губернатором штата сенатором Сьерральта-Тельерия, он сказал нам, что будет достигнуто справедливое решение (что было явно не так). А документ — это открытый грабеж. Кроме того, сам автор документа — адвокат — предупредил нас, что мы не должны доверять адвокатам, потому что они способны устроить любую ловушку и действовать не по справедливости.

В зале поднялся шум, который перешел в аплодисменты. Я почувствовал себя счастливым оттого, что чем-то могу помочь жителям своей деревни, показать, что наш противник пытается запугать нас пустыми угрозами.

Мои земляки обнимали меня и говорили: «Нам нечего добавить, мы согласны с Хесусом». На этом заседание закончилось, документ мы не подписали.

Мы пошли на телеграф и направили телеграмму губернатору штата, в которой сообщили, что не смогли достичь соглашения, но благодарили губернатора за справедливое участие в конфликте.

Местная камарилья не сразу узнала о нашей телеграмме. Когда же официальные лица узнали об этом, то готовы были бросить в тюрьму телеграфиста. Один из депутатов, по фамилии Оберто, родственник моего отца, подозвал меня к себе, чтобы узнать, кто я и кем был раньше.

Адвокат, увидев нас вместе, подошел к нам:

— Земляк, пойдем и выпьем вместе, ведь вы меня разгромили.

— У меня нет привычки сидеть за одним столом с врагами моего народа!

Он хотел продолжить беседу, но я направился к ждавшим меня землякам.

Мы распрощались и отправились в Борохо. Мы были счастливы. Мои товарищи не находили слов, чтобы оценить мое поведение: они свободны, а общинные земли остались за ними. Они ходили из дома в дом и рассказывали о том, что произошло.

Но через два дня прибыл священник и рассказал иную версию событий: оказывается, он отслужил мессу в честь непорочной девы с тем, чтобы освободили арестованных и оставили земли жителям Борохо. Среди крестьян начался сбор денег или, за их неимением, скота, чтобы оплатить гонорар тому, кто должен был выполнять обещания, данные небесным адвокатом.

24 июня в Венесуэле чествовали память национального героя, освободителя страны от испанских конкистадоров Боливара. Мы собрались отметить этот праздник и съесть зажаренную козлятину. Перед нами выступил священник. Он утверждал, что Боливар не являлся таким человеком, как все, а был творением святого духа.

Но это не устраивало земляков. Мои родственники

и друзья, мои племянники настойчиво потребовали: «Дядя, ты должен выступить против священника». Пришлось согласиться и вступить в полемику со священником. «Он был таким же, как и мы,— сказал я о Боливаре,— как и сегодняшние мужчины и женщины, он спорил со священниками своего времени, потому что эти священники были сторонниками короля и врагами патриотов». Что касается небесного чуда, то я категорически отрицал его. Здесь еще никогда не слышали подобного выступления, и люди аплодировали мне.

Мои акции среди родственников значительно повысились. А одна девушка заявила: «Я готова пойти с ним, даже если он коммунист». Мои племянницы немедленно передали эти приятные слова мне.

И вот столь отрадный отпуск кончился. Мне удалось договориться с владельцем парусной лодки — убедить его подбросить меня до Маракайбо.

В начале 1939 года, когда нашлась работа в Лагунильяс, меня вновь арестовали. Сначала заперли в маленькой камере (там пришлось стоять в течение 30 часов), потом перевезли в Маракайбо. Несколько месяцев пришлось провести в тюрьме, и только в октябре выпустили на свободу. Вернулся в Лагунильяс, получил работу в руководстве Национального профсоюза нефтяников и начал вести партийную работу. Через год должны были состояться президентские выборы.

Начался новый подъем массового движения в главных городах страны.

В Лагунильяс я работал легально. Жил в хижине на озере вместе с семьей Торресо Нава. Иногда бывал у своих сестер Альтаграсии и Каталины. Вечерами учил читать группу рабочих — членов профсоюза. Будучи функционером партии и профсоюзным руководителем, я за эту работу не получал ни боливара. Старые товарищи — основатели профсоюза в Кабимасе — помогали моей семье, когда я сидел в тюрьме или подвергался прес-

следованиям, передавая ей 30 боливаров в неделю. В Лагунильясе пятеро товарищей давали мне каждый по 5 боливаров в неделю.

14 ноября утром лопнул нефтепровод напротив Лагунильяс, принадлежащий компании «Мене-Гранде». Нефть образовала толстую пленку на воде прямо под хижинами на сваях. К вечеру стало ясно, что ничто не спасет Лагунильяс от пожара. Вскоре невиданной силы пламя взметнулось над озером, охватив дома.

Среди молодых рабочих, которых я обучал грамоте, были три крепких парня, отличные пловцы. Мы были всего в нескольких десятках метров от берега, но они бросились спасать свои пожитки, и никто не вернулся. Уж если они погибли, то что говорить о женщинах и детях, живших в поселке? Да и кто считал, сколько жителей населяло Лагунильяс?

Все недоумевали, почему «Мене-Гранде» не перекрыла поток нефти. Ведь именно так делается, когда рвется труба. Ответ на этот вопрос удалось получить только после пожара.

Профсоюз превратился в центр по оказанию помощи пострадавшим. Руководители, прежде всего коммунисты, работали и днем и ночью, без отдыха. Прибыли министры. Их встретила большая толпа рабочих с поднятыми вверх кулаками. Власти дали обещание построить новый поселок — город Охеда — для потерпевших бедствие. Из Каракаса прибыл Энрике Бернардо Муньес, прогрессивный журналист, мужественный человек. Опросив сотню свидетелей, он поместил в газетах обличительные материалы против компании, но на него тут же оказали сильнейшее давление.

Почему же произошел пожар?

Разведочные работы на нефть показали, что на дне озера под самым поселком на небольшой глубине и недалеко от основного промысла располагалось обширное месторождение нефти. «Мене-Гранде» решила бурить

скважины там, где находился Лагунильяс. Ведь это была ее концессия.

Компания не хотела долго ждать. Она решила, что быстрее и проще сжечь поселок, нежели переселять жителей. И вместе с поселком погибли сотни венесуэльцев, которые жили там испокон века или же приехали на заработки. Правительство президента Лопеса, областные и местные власти постарались замять это чудовищное преступление — подкуп действовал на всех уровнях.

На коммунистов оказывали постоянное давление, стараясь заставить их замолчать о преступлении. Но газета коммунистов «Тарде»¹ разоблачила компанию. Коммунисты обвинили «Мене-Гранде» в намеренном поджоге, вскрыв его истинные причины. Газету покупали нарасхват, она удвоила тираж: только в Лагунильясе мы продавали по 10 тысяч экземпляров. Вскоре по приказу властей газету закрыли.

УРОКИ ПРОЛЕТАРСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Коммунистическая партия Венесуэлы усиливала свои позиции в стране, прежде всего среди рабочих-нефтяников. Как профсоюзный деятель и член КПВ я побывал в латиноамериканских странах на съездах профсоюзов.

Меня направили также в качестве делегата на конференцию Компартии Колумбии в Букараманге. Там я впервые познакомился с Хильберто Виейрой, руководителем коммунистов Колумбии. Мы встретились с ним по одну сторону баррикады, участвуя в борьбе за правое дело наших народов и против одних и тех же внутренних и внешних врагов коммунистического движения. В Букарамангу прибыл также Густаво Мачадо, один из известных уже в то время руководителей венесуэльских

¹ «Вечер».

коммунистов. Он жил в эмиграции в Боготе. Мы обменялись мнениями, подолгу беседовали. Густаво, внимательный, дружески расположенный, держался просто. Меня пригласили сфотографироваться с Висенте Ломбардо Толедано — одним из профсоюзных руководителей Мексики, президентом Конфедерации трудящихся Латинской Америки (КТАЛ) — и с колумбийскими товарищами. Все они были внимательны ко мне, молодому венесуэльскому рабочему-нефтянику. Опытные товарищи, они стремились помочь мне, передать свои знания.

В Букарамангу вторично меня пригласили на национальный конгресс профсоюзов, а затем я участвовал в конгрессе рабочих-нефтяников в городе Барранкамеха. На этом конгрессе был создан Нефтяной профцентр Колумбии.

Свободные минуты я проводил на берегу огромной реки Магдалены. Какая мощь!

— А Ориноко в Венесуэле разве меньше? — спрашивали меня.

— Никогда ее не видел.

— Так тебе легче было увидеть далекую Магдалену?

Так уж случилось, что я знал лишь свое озеро Маракайбо. Но сколько мне пришлось поездить потом по белу свету!

В декабре 1941 года состоялся конгресс Конфедерации трудящихся Латинской Америки в Мехико. От Венесуэлы на нем должны были присутствовать Аугусто Малаве Вильяльба¹ и я.

Мое первое путешествие самолетом: Майкетия — Маракайбо — Барранкилья — Панама. На следующий день: зона канала, Бальбоа — Сан-Хосе — Манагуа — Тегусигальпа — Сан-Сальвадор и Гватемала-Сити. Наконец, на третий день Тапачула и Мехико.

— Вы Хесус Фариа?

¹ Секретарь по вопросам образования и культуры Венесуэльской конфедерации труда (КТВ).

— Да, это я.

Меня встречал Сальвадор де ла Пласа, один из руководителей КПВ. До этого мы были незнакомы (в 1937 г. его выслало из страны правительство Лопеса Контераса), но затем стали близкими друзьями. Я выступил на открытии конгресса от рабочих Венесуэлы. Старался запомнить все, что говорилось, многое являлось для меня новым.

Возвращение домой длилось два дня. В Панаме ко мне долго цеплялись американские агенты, а в Маракайбо, где я остановился на некоторое время,— венесуэльские полицейские. Похоже, что мой вид и чемодан вызывали у них подозрения. Я вернулся домой, переполненный мексиканскими впечатлениями.

ЛЕГАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В 1942 году КПВ начала издавать легальный еженедельник «Аки эста́». Он распространялся по всей стране и пользовался популярностью. Стала издаваться большим тиражом и газета «Ультимас нотисиас», хорошо служившая делу антифашистской борьбы. КПВ создала своего рода отдушины — легальные организации «Лига объединения Сулии» и «Муниципальный союз».

На 18 ноября наметили крупный митинг в Маракайбо, на котором предполагалось выступление президента страны Медины¹ и других ораторов.

На митинге я от имени рабочих-нефтяников произнес речь, подготовленную Национальным секретариатом КПВ. Тема выступления — мировая война и помощь союзникам. Медина выступил первым. Когда же я закончил выступление, президент вскочил как ужаленный, схватил микрофон и обрушил на меня поток оскорблений.

¹ Медина Ангарита, Исаяс (1897—1953) — президент Венесуэлы в 1941—1945 годах.

Правая печать подняла вой, черня коммунистов и профсоюзы. Всем отделениям министерства труда в штатах разослали приказ не принимать меня. А когда представители министерства встречались с профсоюзными руководителями, то меня всегда исключали из состава участников встречи.

В 1943 году генералу Медине представилась возможность вернуть Венесуэле ее нефтяные богатства. Однако он предпочел отказаться от такой возможности и продлил иностранные концессии на добычу нефти еще на сорок лет. Эта близорукая, трусливая политика говорила об отсутствии решимости, когда национальная и международная обстановка оказалась столь благоприятной для проведения политики, которая отвечала бы национальным интересам страны. Национальное руководство КПВ ошиблось, когда выразило политическую поддержку этому акту по продлению концессий. Мы, руководители профсоюза и организации партии в Пуэрто-Ла-Крус, читали это заявление КПВ и, ошеломленные, комментировали его: ведь мы ничего не выигрывали и многое теряли от подобной «солидарности», как результата неправильной политики, навязанной некоторыми руководителями КПВ низовым организациям партии.

Подобный хвостизм объяснялся политикой правительства Медины и влиянием на некоторых руководителей КПВ реформизма Браудера¹. Правительство Исаияс Медины осуществило некоторые демократические преобразования, прекратило преследование рабочих-активистов, многие профсоюзные организации снова открыли свои помещения, создавались новые профсоюзы. В условиях, когда правительство Венесуэлы выступило на стороне антифашистской коалиции, коммунистам было легче про-

¹ Браудер, Эрл — ревизионист и оппортунист в рядах коммунистов США. Прикрываясь марксистской фразеологией, извращал основные положения научного коммунизма.

водить политику антифашистского национального единства.

В годы второй мировой войны дискуссия о методах политической борьбы из-за влияния браудеризма приобрела острый характер и даже среди самих сторонников Браудера возникали разногласия.

Я являлся в то время членом руководства КПВ, но был против подобного хвостизма, осуществлявшегося под лозунгом «С Мединой против реакции». В этот период КПВ допустила ошибку хвостизма в результате давления Рикардо Мартинеса и Эдуардо Мачадо¹ на ее руководство, а они сами соревновались между собой в том, кто наберет больше «положительных очков» у представителей олигархии, засевших в президентском дворце «Мирафлорес». Эти два деятеля как бы выступали друг против друга, но, по сути дела, проводили одинаковую правую, а не коммунистическую политику. Они оспаривали между собой доверие Браудера и кончили тем, что стали союзниками в борьбе против КПВ.

Внутрипартийная полемика велась в то время вокруг решений I Национальной конференции: появилось много таких, которые предпочитали иметь легальную и некоммунистическую партию, такую, которая нравилась Браудеру. И хотя им не удалось полностью ликвидировать компартию, их деятельность нанесла серьезный ущерб ее развитию, ослабила коммунистическую дисциплину, увела в сторону от решения ряда задач. Коль скоро авторы этих теорий были людьми искушенными в политике, а рабочие в тот период еще не имели достаточно высокого идеологического уровня, то первым удалось добиться определенного успеха в борьбе против компартии, действуя от имени компартии.

Они выступали против критики в адрес Медины, запугивая угрозой выступления против него со стороны «реакции».

¹ В те годы они входили в руководство Компартии Венесуэлы.

В июле 1943 года на конгрессе нефтяников был создан Национальный нефтяной союз, председателем которого избрали меня.

В августе семья Отеро Сильвы и группа журналистов — членов КПВ основали газету «Насиональ». Эта газета, как и «Ультимас нотисиас», сыграла важную роль в борьбе против фашизма, знакомя общественность с политическими и военными изменениями, которые происходили в результате победоносных действий советских армий против фашизма. Популярным стал и юмористический еженедельник «Эль Моррокой асуль», основанный группой интеллигентов — членов компартии и демократов. Эти газеты и коммунистический еженедельник «Аки эста», распространявшийся по всей стране, давали в руки революционного движения мощное средство для мобилизации и ориентации масс в антифашистской борьбе.

1944 год начался с хороших результатов в организационной работе. Мы подготовили проведение Национального конвента трудящихся, который должен был создать основы для организации профсоюзного движения в национальном масштабе и выработать общую программу борьбы. Заседание конвента открылось массовым митингом в Каракасе на крытом стадионе для боя быков. На конвенте выступил Ломбардо Толедано. Затем мы продолжили нашу работу в здании Национального театра. Профсоюзная фракция партии Демократическое действие (Аксьон демократика — АД) на конвенте имела менее 30 процентов делегатов, она ушла с конвента под тем предлогом, что речь шла о «коммунистическом собрании».

Этого было достаточно, чтобы правительство Медины распустило конвент, поставило вне закона три профцентра и 90 крупных профсоюзов, членами руководства которых в большинстве были коммунисты. Не подлежали роспуску те профсоюзы, в руководстве которых из пяти членов большинство составляли делегаты, представляющие Демократическое действие — партию Бетанкура.

Так поступил наш «союзник» — правительство Медины.

Когда министр труда Лауреано Вальенилья пригласил меня к себе для беседы, я оскорбил его в присутствии его телохранителей и секретаря. Он мог бы меня убить, но у него не хватило смелости. В 1952 году, когда он вновь был в правительстве, я сидел в тюрьме.

Вечером 24 марта в помещение Национального нефтяного союза прибыл национальный инспектор по труду и потребовал списки членов профсоюза. Мы оказались одни. Возбешенный, я обругал его и схватил металлический стул, чтобы разбить башку этому негодяю, но тот, вместо того чтобы защищать себя с помощью пистолета, который у него был, бросился бежать. В этот день я чувствовал себя разбитым и физически, и морально. Особенно морально, потому что был убежден в ошибочном мнении партии в отношении правительства Медины.

Было назначено заседание руководства КПВ. В нем участвовали Хуан Пирела, Густаво Мачадо, Рикардо Мартинес, Родольфо Кинтеро, Сальвадор де ла Пласа, Торрес Навас, я и другие, чьи имена не помню.

Первым на заседании выступил Рикардо Мартинес, заявивший, что у генерала Медины не оставалось ничего другого, как распустить наши профсоюзы, что мы должны понять его трудное положение и «помочь» (!) Медине посредством роспуска коммунистической партии (!!).

Тут я, прервав оратора, чего никогда раньше не делал, дрожа от гнева, сказал: «Я против роспуска партии! Если вы это прикажете, то буду продолжать строить партию — единственное, что у меня есть». Это, так сказать, синтез сказанного. Остальное же состояло в критике по адресу правительства и сожалениях в связи с запрещением профсоюзов.

Затем мы прервали заседание и разошлись без всякого обсуждения и споров.

Я немедленно возвратился в Сулию и начал активно разъяснять коммунистам создавшееся положение. Правительство наложило арест на деньги, которые запрещенные профсоюзы имели в банках, оно взяло под контроль наши помещения, наложило арест на профсоюзное имущество — мебель и конторские принадлежности.

Мы все должны были начать с нуля, как и в декабре 1935 года, но с той разницей, что теперь АД стала создавать параллельные профсоюзы. Им открыли «зеленую улицу», в то время как мы сталкивались с тысячами «легальных» препятствий помимо открытой враждебности властей. При создании новых профсоюзов в основу был положен принцип объединения трудящихся по отраслям промышленности вместо объединения по профессиям, как это имело место ранее. Документы о создании новых профсоюзов с участием бывших членов запрещенных профсоюзов часто клали в долгий ящик, и там они оставались вплоть до падения правительства в октябре 1945 года.

Уже в конце 1943 года стало ясно, что в партии вновь поднимают голову те, кто был разгромлен на I Национальной конференции КПВ. В период с IV Национальной конференции, состоявшейся весной 1944 года, до V пленума ЦК партии, созванного спустя несколько месяцев, в партии проявилась сильная тенденция к хвостизму в отношениях с правительственной партией, и, хотя на словах это отрицалось, об этом красноречиво свидетельствовали факты. Некоторые руководители партии, работавшие в тот период в Каракасе и находившиеся на свободе, прямо-таки соперничали в занятии «единой позиции с Мединой» и «против реакции» под тем предлогом, что такая политика якобы была необходима для укрепления международной солидарности трудящихся.

В ходе IV Национальной конференции партии некоторые личности, такие, как Хуан Пирела, вдруг начали объявлять себя приверженцами концепции легальной

партии, но не коммунистической. Подобная попытка была явно на руку тем, кто находился в президентском дворце «Мирафлорес», так как вела к ликвидации нелегальной коммунистической партии. Пирела повел речь о создании «Социалистического народного союза» в результате слияния Венесуэльского народного союза¹ и Коммунистической партии Венесуэлы.

После этой конференции часть коммунистов, участвующих в работе Венесуэльского народного союза, перестала придерживаться коммунистической дисциплины. Именно в этом и состояла розовая мечта «революционных интеллектуалов». В этом и в других подобных случаях получалось так, что когда их точка зрения одерживала верх в коммунистической партии, то они выказывали себя «стопроцентными коммунистами», когда же они терпели поражение, то явно занимали другие позиции.

После IV Национальной конференции Компартия Венесуэлы оказалась в трудных условиях. Предложение Ролито² распустить коммунистическую партию обрело практические формы и получило поддержку большинства. На конференции были приняты 10 рекомендаций, которые, если бы их претворили в жизнь, положили бы конец существованию коммунистической партии.

В столичном округе и еще в трех местах коммунисты осуществили решения IV Национальной конференции партии. После этого КПВ оказалась на распутье. Дело в том, что в других областных комитетах КПВ проводили в отношении рекомендаций политику «соглашаться, но не выполнять», не доводя дело до обострения отношений

¹ Венесуэльский народный союз образовали в 1943 году группы, или «легальные отдушины», компартии, такие, как «Муниципальное единство» в Каракасе, «Движение за единство Сулии» и др.

² Ролито-Рой — псевдоним Хорхе Салдивиа Хиля, избранного на I Национальной конференции КПВ временным генеральным секретарем партии.

с руководством. Подобная осторожная позиция, как оказалось впоследствии, была более разумной, правильной политикой. Ведь и на самом деле, если речь шла о том, чтобы найти для коммунистов «легальную отдушину», то нужно было не распускать партийные организации, а бороться за легальность партии, разрывать оковы запрета деятельности и всемерно пропагандировать основополагающие идеи марксизма-ленинизма и программу партии.

Внутри Венесуэльского народного союза возникло так называемое «черное бюро партии» во главе с Помпейо Маркесом с целью распространять в организациях КПВ в Каракасе ликвидаторские идеи, используя всякого рода ложь и не брезгуя никакими грязными методами.

«Единство», достигнутое вокруг решений IV Национальной конференции, оказалось поверхностным, призрачным. Через некоторое время уже можно было говорить о серьезном кризисе в рядах коммунистов: с одной стороны были мы — те, кто защищал существование КПВ в соответствии с решениями I Национальной конференции. С другой стороны — сторонники Венесуэльского народного союза, считавшие этот союз не только «легальной отдушиной партии», но и самой компартией, но без идей коммунизма. Были и такие, которые называли себя «Группой «Нет», так как считали, что они «ни с теми, ни с другими».

В конце 1944 года я находился в населенном пункте Кариптио, когда получил указание партии направиться в город Кали (Колумбия) для участия в работе II конгресса Конфедерации трудящихся Латинской Америки (КТАЛ). Я сел в один из неудобных грузовиков, переоборудованных для пассажирских перевозок, и поехал на запад страны, к границе с Колумбией, затем в Боготу и Кали. Две недели трудной дороги и без средств. Ранее, когда я был в Колумбии, то проехал через район Сантандерас. Сейчас мне довелось увидеть равнины Санта-

Фериана и долину Валье-дель Каука, места впечатляющей красоты.

На II конгресс КТАЛ (декабрь 1944 г.) в Кали отправилась большая группа венесуэльских делегатов, но все порознь. Ломбардо Толедано, умелый оратор, руководитель, способный вести мирные переговоры, ветеран в межпрофсоюзных конфликтах, сумел избежать раздоров в наших рядах и добился нашего участия в конгрессе в качестве единой делегации¹.

На конгрессе присутствовал делегат из Англии, горняк-коммунист, выступление которого произвело большое впечатление: он рассказал о борьбе народов Советского Союза против фашизма, о роли европейских рабочих в борьбе с общим врагом.

Война шла к концу, но браудеризм еще не был разоблачен как форма ревизионизма и оппортунизма в коммунистическом движении.

Трудящиеся мира испытывали подлинный энтузиазм в связи с блестящими победами, которые их братья по классу в Советском Союзе завоевывали на полях сражений, где фашистские захватчики терпели тяжелые поражения.

Мои отношения с колумбийскими товарищами — братьями по классу вылились в крепкую, испытанную дружбу. Когда я посещал Колумбию, то чувствовал себя, как дома, а вовсе не иностранцем.

Какая разница между настроениями участников этого конгресса и I конгресса в Мексике в декабре 1941 года! Мы, коммунисты, не теряли веру в победу над фашизмом даже тогда, когда фашистские орды продолжали продвигаться по территории Советского Союза, а японские милитаристы уже нанесли неожиданный удар по американ-

¹ На II конгрессе КТАЛ присутствовали 15 делегаций от Мексики, Коста-Рики, Никарагуа, Доминиканской Республики, Кубы, Венесуэлы, Эквадора, Перу, Боливии, Чили, Парагвая, Уругвая и Аргентины, которые представляли 3,1 миллиона трудящихся.

скому флоту в Тихом океане. И хотя во время работы II конгресса КТАЛ еще шла эта страшная война, победа прогрессивного человечества над фашизмом была лишь вопросом времени.

II конгресс КТАЛ наметил верную линию, одобренную единодушно его участниками, линию солидарности трудящихся Латинской Америки с борьбой за победу над фашизмом. «Все для победы!» — с этим лозунгом мы вернулись на работу.

После войны органы буржуазной пропаганды подвергли нас критике за эту политику в рабочем движении: они считали, что вместо борьбы за окончание войны нужно дать предпринимателям больше возможностей пользоваться международной обстановкой для увеличения своих прибылей. Но мы понимали, что для эксплуататоров приемлем и фашистский режим. При фашизме рабочее — наемные рабы, люди без всяких политических прав. При буржуазной демократии у них есть, хотя и ограниченные, права на организацию. И все же не страны буржуазной демократии вынесли основную тяжесть борьбы против фашизма, а Советский Союз, родина социализма, где рабочие и крестьяне установили новый строй, глубоко гуманный и справедливый.

Мы, трудящиеся Венесуэлы, конечно, не делали ничего такого, чем мог бы воспользоваться в своих интересах международный фашизм. В то же время многие критики нашей профсоюзной деятельности, связанной с проявлениями международной солидарности трудящихся, после окончания войны прекратили классовую политическую борьбу против предпринимателей и интегрировались в систему эксплуатации.

1945-й ПАМЯТНЫЙ ГОД

В марте 1945 года правительство Венесуэлы установило дипломатические отношения с СССР. Газеты сообщали о близком крахе фашистской Германии.

В начале 1945 года раскол в рядах КПВ продолжался. До нас дошли известия — они были опубликованы в газетах ряда стран — о том, что один из руководителей Французской компартии, Жак Дюкло, с марксистских позиций выступил с резкой критикой концепций Браудера о «классовом сотрудничестве». Эти известия оказали определенное влияние на разногласия в КПВ.

Весной 1945 года собрался VI пленум Центрального Комитета КПВ. Пять видных членов ЦК отказались на нем присутствовать, четыре из них — члены Политбюро. До этого они же не явились на заседание Политбюро (из девяти членов), на котором приняли решение пятью голосами созвать пленум ЦК партии.

Хотя в VI пленуме ЦК партии участвовало большинство членов, его решения не признали ни те, кто оставался в Венесуэльском народном союзе, ни члены «Группы «Нет».

Партия раскололась.

В середине 1945 года в соответствующие инстанции направили заявление о легализации партии. Этот документ подготовил ЦК, проводивший VI пленум. В это же время члены ЦК отказались от работы в Венесуэльском народном союзе, затем на различных уровнях это сделали те, кто шел за большинством в Политбюро ЦК КПВ.

После этого создалась довольно странная ситуация. Коммунисты из упомянутых трех групп проводили политику единства с правительственной партией, вместе с которой они участвовали в муниципальных выборах в 1944 году. В то же время они сами не могли преодолеть свой раскол.

В мае 1945 года победой над силами фашизма закончилась война в Европе. Советский Союз внес решающий вклад в историческую победу над смертельным врагом человечества — германским фашизмом. Красная Армия добила зверя в его собственной берлоге — в Берлине. Над рейхстагом был поднят красный стяг с серпом и мо-

лотом. Человечество вздохнуло свободно, полное благодарности тем, кто отдал жизнь за его освобождение от фашистского рабства.

В Лагунильясе жила польская семья Бромберг, в которой было двое детей. Мать содержала кафетерий, где мы обычно завтракали. Во время войны этой женщине пришлось много пережить. Нападение фашистов на Польшу принесло ей большие страдания. «Я знаю, что такое война»,— говорила она своим клиентам и рассказывала о зверствах фашистов в Польше.

Я твердил ей, что фашисты потерпят поражение, и был абсолютно уверен в конечной победе.

А почему?

Ясно объяснить это в то время я бы не смог.

— Дела скоро пойдут по-другому,— говорил я своим друзьям, когда мы узнавали новости с театра военных действий.

«Сталин сказал,— рассуждал я,— что фашизм будет разгромлен, и если это говорил Сталин, так это потому, что у советских коммунистов есть воля к победе, твердая вера в немеркнущие идеалы коммунизма. Кроме того, если советские люди одержали победу в войне против интервентов в 1918—1920 годах, то как им не победить теперь! Советский Союз разгромит фашистов, даже если не будет открыт второй фронт».

Я внимательно изучал военные сводки, заявления Советского правительства — источники вдохновения. В этих скупых сообщениях враг не недооценивался, но не было и тени сомнения в конечной победе. Победа советских людей в сражении под Москвой придавала нам новые силы в борьбе. После сражения под Сталинградом почти все, даже пессимисты, уверовали в победу советского народа. А прорыв блокады Ленинграда мы отмечали в обстановке огромной радости. Наконец настал день, когда поступило сообщение: вся территория Советского Союза освобождена от фашистских захватчиков!

Советские войска продолжали продвигаться вперед и громить фашистские орды и их союзников в Польше, Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Чехословакии и на территории сегодняшней Германской Демократической Республики. В этих странах патриоты поднимались с оружием в руках на помощь Красной Армии-освободительнице. В других европейских странах — во Франции, Италии, Греции и т. д. — коммунисты составили ядро движения Сопротивления. Итальянские патриоты покончили с Муссолини и его окружением, преступники сполна ответили за свои преступления.

Мы стали свидетелями исторических перемен. Советские армии разгромили германский фашизм.

Выполняя соглашение, достигнутое с США и Великобританией, Советский Союз объявил войну милитаристской Японии и вступил на территорию Маньчжурии, где находились отборные японские войска, укрывшиеся за линиями укреплений, казавшихся неприступными. Японцы были не в силах остановить продвижение советских войск. Крушение милитаристской Японии содействовало также победам вьетнамских патриотов под руководством Хо Ши Мина.

Эти победы находили отклик среди народов мира, открывали глаза на действительное положение в мире миллионам рабочих и крестьян, показывая им, что можно побеждать, когда борьба ведется с революционной решительностью. Всех нас защитили от фашизма ценой своей жизни миллионы и миллионы советских людей. На земле наступило знаменательное время — возникновение и укрепление могучего социалистического лагеря.

...В Венесуэле среди коммунистов раскол продолжал углубляться. Группа коммунистов, которая опиралась на Венесуэльский народный союз, основала «Унитарную коммунистическую партию Венесуэлы». Весьма характерным было то, что выставлялось напоказ отсутствие единства: эта партия стала издавать еженедельник «Уни-

дад»¹. Что касается работы в профсоюзах, то борьба шла теперь против АД и «Унитарной КПВ». Работать становилось нелегко, но мы добивались успехов. И хотя на «красные» профсоюзы легализация так и не распространилась, они продолжали действовать и проводить активную массовую работу.

В Эль-Тигре, новом нефтяном центре, мне довелось руководить местной забастовкой нефтяников. Мы добились победы — повышения зарплаты на два боливара для всех нефтяников Венесуэлы! Это был лучший результат, чем в 1937 году, лучшее из всего того, чего добилось профсоюзное движение в те времена.

После окончания забастовки нефтяников в Эль-Тигре я уехал в Лагунильяс, где мы выиграли еще один трудовой конфликт. В конце августа 1945 года мне пришло телеграфное приглашение от рабочих-нефтяников Парагуаны помочь им организовать профсоюз. Ассамблея (общее собрание) нашего профсоюза проголосовала за то, чтобы купить мне билет, и я вылетел на небольшом самолете из Маракайбо.

В поселке Парагуана рабочие тепло встретили меня, но попросили не говорить о моем коммунизме.

— Добро, только если кто будет говорить против коммунизма — я отвечу как следует.

Некоторые из моряков танкерного озерного флота знали о моей профсоюзной деятельности и рекомендовали нефтяникам пригласить меня в Парагуану. Мне объяснили: приглашали других, но никто не захотел приехать.

Мы составили план работы и решили действовать без особого шума. Работалось нелегко: многие рабочие вступили в профсоюз, но боялись потерять свои места. Следовало заполнить ряд анкет, для того чтобы зарегистрировать профсоюз у гражданских властей и в отделениях министерства труда в Коро и Каракасе. Мы преодолели и это препятствие.

¹ «Единство».

«Это коммунист», — указывали повсюду на меня представители властей. «Да вы-то сами, — говорили мне, — знаете, куда лезете?»

В конце концов меня арестовали.

Об этом сообщили в Каракас, и руководители КПВ добились моего освобождения.

Наконец 9 сентября профсоюз был создан. Торжественное открытие прошло успешно. Почти все основатели профсоюза — рабочие Мене-Гранде, ветераны этого нефтяного центра. После организации профсоюза мы, ведя активную организационную и политическую работу, добились поразительных результатов: за считанные дни тысячи рабочих вступили в профсоюз — так достигались первые победы.

В Каракасе в это время была сформирована делегация от венесуэльских профсоюзов для участия в заседаниях Международной организации труда (МОТ) в Париже в конце октября 1945 года; делегатом назначили Оливо, советниками — Кампоса и меня. Следовало ехать в Европу через Соединенные Штаты с дипломатическим паспортом. Мне предложили поторопиться, чтобы присутствовать на конгрессе в Париже, где создавалась Всемирная федерация профсоюзов. Конгресс созывался за несколько дней до проведения сессии МОТ.

В Вашингтоне тянули с визой. Я обратился в министерство иностранных дел с настойчивой просьбой о визе. Чиновник внимательно выслушал меня: ведь речь шла о дипломатическом паспорте.

Наконец пришла виза, и я сел в самолет до Майами. В аэропорту южного американского города меня ожидал чиновник госдепартамента. Я отказался от его официальных услуг. Весь мой багаж состоял из картонного чемодана, а мои носильные вещи явно не были похожи на вещи из гардероба дипломата.

В Майами я поселился в пансионате вместе с одним техником-нефтяником. Мы вышли с ним посмотреть го-

род и вернулись за полночь. Когда мы уже крепко спали, раздались крики и удары в дверь:

— Пожар!

Спросонья я ничего не понял и разбудил своего товарища по комнате. Мы быстро покинули пансионат, но он не сгорел. А так как он находился недалеко от нефтехранилищ, то пожарные выселили людей из него и других домов по соседству.

В профсоюзе мне дали для поездки немного денег на билеты и дорожные расходы — столько я еще никогда не имел на руках. Я передал значительную часть этой суммы в Политбюро ЦК партии. Ролито, уже опытный путешественник, посоветовал мне для поездки в Европу купить белье, пальто, ботинки и новый чемодан и научил давать чаевые. Нет, каково? Сын Марии-Фульхенсии раздает чаевые! Этого еще не хватало. Чего только не выделяет с нами этот буржуазный мир! Если бы меня видели мои земляки...

Из Майами на поезде — долгих 40 часов — я отправился в Нью-Йорк. В пути мне довелось быть свидетелем сцен расовой дискриминации. В некоторых штатах негры совсем были отделены от белых. Непонятно, необъяснимо: было похоже, что в этих условиях меня принимали за белого, хотя и говорят, что я светлый мулат.

В Нью-Йорке я почувствовал себя одиноким. Хорошо, что вскоре меня нашел Фортул, кум Ролито, живший в этом городе. Он помог мне купить необходимую одежду и навестись в банк, чтобы получить по кредитному полису.

10 декабря в Нью-Йорке мы получили телеграмму: «Вчера легализована КПВ». Это было событие огромного политического значения. После пятнадцати лет подпольной деятельности в Венесуэле наконец легализовали партию рабочего класса. Из конституции страны исключили поправку № 6, запрещающую коммунистическую деятельность.

Мы думали: как же будет протекать деятельность легальной коммунистической партии?

На другой день друзья помогли купить билет на «Куин Элизабет», большой океанский лайнер. На его борту спутники встревожились моим «невежеством», включая неумение вести себя за столом или беседовать с состоятельными пассажирами. Но я чувствовал себя уверенно: коммунисты возглавили народные массы и разгромили фашизм.

По прибытии в Лондон в три часа дня мы посетили венесуэльское посольство. Один адековец, к которому у меня имелась рекомендация от Мигеля Отеро, сказал, что в Венесуэле произошел переворот. Идет драка.

— Что думаешь ты?

— Все зависит от того, кто возглавит правительство. Если правительство вооружит народ, то оно не падет. Похоже, что этого не случится, разве когда-нибудь буржуазия вооружала народ?

Медина колебался. Вооружать народ? А кто его потом разоружит?

Видимо, думал он именно так. С его точки зрения, было бы лучше всего все проблемы решить в буржуазной среде. Для чего вмешивать эксплуатируемых в споры между эксплуататорами?

А дело происходило так. 18 октября 1945 года восстали солдаты в Маракайе. Капитаны Маркос Перес Хименес, Марио Варгас, Карлос Дельгадо Шалбо и Луис Фелипе Льовера стали военными руководителями восстания; Ромуло Бетанкур и небольшая группа руководителей Демократического действия примкнули к заговору. В Каракасе и других местах некоторые воинские части присоединились к восставшим, хотя большинство вооруженных сил страны осталось на стороне президента Медины. Части, расположенные между Каракасом и Маракайем, закрыли путь танкам к столице, тысячи крестьян, расположившись вдоль берега, выражали под-

держку президенту Медине, требуя оружия для его защиты. Но на следующий день президент сдался восставшим, с тем чтобы «избежать гражданской войны».

В правительственном дворце «Мирафлорес» обосновалась «правительственная революционная хунта» во главе с Ромуло Бетанкуром. Партия Демократическое действие стала правящей, взяв в свои руки государственную власть.

В Лондоне наша делегация остановилась в пансионе. На улицах были заметны следы войны, окончившейся пять месяцев назад. Ощущалась нехватка продовольствия.

Следующую ночь мы провели уже в Париже. «Город-светоч»? Нет, город в потемках! Когда я заговорил о такси, в ответ мне рассмеялись. На ручной тележке чемоданы довели до отеля, который был зарезервирован правительством для делегатов МОТ.

При входе в отель я столкнулся с Ломбардо Толедано.

— Как дела, компаньеро? Почему задержался?

— Раньше не смог приехать.

— Сегодня закончилось заседание ВФП. Очень жаль, компаньеро. Место для тебя зарезервировано.

В Париже я встретился с представителями профсоюзов из других стран Латинской Америки.

Во Франции уже прошли первые после войны выборы. Коммунистическая партия в этой стране выросла в крупную политическую силу. Дюкло объяснил нам по-испански положение в своей стране и значение укрепления рядов коммунистической партии. Это была интересная и поучительная встреча.

Начались заседания МОТ. Меня никогда не использовали как советника...

Достал материалы ВФП. Это оказалась мощная профсоюзная организация: объединились трудящиеся

всего мира! Это единство длилось не долго. Вскоре профцентры Великобритании и США вышли из ВФП.

Густаво Кинтеро Гарсиа, делегат от предпринимателей в МОТ, которого я тогда еще не знал, пригласил меня пообедать с ним.

Его жена Ольга, увидев меня, воскликнула:

— Вы и есть Хесус Фариа? Но вы не коммунист, вы ведь хорошо одеты!

— Мы боремся за то, чтобы все люди имели хлеб и кров, одежду и образование.

— Мы сражаемся с Хесусом в Венесуэле, но здесь не будем препираться. Ведь он наш гость,— сказал Густаво.

Обед прошел в сносной обстановке.

Когда мы выезжали из Венесуэлы, Кампос был представителем профсоюзов правящей партии. Если бы правительство не пало, то посол обращался бы с ним лучше, но после падения правительства любимчиком посла стал Оливо и ему передавали всю информацию о положении в стране.

В один из дней мы отправились в Тулузу, где проживало много испанских товарищей. Мне было приятно познакомиться с руководителями испанских коммунистов. Мы побывали на франко-испанской границе, провели там митинг и вернулись в Париж.

Небольшой грузовой пароход отправлялся из Бордо в Нью-Йорк. До Бордо мы добрались на поезде. На железнодорожном вокзале стали свидетелями сцены прощания Оливо и Кампоса со своими подругами.

В Бискайском заливе наш пароход попал в жестокий шторм. Мое место было на носу, и каждый раз, когда нос судна зависал в воздухе, а затем опускался на волну, раздавался грохот, который не давал мне спать; к тому же я страдал от морской болезни и совсем не поднимался с подвесной койки.

Ольга подыскала для меня место в центре парохода.

Оливо во время плавания делился со мной своими «революционными» планами — теперь уже с позиции человека, имеющего власть.

Кинтеро Гарсиа говорил о том, что его, официально-го представителя свергнутого правительства, может ожидать, и он оказался довольно прозорливым.

Однажды ночью я заглянул в пароходное казино, и меня удивило количество денег у Ольги и ее друзей. Естественно, что игра шла с переменным успехом. Тем не менее было ясно, что им без труда доставались такие деньги.

И вновь Нью-Йорк. В Париже мне выдали американскую визу без проблем. В этом городе мы остановились на несколько дней для того, чтобы познакомиться с ним в разгар зимы. Снегопады казались мне чем-то необычным. У себя дома зимой мы называли период дождей. Ньюйоркцы называют зимой время, когда дождя нет, а идет снег.

В Нью-Йорке, так же как и в Париже, с нами произошло несколько забавных историй в ресторане из-за незнания языка. Я сказал себе: надо научиться немного английскому и французскому хотя бы для того, чтобы уметь заказать еду.

В Париже и Тулузе я раздарил друзьям почти весь свой новый гардероб. У меня оставался один костюм, запасные брюки да пальто.

— Ты тратишь целое состояние.

— У меня остались деньги, чтобы купить что-либо после возвращения домой.

Обратный путь я также проделал на поезде до Майами. На нью-йоркском вокзале передо мной остановился вагон для негров. Я вошел в вагон, и поезд тронулся.

На рассвете, не знаю в каком городе, в вагон вошел местный полицейский и приказал мне выйти из вагона.

— Но мне здесь удобно. У меня нет проблем с неграми.

— У вас нет, но у нас будет. Выходите!

В Майами мы сели на самолет, летевший в Каракас. В моем чемодане лежали револьвер и два пистолета, и Оливо об этом знал. В таможене он находился рядом со мной на случай, если бы оружие нашли. Я поблагодарил его за это. Оливо ожидали его коллеги; теперь они стояли у власти!

Ко мне они отнеслись довольно холодно. Я вернулся в Парагуану, «не согрев» ни одного стула в Каракасе.

Каково же было мое удивление после возвращения домой! Ведь те же самые люди, которые просили меня: «Все хорошо, но не говорите нам о своем коммунизме», создали коммунистическую ячейку. Какие события менее чем через два месяца!

Акилес Рамирес, который оставался вместо меня, сказал:

— Сегодня вечером профорганизация хочет послушать твой рассказ о поездке.

Я начал так:

— Может, лучше мне снова уехать, тогда и другие последуют вашему примеру и создадут новые коммунистические ячейки?

Новое правительство применило репрессии в отношении коммунистов в первые же дни своей власти. Только в Сулии было арестовано более 300 товарищей. Однако вскоре все они вышли на свободу.

Теперь и я узнал о том, какова жизнь легальной партии.

**ПОСЛЕДСТВИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕРЕВОРОТА
18 ОКТЯБРЯ 1945 ГОДА**

С 1908 года, когда Гомес воспользовался отъездом за границу диктатора Кастро и совершил переворот, в стране не было новых переворотов до октября 1945 года.

В это время гомесизм правил страной. Сам Гомес стоял у власти в течение 26 лет. Лопес все время был при нем и затем после него отбыл свой собственный президентский срок. Затем у власти находился Медина, гомесистский генерал, министр в правительстве Лопеса и президент почти в течение пяти лет. Относительно молодые военные при поддержке партии Демократическое действие совершили государственный переворот. Планы военных заключались в том, чтобы использовать партию АД для переворота, а затем отстранить ее от власти. Эти планы были реализованы три года спустя. Планы Бетанкура — использовать военных для взятия власти, а затем адекизировать их, то есть приблизить к партии АД, или направить в почетную ссылку провалились.

И все же АД использовала свое временное пребывание у власти для осуществления некоторых важных социальных реформ, которые были внесены в конституцию 1947 года: оплаченный недельный отпуск, признание предпринимателями профсоюзов, оплата в связи с увольнением и др.

Кроме того, она создала сотни рабочих и крестьянских организаций, а многие профсоюзные деятели АД были избраны депутатами местных законодательных собраний, областных ассамблей и муниципалитетов. Это происходило в стране впервые.

На выборах в Учредительное собрание в 1946 году Компартия Венесуэлы впервые получила два мандата.

На первых в XX веке президентских выборах в 1947 году, когда президентом страны был избран известный венесуэльский писатель Ромуло Гальегос¹, КПВ выдвинула своего собственного кандидата. На этих же выборах (одновременно происходили выборы в конгресс) КПВ получила три места в Национальном конгрессе, и я стал первым сенатором-коммунистом, кото-

¹ Гальегос, Ромуло (1884—1969) — крупнейший венесуэльский писатель, президент страны с 1947 по ноябрь 1948 года.

рый, по словам другого сенатора, «превратил сенат в место рабочих требований». Мы выдвинули на пост президента кандидатуру Густаво Мачадо, что позволило нам донести мнение коммунистов и их программу туда, где о них еще никто ничего не знал.

Нас обвинили в том, что мы играем на руку партии АД. По мнению этих людей, мы должны были воздержаться от участия в выборах. Другими словами, после пятнадцати лет борьбы за легальность КПВ, за всеобщее, прямое и тайное голосование мы должны были, чтобы удовлетворить желание других, отказаться от участия в событии, которое позволяло нам нести в массы ленинскую ориентацию коммунистической партии. Компартия окрепла как небольшая, но хорошо организованная политическая сила, корнями уходящая в массы трудящихся.

Правительство Гальегоса сохранило дипломатические отношения с СССР и другими социалистическими странами.

В 1946 году была создана партия КОПЕЙ — Комитет независимой политической организации избирателей, в дальнейшем Социал-христианская партия, а в то время фалангистская организация. Руководители «новой» партии в свое время сотрудничали с правительством Лопеса, а некоторые из них — с тиранией Гомеса.

Когда было свергнуто правительство Медины, они подключились к правительству Революционной хунты. После ссоры с адековцами по религиозным вопросам в Учредительном собрании профалангистские студенческие группы, входившие в КОПЕЙ, спелись с ультрареакционными кругами. Учитывая небольшое количество голосов, полученных на выборах в Учредительное собрание, УРД (партия Республиканско-демократический союз)¹ и КОПЕЙ подготовили план участия в прези-

¹ Республиканско-демократический союз создан в 1946 году.

дентских выборах 1947 года, так как на них уже было можно предсказать победу писателю Ромуло Гальегосу, в то время председатель партии АД.

Если 1945 год принес важные изменения, когда одна партия, считавшая, что она прочно стоит у власти, была свергнута за несколько часов, а другие силы, которые недооценивались правительством, взяли власть, с уже известными последствиями, то 1946 год характеризовался проведением выборов в Учредительное собрание посредством тайного голосования венесуэльцев старше 18 лет, а также заключением первого коллективного договора рабочих-нефтяников.

То, что было невозможным в 1945 году, осуществилось через год. Трудящиеся в короткое время обогатились опытом политической борьбы.

Я присутствовал на заседании Учредительного собрания во время обсуждения реформы о социальных правах. Вместе с товарищем Густаво Мачадо я выдвинул предложения, с которыми мы обратились к рабочим во время предвыборной кампании. Как и следовало ожидать, мы потерпели поражение, но рабочий класс, и не только он, понял разницу между коммунистом и социал-демократом.

Я продолжал работу в профсоюзе Парагуаны. Однажды вечером мы были окружены агрессивно настроенной толпой во главе с Хосе Гонсалесом Наварро из партии АД.

Мы проводили открытую ассамблею в Пунто Кардон, где развевалось знамя профсоюза. Они потребовали спустить «коммунистическое знамя». Мы сохраняли выдержку, но их агрессивность росла. Некоторые из наших колебались:

— Почему бы не спустить флаг?

— Мы не можем, товарищи. Они нас сомнут.

Мы продолжали собрание до тех пор, пока повестка дня не была исчерпана.

Через несколько недель к помещению профсоюза прибыла большая толпа вооруженных крестьян, правительственных служащих и людей, привезенных из соседних деревень. Это была запланированная кампания, участники которой кричали: «Долой коммунизм!» Здесь находились доверенные лица «Мене-Гранде», «Шелл», «Креол» и других иностранных компаний.

Всего нас было двадцать человек. В помещении профсоюза забаррикадировали двери, а мы вооружились всем, что было под рукой, и приготовились дорого заплатить за наши жизни.

Около часа помещение профсоюза находилось в осаде, а когда толпа перепилась, появились официальные власти и арестовали нас.

Так власти силой захватили помещение профсоюза, а его руководители-коммунисты были арестованы.

В полночь нам разрешили свидание: прибыла бригада портовиков, основателей профсоюза.

— Что произошло, компаньеро?

Мы рассказали о случившемся.

— Вы хотите, чтобы мы вас освободили? Этих уродов,— они имели в виду стражников,— мы разоружим.

— Нет, компаньеро, проявляйте спокойствие.

На следующий день в наручниках нас доставили на заседание профсоюзной ассамблеи, созванной руководителями правительственных профсоюзов в помещении местного кинотеатра. Они прибыли из Каракаса с целью захватить руководящие посты в нашем профсоюзе. Похоже, что нас должны были к тому же еще и «судить».

Сообщение всколыхнуло рабочих, и они прибыли к зданию для защиты своего профсоюза. Но внутрь власти стремились допускать только тех, кого считали верными людьми. Не был допущен почти никто из основателей профсоюза.

Когда мы проходили сквозь толпу рабочих, которых не пустили в помещение, то слышали их гневные протесты.

сты против произвола властей. Нас в наручниках поставили около импровизированной трибуны — ящика, с которого выступали официальные ораторы.

Содержание официальных выступлений: правительству нужен этот профсоюз. Нас прислал сюда такой-то министр и такой-то руководитель из правительства.

— Эти здесь не командуют! — крикнул кто-то из рабочих.

Другой голос:

— Я адековец, но поддерживаю коммунистов, потому что они организовали профсоюзы и защищают наши права!

Когда очередной оратор спустился с трибуны, я одним прыжком вскочил на ящик и начал говорить.

Раздалась овация.

— Это боец! — крикнул один из товарищей.

— Пусть сойдет! — крикнул один из представителей власти.

Его пинком отбросили в сторону.

— Спокойно, товарищи! — сказал я. — Мы решим этот вопрос демократическим методом, как мы делали все с момента нашего появления здесь. Голосуем, товарищи, и будем уважать волю большинства!

Согласились голосовать.

За нас голосовало 890, за правительственных представителей — 37.

Представитель местной власти, обеспокоенный всем происшедшим, сказал прибывшим из Каракаса:

— А что я вам говорил?

Он открыл замки на наручниках, освободил нас и вручил ключи от помещения профсоюза:

— Вас поддерживают рабочие.

Когда полицейские открыли двери кинотеатра и масса трудящихся узнала о результатах голосования, а нас увидела без наручников, начались бурные овации. Нас

окружили и хотели на руках отнести до помещения профсоюза. Мы пошли во главе демонстрации, открыли помещение и выступили перед рабочими.

— Нужно сохранять бдительность. Быть стойкими перед маневрами правительственных чиновников, защищать классовую независимость профсоюза, укрепляя его ряды.

Борьба была напряженной. Помимо предпринимателей независимость нашего профсоюза оспаривали и вооруженные банды адековцев.

К середине 1946 года начали открыто говорить о возможности единства действий коммунистов. Была создана комиссия из представителей КПВ, «Унитарной КПВ», «Группы «Нет» и координатора одной из братских партий. Члены этой комиссии заявили, что во имя единства коммунистов я должен воздерживаться от критики других. Я не согласился: «Защищаться необходимо. Драка — это когда дерутся». Так, например, в Пунта-де-Мата в штате Монагас у нас планировалось проведение собрания, на котором следовало информировать рабочих о положении дел, что уже сделали на всех других нефтепромыслах. Один из товарищей сообщил мне: «Такой-то сказал то-то и то-то».

Прежде чем начать выступление, я попросил собравшихся дать слово клеветнику:

— Если ты действительно мужчина, то выйди и скажи в моем присутствии то, что ты сказал, когда я был отсюда за тысячу километров!

Но этот человек притаился и не захотел говорить. Рабочие освистали его.

После митинга он спросил меня:

— Почему ты так поступил со мной?

— Чтобы все знали, что ты мокрая курица, клеветник!

Так мы шли к I съезду Коммунистической партии Венесуэлы, который состоялся в конце 1946 года. Он по-

лучил название съезда единства коммунистов Венесуэлы.

Прибыл координатор процесса создания единства, коммунист, который пользовался и продолжает пользоваться искренним уважением среди коммунистов Венесуэлы. Мы дали ему кличку Карвахаль; он обладал как терпением, так и твердостью в общении с нами, хотя никто и не думал, что все должно идти без ошибок среди сторонников единства. Он говорил нам о единстве на основе того, что Сальвадор де ла Пласа, Рикардо Мартинес и Эдуардо Мачадо, основные виновники раскола, выедут за границу, выполняя указание Коммунистической партии Венесуэлы, которая будет воссоздана в результате проведения съезда единства. Эдуардо и Рикардо согласились с этим решением, Сальвадор его отверг.

Я не был согласен с таким «единством» и с решением о выезде из страны Рикардо. Об этом я сообщил Карвахалю и руководящим органам КПВ. Дело не в том, что я отвергал ценность единства. Совсем наоборот, но мне казалось, что этот процесс еще не созрел в нужной степени. Были свежи в памяти взаимные политические нападки, беспринципные нападки, личного характера. По моему мнению, стоило еще немного подождать и прежде всего прекратить словесные перепалки.

Тем не менее Карвахаль посвятил беседам со мной много времени. Иногда и он взрывался и говорил мне резкие, но справедливые слова. Со своей стороны, Рикардо Мартинес и Хуан Фуэнмайор, входившие в руководство партией, которых я уважал, боролись с моим сектантством и моей позицией против объединения в тот момент.

Наконец я уступил. «Создавайте единство, я не буду возражать публично». Но были и другие, которые решительно выступали против единства коммунистов. Они не представляли себе, как они могут быть в одной партии с «предателем» Фариа и другими такими же людьми.

«Группа «Нет» — это были личности, крепко спаянные между собой. Они не претендовали на создание собственной организации. Некоторые из них выступали за единство. «Унитарная КПВ» вела за собой определенные силы, но не имела низовых организаций, и большинство ее представителей было против единства.

КПВ сохраняла свои организации сверху донизу. Это и была основа коммунистической партии.

Во время подготовки съезда единства было решено прекратить издание еженедельников «Унидад», «Аки эста», соответственно «Унитарной КПВ» и КПВ. Вместо них была создана газета «Эль популар».

Делегатов на съезд избирали коммунисты, выступавшие за единство. Члены КПВ составили большинство на съезде. Был найден способ последовательно распустить две партии и одновременно начать создание новой партии.

Мы, в КПВ, подчинились этому решению. В «Унитарной КПВ» возникло организованное сопротивление процессу объединения. Эти разногласия в дальнейшем нанесли вред делу единства.

Так, те, кто в «Унитарной КПВ» выступал против единства, создали в 1947 году новую партию — Революционную партию пролетариата (ПРП). Эта группа попыталась захватить руководство съездом или по крайней мере помешать его работе. Эти действия получили отпор делегатов съезда.

На съезде единства присутствовали делегаты братских партий Кубы, Колумбии, Доминиканской Республики, Мексики и Испании. От ряда других братских партий были получены поздравления.

После политических дебатов перешли к выборам Центрального Комитета. И здесь были разногласия, некоторые возражали против моего избрания в Центральный Комитет. Жизнь показала, кто был настоящим коммунистом, а кто был им только на словах.

После съезда, на котором мы поступили справедливо по отношению к таким верным товарищам, как Эрнесто Сильва Тельерия, который руководил одно время газетой «Аки эста́», мы пошли на уступки тем, кто оказался настоящим врагом коммунистов,— Помпейо Маркесу и другим, впоследствии исключенным из партии. Из тех, кто ушел и создал ПРП в 1947 году, некоторые вернулись в КПВ, где занимали или занимают руководящие посты. Другие же избранные на съезде единства в ЦК партии дезертировали и превратились во врагов КПВ.

Эдуардо Мачадо не выполнил решения о выезде за границу. Под предлогом того, что он, будучи ответственным за раскол коммунистов, якобы может быть полезен в борьбе за единство, он отложил свой отъезд.

После нас спрашивали: почему вы выслали Ролито, который подчинился решениям съезда, Эдуардо же не выполнил его, а вы поставили его на руководящие посты? За это попустительство закоренелому фракционеру мы заплатили тем, что Эдуардо Мачадо в 1973 году открыто призывал сторонников КПВ голосовать на выборах в конгресс за кандидатов КОПЕЙ.

К таким тяжелым последствиям приводит политика терпимости в отношении людей, которые не раз совершали поступки, идущие вразрез с интересами партии.

В ЦК КПВ было избрано много рабочих, включая меня, а Луис Эмпио Аррьета стал членом Национального секретариата КПВ вместе с Густаво Мачадо и Хуаном Баутисто Фуэнмайором. Должность генерального секретаря КПВ была упразднена.

Постепенно отношения стали налаживаться. Братья Мачадо, о которых я столько слышал, но с которыми не работал, оказались разными. Густаво относился ко всем с уважением, внимательно слушал собеседника и всегда готов оказать политическую помощь тем, кто в ней нуждается. Выступления его ясны и коротки.

Эдуардо Мачадо говорит слишком много и делает вид, что знает все. Он не любит слушать мнение других. Рассказывает одни и те же истории, но всегда с новыми красочными деталями о себе — «герое». Некоторые даже спорят: повторит он или нет тот либо другой момент. Эдуардо Мачадо интригует против тех, кто не поддается его лести. Он использует фракционность против всей партии. Если судить по его заявлению на съезде, то он восемь лет подряд боролся против КПВ, а после съезда он якобы готов покончить с этой деятельностью. В 1973—1974 годах Рикардо и Эдуардо объединятся против коммунистической партии не без участия руководителей КОПЕЙ, кандидаты которой публично были поддержаны этими двумя деятелями, а также Хуаном Фуэнмайором, братьями Гильермо и Антонио Гарсиа Понсе — членами ЦК. Другими словами, они сделали поворот на 180 градусов: те, кто раньше боролся против правительства союза Бетанкур — КОПЕЙ, сегодня помогали КОПЕЙ в борьбе против КПВ.

Беспринципные болтуны, карьеристы и оппортунисты, расчетливые интриганы, они добрались до высоких постов в КПВ, но последующие события показали, чего стоила вся их «революционность». К несчастью, мы, коммунисты, верили им и оказывали поддержку, которой они не заслуживали. Но все же их раскусили и выбросили вон из коммунистической партии.

Этот урок дорого обошелся КПВ, и он должен быть усвоен рабочими и крестьянами, которые составляют основу коммунистической партии, с тем чтобы впредь хранить самую высокую революционную бдительность и не заигрывать с ликвидаторами, какие бы высокие посты в партии они ни занимали.

ПЕРВЫЙ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР

В 1947 году был выработан текст коллективного договора рабочих и служащих нефтяной промышленности. В переговорах участвовали управляющие иностранных компаний и представители министерства труда.

Вопросов было множество, управляющие не привыкли вести переговоры с рабочими, они умели только приказывать им в грубом тоне, оскорблять и увольнять с работы без всякой причины. В 1936 году при попытке обсудить коллективный договор они издевались над нашими справедливыми требованиями. «А не хотите ли еще и американочку в придачу, чтобы переспать с ней?» — говорили они нам.

Теперь же они вынуждены были выслушивать наши требования.

Во время обсуждения договора управляющий «Мене-Гранде» обращался ко мне с подчеркнутой вежливостью. Он предложил конфеты, сказав: «Это не взятка». Но в конце концов он все же решил предложить мне сделку:

— Хесус, немедленно покупайте все земли, которые сможете, в Пуэрто-Ла-Крус. Их продают по 0,25 боливара за квадратный метр. Скоро вы сможете продать этот же метр за 100 боливаров!

При обсуждении коллективного договора я встретился с представителем одной из компаний, которому в годы юности я прислуживал в качестве кадди во время его игры в гольф в Лагунильясе. Но мы не вспоминали прошлое.

Мы закончили обсуждение, но добились немногого. Правительство дало нам понять, что оно не потерпит забастовки нефтяников в случае отказа от подписания договора. Профсоюзные руководители — адековцы также были против забастовки. Мы достигли предела в на-

ших переговорах: компании заявили, что на большее они не согласятся.

Коллективный договор подписали, и рабочие встретили этот акт аплодисментами.

Вечером на церемонии подписания договора присутствовали фотографы из большой печати, и один из адвокатов «Креол» сказал: «Я хочу сфотографироваться только с Хесусом Фариа».

— Но я не фотографируюсь с врагами трудящихся!

В результате подписания коллективного договора профсоюзы признавались как юридическое лицо.

В то же время нашлись люди, которые обрушились на меня с клеветой. Так, группа коммунистов во главе с Эдуардо Мачадо, Помпейо Маркесом и Луисом Микиленой развязала против меня кампанию. В своих публикациях они утверждали, что я получил большую сумму денег от «Креол» за «предательство» интересов трудящихся. На страницах печати эти люди называли меня не иначе как «Фариа-Креол».

В начале 1948 года происходит вступление Гальегоса на пост президента. На эту церемонию были приглашены многие деятели из стран Латинской Америки, среди них находился и председатель Народно-социалистической (коммунистической) партии Кубы товарищ Хуан Маринельо.

В состав правительства вошли видные деятели партии АД, некоторые беспартийные и Карлос Дельгадо Шалбо (министр обороны, приемный сын Гальегоса, у которого своих детей не было).

В политике АД произошли некоторые изменения. Так, правительство Гальегоса и съезд партии АД одобрили пакт Рио-де-Жанейро о «взаимной помощи», навязанный американским империализмом своим вассалам в Латинской Америке.

В беседе с Маринельо Гальегос сказал:

— Сделать голубку сравнительно легко, а вот сде-

лать ей клюв и заставить клевать — это, пожалуй, трудно.

Писатель хорошо понимал текущие проблемы и выразил их народной поговоркой.

Крайне недовольные вторым сокрушительным поражением на пути к власти в течение двух лет, руководители КОПЕЙ усилили оппозицию по отношению к президенту Гальегосу. В своей ежедневной газете они постоянно говорили о возможном военном перевороте, что приводило в состояние паники руководителей АД. И на самом деле, посольство янки в Каракасе, копеевцы и военные открыто готовили заговор.

ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЗ ФЕДЕПЕТРОЛЯ

В Федепетроле (Федерация профсоюзов рабочих-нефтяников) обсуждался проект нового коллективного договора, который затем предстояло обсудить с руководителями компаний. В этот день мы работали до 11 часов ночи. Каково же было наше удивление утром: мы, делегаты-коммунисты, решением правительства были исключены из Федерации. Об этом сообщала вся печать на первых страницах.

Мы позвонили руководителям Федепетроля — членам АД. С ними не проконсультировались, хотя и информировали. У правительства президента Ромуло Бетанкура возникли трудности с посольством янки: хозяева компаний не намеревались обсуждать новый коллективный договор с коммунистами; сам договор готов, но его должен одобрить «очищенный» Федепетроль, его как «образец» намеревались навязать остальным профсоюзам.

Это было дело рук Бетанкура. Сформировав правительство, он продолжал политику раскола рабочих и разжигал ненависть к коммунистам.

Нефтяные профсоюзы провели свой конгресс и спло-

тили ряды, но Бетанкур и его союзники-американцы не могли терпеть, что мы, коммунисты, шли на массовые собрания с нашими революционными призывами, как это было сделано после подписания первого коллективного договора.

Во второй раз в течение трех лет правительство поставило задачу борьбы с коммунистами в профсоюзах, стремясь выполнить обещания, данные буржуазии и империализму. Наши местные профсоюзы остались в неприкосновенности, однако за пределами профцентра — Федепетроля. Но коль скоро они представляли собой боевую силу, мы создали свой профцентр, который объединил красные профсоюзы.

В середине 1948 года состоялся II съезд КПВ, посвященный организационным вопросам. Это было важное событие в жизни коммунистов после съезда единства. На съезде избрали секретариат КПВ в составе Хесуса Фариа, Хуана Б. Фуэнмайора и Густаво Мачадо.

Съезд подвел итоги роста партии, реорганизации руководства, результатов выборов в стране.

КПВ имела успех среди масс и осуществляла политическую работу в парламенте. Мы приобрели маленькую старую типографию, где печаталась ежедневная газета «Трибуна популар». В фонд партии ее депутаты и сенаторы отдавали свой оклад. Рабочие-нефтяники купили акции издательства «Эдиториал Боливар», где издавалась ежедневная газета, защищавшая их интересы.

В парламенте в ходе дебатов мы видели, как депутаты правительственной партии внимательно прислушиваются к мнению коммунистов. Некоторые из них присутствовали на открытии II съезда КПВ. Съезд так определил правительство АД: «В общем правительство находится в демократическом лагере, хотя и с определенными колебаниями, отступлениями и уступками империализму и реакции».

Профсоюз моряков танкеров, организованный и руководимый моряками-коммунистами, представил собственный список требований правительству, но его отвергло министерство труда.

Профсоюз хорошо подготовился к забастовке, и она началась с приходом танкеров в Маракайбо. Правительство объявило ее «незаконной», хотя профсоюз и направило властям все необходимые документы. Правительство лишило моряков прав, записанных в конституции 1946 года.

Этот декрет походил на декрет президента Лопеса Контрераса, направленный против забастовки 1936 года, но если то правительство, составленное из гомесистских каудильо, все-таки выдержало 45 дней до принятия решения, то это правительство, составленное из писателей и адвокатов спустя 12 лет, не стало ждать ни одного дня.

Моряки собрались в Маракайбо, чтобы обсудить ультиматум правительства. Он давал морякам лишь несколько часов для возвращения на работу.

На собрании царил грозная атмосфера. Моряки, полные решимости, обычной для первых дней социальных конфликтов, основывались на своем праве на забастовку и считали, что мы можем выступить против декрета правительства, согласно которому права трудящихся ущемлялись в угоду империалистическим компаниям.

Выступили руководители профсоюза и подлили масла в огонь: было нетрудно заслужить аплодисменты рабочих, узнавших, что их законные требования отвергнуты министерством труда.

Положение складывалось так: если моряки не приступят к работе, руководителей и членов профсоюза — коммунистов снимут с постов. Они не смогут вернуться

на борт танкеров, их заменяют безработными, уже отобранными инспекторами по труду.

В качестве руководителя Объединенного союза рабочих-нефтяников, в который входили красные профсоюзы, я, начав выступление, разъяснил обстановку и решительно осудил правительство, которое лишало моряков прав, записанных в конституции. Я указал на безобразный, незаконный факт: моряки вынуждены возвратиться на работу на худших условиях по сравнению с теми, которые существовали к моменту съезда забастовки. Это и было жало, запрятанное в декрете. Завоевания моряков — результат напряженных классовых выступлений — ликвидировались инспекторами по труду.

Или мы соглашаемся с создавшимся положением и продолжаем борьбу, опираясь на профсоюзы, или остаемся без работы и теряем контроль над революционным профсоюзом. Третьего пути не было. Правительство не соглашалось ни рассматривать, ни принимать апелляции: оно хотело ликвидировать профсоюз, унижить моряков, лишить их завоеванных прав.

После моего выступления говорили и другие руководители, поддержавшие предложение вернуться на работу. Это решение приняли почти единогласно.

Моряки после демонстрации протеста на площади Боливара направились к пристаням, куда и прибыли без потерь. Полицейские отряды молча наблюдали за ними, но ни во что не вмешивались, ведь это было опасно.

Моряки поднялись на танкеры, а компании праздновали победу — подарок правительства.

Один из руководителей АД, наблюдавший за развитием событий, сказал мне:

— Правительство надеялось, что моряки не согласятся с поражением. Ты вытащил моряков из ловушки, приготовленной в Каракасе.

За это предательство вскоре пришлось заплатить и тем, кто совершил его во имя интересов компаний. Мно-

гие из адековцев-«победителей» вскоре стали моими «коллегами» по тюремному заключению.

В 1948 году я должен был участвовать в работе Национальной конференции Народно-социалистической партии Кубы. Политическое положение в Венесуэле было нестабильно. Многие события говорили о готовящемся перевороте, но ничего не предпринималось для того, чтобы предотвратить его. Пытались «умиротворить» противника, делая ему уступки,— старая и часто повторяющаяся ошибка.

Густаво сказал мне:

— Отправляйся на Кубу, но, как только узнаешь об ухудшении положения в стране, возвращайся...

После конференции Народно-социалистической партии состоялся многолюдный митинг в одном из театров Гаваны. Маринельо в своей речи заклеил позором репрессии чилийского президента Гонсалеса Виделы против прогрессивных сил Чили.

Вскоре после его выступления я вынужден был уйти, чтобы приобрести билет на первый же самолет в Каракас, потому что газеты печатали тревожные сообщения о положении в стране.

Самолет летел из Вашингтона. Когда он взял курс на Майкетию, аэропорт Каракаса, один из пассажиров, офицер, сел рядом со мной и спросил меня о положении в Венесуэле и о том, что я думаю о возможном его развитии.

— Вы должны знать лучше, чем я.

— Да я же лечу из США.

— Я уже неделю как нахожусь вне страны, но в момент отъезда говорили об угрозе переворота.

Это был офицер национальной гвардии Тамайо Суарес, но я не знал, с кем говорю: был ли он верен Гальегосу или принадлежал к числу путчистов. В этом самолете летело несколько венесуэльских офицеров.

Кто-то из них узнал меня, и им тоже захотелось ус-

лышать мое мнение. Присутствие этих людей на борту самолета, направляющегося в Каракас, красноречиво свидетельствовало о событиях, происходящих в Венесуэле.

Когда наш самолет приземлился в Майкетии, военные как раз занимали аэропорт. Мне оставалось только «взять ноги в руки».

24 ноября переворот стал реальностью. Был совершен верхушечный военный переворот, им руководил министр обороны Дельгадо Шалбо. В новую хунту вошли также Маркос Перес Хименес и Луис Фелипе Льопера Паес¹. Начался период жестокой военной диктатуры.

В первой половине 1951 года состоялась VI Национальная конференция КПВ. Участники конференции определили переворот 24 ноября 1948 года как антидемократический, реакционный и репрессивный. Конференция призвала к созданию Национального демократического фронта и к борьбе за национально-демократическое правительство.

На этой конференции меня избрали Генеральным секретарем партии, избрали заочно: я находился в заключении в тюрьме Сан-Хуан де лос Морос, заключенный туда на долгие восемь лет. Конференция приняла решение об исключении из партии Хуана Фуэнмайора и нескольких его последователей.

Против переворота планировалась всеобщая забастовка. Конфедерация трудящихся Венесуэлы, руководимая Пересом Салинасом, заявила, что она готова оказать сопротивление.

Однако никто не оставил работу. Гальегос скажет через несколько лет:

— Я все еще жду действий в защиту моего правительства.

Редко правительство падало так легко, несмотря на то что оно получило значительную поддержку на выборах, включая выборы муниципалитетов в 1948 году, на

¹ Хунта находилась у власти в 1948—1952 годах.

которых КПВ добилась победы для своих многочисленных кандидатов. Муниципалитеты городов Мене-Гранде и Эль-Тигре мы контролировали полностью.

Правительственная хунта во главе с министром обороны объявила о проведении выборов! Были выборы в Учредительное собрание в 1946 году, президента, сенаторов и депутатов в 1947 году, муниципальных советников в 1948 году, а теперь военные предлагали еще одни выборы.

ПОЗИЦИЯ КОПЕЙ И УРД

Я уверен, что ни УРД, ни КОПЕЙ не хотели установления столь жестокой и кровавой диктатуры, но руководители диктатуры, готовя переворот, сумели воспользоваться оппозиционной деятельностью этих двух партий в своих антидемократических действиях. В этом свете следует расценивать как серьезную ошибку сотрудничество на различных уровнях руководителей партий КОПЕЙ и УРД с военной хунтой в 1949—1950 годах, то есть до того времени, когда хунту возглавил Перес Хименес. Некоторые члены КОПЕЙ клеветали на коммунистов и даже доносили на них в полицию. Несколько коммунистов были переданы полиции в результате услуг этих лиц, хотя в этом не было нужды: полицейские, которые работали в репрессивном аппарате при правительстве АД, продолжали службу и при военной хунте.

Ховито Вильяльба (руководитель УРД) и Рафаэль Кальдера¹ (руководитель КОПЕЙ) работали в поте лица своего, составляя ненужное и бесполезное положение о проведении выборов, назначенных военной хунтой.

В дальнейшем военная камарилья оплатила им и их партиям сполна за эти услуги.

В эти тяжелые дни у меня произошла встреча с Дорис Парра де Орельяной и другими руководителями АД мень-

¹ Президент Венесуэлы в 1969—1974 годах.

шего калибра. Я передал им информацию, которой располагал: ночью будет налет полиции на помещение национального руководства АД в целях захвата архивов. Деятели из АД уже были не в состоянии спасти архивы, но они могли уничтожить их. По крайней мере важные документы. Для этого и нужно-то было несколько литров керосина.

Госпожа Орельяна отвергла мою информацию с порога и заявила:

— Это вы хотите, чтобы мы уничтожили архивы.

Информация оказалась точной.

Военная хунта разрешала некоторое время выходить газете предыдущего правительства, хотя в стране и существовала жестокая цензура.

Компартию в это время — в 1948 году — еще не запретили¹, ей просто не давали работать.

«Трибуна популар» в это время была очень популярной газетой, потому что почти всегда находила способ информировать о запрещенных вещах, что наказывалось штрафами и временным закрытием издания.

Сторонники правительства и те, кто ими не являлся, включая Альфредо Тарре Мурси, бывшего сторонника Медины и руководителя УРД, как и некоторые лица в КПВ, обвиняли нас в «ношении траура» по случаю смерти АД, поскольку мы, как могли, продолжали легальную деятельность.

Но это не так. Дело в том, что Венесуэла сделала шаг назад. Революционному движению нанесли сильный удар. КПВ не раз предупреждала о подобной опасности, но ни правительство АД, ни сама АД ничего не сделали, чтобы избежать военного переворота. Да, коммунисты после переворота выступали в защиту завоеванного нами права действовать легально. Факты свиде-

¹ КПВ была запрещена 13 мая 1950 года.

тельствова­ли о нашей правильной позиции и в последующие годы.

Хунта под председательством Карлоса Дельгадо Шалбо выслала из страны руководителей правительства и АД. Некоторые адековцы, опасаясь тюремного заключения, укрылись в иностранных посольствах. Среди них находился и Ромуло Бетанкур.

В январе 1949 года началась забастовка, подготовленная на случай переворота. Это произошло слишком поздно, и забастовка оказалась частичной.

Я находился в это время в Кабимасе и, естественно, принял участие в забастовке. У АД была подпольная радиостанция. Одна моя родственница, местная руководительница АД, пригласила меня посетить эту станцию.

Я не согласился и сказал:

— Так ее могут раскрыть. Эти сведения должны храниться в тайне. Я ничего не хочу знать об этом.

Во время забастовки нефтепромыслы были наводнены военными, которые искали агитаторов и организаторов. Я скрывался в доме моей сестры Гойиты, а затем, чтобы замести следы, часто менял местопребывание.

Какое это чудо — пролетарская солидарность!

Мне нужно было попасть в Маракайбо, но на дорогах стояли помимо мобильных и постоянные патрули. Один из шоферов предложил мне помощь. Он оказался бесстрашным человеком. У определенного патруля он останавливался, болтал с солдатами и говорил, что едет на хутор, который «вон в той стороне». Так он довез меня до Пальмарехо, откуда я морем добрался до Маракайбо.

Меня долго расспрашивали о забастовке в нефтяной зоне. Говорили, что у АД было «что-то» в казармах и она стремилась использовать это «что-то» в ходе политической забастовки, но коль скоро «заряд» не взорвался, она отступила и приказала прекратить забастовку.

Это было боевое выступление рабочего класса. Военная хунта получила хороший урок. Она поняла, что сопротивление может быть сильным и ей нужно прибегнуть к широким репрессиям.

Наша партия находилась на легальном положении с обычной «нагрузкой» — арестами коммунистов по политическим мотивам — ровно три года. Мы хорошо использовали эти годы для борьбы на улицах, в печати и парламенте, чтобы пропагандировать революционное учение и нашу программу освобождения, знакомить народ с успехами, достижениями и историческими победами стран могучего лагеря мира и социализма, свободы и прогресса народов.

В 1950 году глава хунты К. Д. Шалбо был убит, а его место занял Фермин Суарес Фламерич. В 1952 году к власти пришел военный диктатор Перес Хименес¹.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Борьба венесуэльских трудящихся против тирании Переса Хименеса наталкивалась на огромные трудности и продолжалась до 1958 года. Это были годы бесконечных кровавых полицейских репрессий. В этот период демократические и революционные политические партии подвергались жестоким преследованиям со стороны полиции, полностью находящейся на службе у американского империализма. Многие политические руководители были убиты, тысячи людей находились в полной изоляции в тюрьмах и концлагерях.

В годы борьбы против тирании военных хунт произошло много больших и малых сражений за свободу. Среди них можно выделить четыре крупных общенациональных события, каждое из которых само по себе заслужи-

¹ Хунта Переса Хименеса находилась у власти в 1952—1958 годах.

вает отдельного рассказа и наглядно доказывает неисчерпаемую жизненную силу венесуэльского народа, мужество руководителей коммунистов и правильность их политической линии.

Это грандиозная общенациональная забастовка рабочих-нефтяников в мае 1950 года. Она тщательно готовилась с конкретной целью добиться увеличения заработной платы в связи с истечением срока действия коллективного договора между рабочими и предпринимателями. Полиции не удалось помешать всеобщей забастовке рабочих основной отрасли добывающей промышленности страны. Чтобы подавить и разгромить бастующих, правительство прибегло к помощи армии, национальной гвардии, а также части флота и авиации. Эта цель была достигнута только после восьми дней жестоких массовых репрессий. Профсоюзы распустили, все руководители подверглись преследованиям, а на нефтепромыслах ввели осадное положение.

Другое событие — выборы, проведенные военной диктатурой в ноябре 1952 года. Партия Демократическое действие призывала воздержаться от голосования. Компартия вступила в союз с Республиканско-демократическим союзом. Этот блок нанес сокрушительное поражение всем остальным партиям, в том числе избирательной машине диктатуры. Коммунисты завоевали 15 мест в палате депутатов.

Конечно, американский империализм не мог допустить, чтобы его выкормыш — военный диктатор Перес Хименес лишился власти. В госдепартаменте и Пентагоне царил смятение. Американская военная миссия в Каракасе и посол США пустили в ход все имевшиеся в их распоряжении средства и организовали новый государственный переворот.

Диктатор остался у власти под защитой американских штыков и нефтяных монополий.

В декабре 1957 года Перес Хименес, полагая, что его

позиции прочны, но не забывая тем не менее о поражении, которое он потерпел в 1952 году, провел плебисцит. Власти рассчитывали на то, что народ подавлен и деморализован. Но империалисты и их венесуэльские лакеи вновь ошиблись. Компартия и другие находившиеся в подполье политические силы, которые хотя и подверглись тяжелым ударам, но верили в массы, призывали саботировать маневры диктатуры. Несмотря на огромные трудности, массы получили необходимую политическую ориентацию,— в частности, потому, что небольшие, но хорошо охраняемые типографии компартии так и не попали в руки полиции. Народ отказался голосовать. Плебисцит обернулся еще одним сокрушительным провалом диктатуры и ее советников.

Если в 1952 году империализму и его лаксам удалось добиться своего, то на этот раз их не спасли жестокие репрессии. Назрел кризис, так как угнетатели уже не могли править по-старому, а народ не хотел больше терпеть кровавую тиранию.

После провала затеи диктатуры с плебисцитом компартия взяла курс на свержение тирании. Сигнал дали массы, которые отказались участвовать в фарсе плебисцита. Коммунисты, придерживаясь ясной линии на достижение единства и действуя со всей решительностью, вместе с другими политическими партиями создали Патриотическую хунту вопреки сопротивлению, которое оказывали этому плану из-за границы такие политики, как Ромуло Бетанкур.

Борьба за свержение тирании началась с поражения, нанесенного режиму на плебисците. Трудящиеся и студенты всей Венесуэлы, и в первую очередь Каракаса, поднялись на восстание. Тирания Переса Хименеса была свергнута в январе 1958 года в результате правильного применения самых разнообразных форм борьбы, включая вооруженную борьбу в городах, политическую работу революционеров в вооруженных силах, всеобщую за-

бастовку рабочих, студенческие забастовки, кровавые столкновения с полицией.

В центре основных событий в качестве главного действующего лица всегда стояла коммунистическая партия — организованный авангард венесуэльского рабочего класса.

Как часто бывает в истории классовых битв, заслуги венесуэльских коммунистов отрицались не только их традиционными врагами, но и с других политических позиций. Однако правда всегда торжествовала и торжествует. В любой стране правильность политической линии плюс стойкость руководящего ядра компартии и само развитие событий в исторической перспективе всегда ставили вещи на свои места. Антикоммунисты всех мастей и оттенков всегда рано или поздно оказывались выведенными на чистую воду.

Из всей нашей плодотворной деятельности в последующие годы, которые были богаты победоносными боями, доказавшими, что партию нельзя сломить, я хотел бы выделить лишь солидарность венесуэльского народа с народом Кубы и кубинской революцией как до, так и после ее победы. Эта эффективная и боевая поддержка, оказываемая рабочим классом Венесуэлы кубинскому народу в борьбе за его освобождение, делает честь тем, кто выковал и организовал КПВ и руководил ею.

Во время вторжения американских наемников на Плая-Хирон наши товарищи бестрепетно шли на смерть, осуществляя героические акты саботажа против американского империализма — общего врага всех народов.

Только за выступления в поддержку дела Кубы в тюрьмы Венесуэлы было брошено больше коммунистов, молодых и старых, чем за все остальные выступления, вместе взятые, в которых принимала участие КПВ. В связи с событиями на Плая-Хирон в тюрьмы Венесуэлы бросили 4 тысячи коммунистов. Тем не менее это не помешало неизбежному — действиям венесуэльских коммунистов в

знак солидарности с кубинским народом, подвергшимся агрессии со стороны общего врага — империализма США.

В связи с этим необходимо сказать, что мы, венесуэльские коммунисты, и впредь по мере наших сил будем действовать в духе солидарности с другими братскими народами. Эта солидарность — неотъемлемая часть всей нашей деятельности. Она основана на принципах, для нас обязательных и безусловных.

Моя судьба все эти и последующие годы была неразрывно связана с судьбой моей партии. Я не мог знать, что впереди — годы тюремного заключения, движение солидарности трудящихся всего мира с венесуэльскими коммунистами, которое поможет мне выйти на свободу. Но я знал одно: через какие бы испытания мне ни пришлось пройти, я останусь коммунистом и отдам все силы революционной борьбе.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВЕНЕСУЭЛЫ

Первые коммунистические группы в Венесуэле появились вскоре после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Однако организационно Компартия Венесуэлы была основана 5 марта 1931 года в Каракасе на собрании представителей коммунистических ячеек столицы и ряда областей страны.

День 1 мая 1931 года был избран венесуэльскими коммунистами для распространения первого манифеста КПВ. Он назывался «Манифест Коммунистической партии к венесуэльскому народу» и имел подзаголовок «Борьба за хлеб и землю». В нем говорилось: «Во всех странах мира рабочие и крестьяне, которые своим трудом производят богатства, организованы в свои собственные классовые партии, в свои собственные профсоюзы и крестьянские лиги, которые представляют и защищают их интересы... Трудящийся народ стремится освободиться от эксплуатации и тирании... Впервые в истории Венесуэлы создан и действует в Каракасе Организационный комитет революционных трудящихся (коммунистов) Венесуэлы. Этот комитет называется Временным Центральным Комитетом Коммунистической партии».

После смерти диктатора Гомеса в 1935 году, правившего с помощью террора, и прихода к власти бывшего военного министра Лопеса Контрераса обстановка в стране значительно смягчилась. Начали возвращаться политические эмигранты, открылись двери тюрем, стали создаваться различные политические группировки, профсоюзы, крестьянские лиги и другие организации трудящихся, значительно возросла активность демократических сил. В январе — феврале 1936 года по стране прокатилась мощная волна манифестаций, проходивших

под лозунгом демократизации политической жизни Венесуэлы, прекращения репрессий.

В начале 1936 года была образована Республиканско-прогрессивная партия (ПРП). В ее состав вошли многие из тех политических деятелей, которые были в числе организаторов первых венесуэльских марксистских групп, провозгласивших создание КПВ. Политическая платформа ПРП в этот период была наиболее радикальной, ее требования в экономической области включали немедленный раздел земли, установление государственного контроля над важнейшими отраслями экономики, защиту интересов рабочего класса и т. п. ПРП выступала за объединение всех демократических сил.

КПВ по-прежнему действовала в подполье, хотя большинство ее членов работали в рядах легальных партий. В штате Сулиа КПВ располагала прочной пролетарской базой и имела наиболее четкую организационную структуру. Газета «Мартильо», которая начала выходить подпольно, стала печатным органом компартии.

В октябре 1936 года в Каракасе было подписано соглашение об образовании новой политической организации, получившей наименование Национально-демократической партии (ПДН), которая мыслилась как единая левая партия. Следует отметить, что лидеры ПРП, стоявшие на марксистских позициях, высказывались за создание партии рабочего класса, который должен выступать в авангарде борьбы венесуэльского народа. А руководство партии «Венесуэльская организация» (ОРВЕ также входила в ПДН), возглавляемое Р. Бетанкуром и его единомышленниками, отстаивало тезис о необходимости многоклассовой партии, где доминирующие позиции должны принадлежать мелкобуржуазным элементам.

Народные выступления 1936 года продолжались и достигли апогея в декабре, когда под руководством ПДН состоялась мощная забастовка нефтяников. Рост активности трудящихся серьезно встревожил правительство. В феврале 1937 года оно приняло решение о роспуске всех политических партий, запрещении газет, а также аресте многих видных деятелей оппозиции. Сложившаяся ситуация вынудила оппозицию уйти в подполье, перестроить свои ряды и искать новые формы и методы работы в массах, сделать выводы из итогов насыщенного важнейшими событиями 1936 года.

В августе 1937 года в условиях глубокого подполья собралась I Национальная конференция Коммунистической партии Венесуэлы. На ней было решено «показать лицо партии как партии венесуэльского рабочего класса», отвергнув все те доводы, которые ставили под вопрос ее существование. Основной тезис звучал так: да, венесуэльский пролетариат еще молод и немногочислен, но перспективы его развития, его авангардная роль, которую он призван сыграть в революции, говорит о том, что венесуэльские рабочие нуждаются в собственной политической партии.

Конференция избрала центральное руководство партии. Через несколько дней КПВ выступила с манифестом, в котором давался анализ положения в стране. В этом документе были охарактеризованы классовые интересы рабочих. Манифест был нелегально распространен и вызвал большой отклик по всей стране. Этим документом КПВ заявила, что она действует в качестве политической организации пролетариата.

Конференция КПВ привела к размежеванию среди трудящихся масс. К партии стали примыкать профсоюзные руководители и активисты, политические лидеры и некоторая часть трудящихся. КПВ выступила против буржуазной и реформистской идеологической контрбанды, против извращения классового содержания деятельности подлинно революционной партии.

1936—1940 годы были годами накопления опыта рабочим движением Венесуэлы. Это был период боевых выступлений масс, напряженной политической борьбы за экономические и социальные преобразования, сменившийся спадом этой борьбы из-за жестоких репрессий.

В течение этих лет закрепились ведущая роль нефти в венесуэльской экономике. Производство нефти выросло с 22 миллионов тонн в 1935 году до 30 миллионов тонн в год к концу правления Лопеса. Значительно возрос объем иностранных капиталовложений. Доля американского капитала достигла 66 процентов, остальные 34 процента принадлежали англо-голландским монополиям. Эти огромные, все увеличивающиеся инвестиции иностранного капитала начались во времена Гомеса и явились решающим фактором в процессе структурных перемен в экономике страны за эти годы. Торговый и ростов-

щический капитал, связанный с латифундизмом, получил новые возможности для проникновения в перерабатывающую промышленность и банки.

Все это привело к определенным социальным изменениям в Венесуэле того периода: усилилась миграция крестьянства в города, где начал складываться промышленный пролетариат; бурно развивались средние слои. Однако латифундизм оставался характерной чертой экономики, несмотря на развитие нефтедобывающей промышленности, которая несла с собой развитые капиталистические формы производства, включая острые классовые противоречия.

В 1941 году президентом Венесуэлы был избран Медина Ангари́та. На политический курс во время его правления наложила отпечаток вторая мировая война. Президент заявил о своем намерении соблюдать конституцию 1936 года, разрешавшую легальную деятельность всех политических партий, кроме коммунистической.

Это был нелегкий период для революционного движения. В 1944 году в Компартии Венесуэлы в результате деятельности правых оппортунистов произошел раскол, который привел к образованию трех самостоятельных коммунистических групп. Это были Коммунистическая партия (единства), стоявшая на марксистско-ленинских позициях; Марксистская независимая партия, страдавшая известной «левизной»; и Коммунистическая партия Венесуэлы, попавшая под влияние браудеризма. Все это значительно ослабляло возможности венесуэльских коммунистов для работы в профсоюзах и привело к потере ими того влияния, которого они ранее добились в рабочем движении.

После разгрома фашизма во второй мировой войне, решающий вклад в который внес Советский Союз, в октябре 1945 года КПВ была легализована. Это явилось событием огромного политического значения: венесуэльское государство признало право трудящихся иметь собственную политическую партию. Из конституции была изъята поправка о запрете коммунистической деятельности.

В конце 1945 года состоялся I съезд КПВ, получивший название съезда единства коммунистов. В решениях съезда, в частности, говорилось, что единство коммунистов, основанное на принципах марксизма-ленинизма, создает условия, необходимые для строитель-

ства массовой компартии, крепкой идеологически, политически и организационно, способной повести демократические и прогрессивные силы по пути национального освобождения, к социализму. Была принята программа-минимум борьбы за национальную независимость, против американского империализма, за проведение аграрной реформы, улучшение материального положения трудящихся и установление дружеских отношений с СССР.

В середине 1948 года состоялся II съезд КПВ, который обсудил политический отчет ЦК и вопрос о работе среди профсоюзов. К этому времени компартия превратилась в значительный фактор политической жизни страны. Это позволило ей укрепить свои ряды, расширить связи с массами, развернуть борьбу за проведение демократических преобразований, направленных на удовлетворение насущных интересов трудящихся.

В мае 1950 года в стране началась во главе с коммунистами общенациональная забастовка нефтяников. Правительство прибегло к помощи оружия. Забастовка была подавлена после восьми дней жестоких массовых репрессий. Профсоюзы были распущены, на нефтепромыслах введено осадное положение. Военная хунта запретила компартию.

В апреле 1951 года в глубоком подполье состоялась VI Национальная конференция партии, которая определила характер назревавшей в Венесуэле революции как революции антиимпериалистической и антифеодальной и выдвинула лозунг создания правительства национального демократического фронта. Конференция избрала руководящие органы партии. Генеральным секретарем КПВ был избран находившийся в тюрьме Хесус Фариа.

В 1953—1956 годах, в условиях спада революционного движения в стране, большинство низовых партийных организаций было разгромлено, многие активные деятели партии арестованы.

В 1957 году в глубоком подполье собрался пленум ЦК КПВ, который призвал трудящихся к борьбе против диктатуры на основе союза всех сил, выступающих против наиболее реакционных кругов. Именно эта политика позволила в дальнейшем создать Патриотическую хунту (в ней активно участвовали и коммунисты) и начать широкое военно-гражданское движение, которое 23 января 1958 года

привело к свержению диктатуры Хименеса. В стране было создано временное правительство.

Выйдя из подполья, компартия развернула активную деятельность в массах, влияние ее в стране заметно росло.

В марте 1961 года состоялся III съезд КПВ. В докладе ЦК съезду был дан анализ событий января 1958 года, положения в стране, социальной структуры общества и его противоречий. Съезд принял программу партии, подчеркнул необходимость борьбы за создание демократического и патриотического правительства.

В начале 60-х годов усилились выступления трудящихся, что объяснялось бедственным экономическим положением масс, ужесточением репрессивной, антинародной и проимпериалистической политики Бетанкура, ставшего к тому времени президентом страны. Народные выступления принимали характер вооруженных восстаний. В ряде районов были созданы партизанские отряды, в которых наряду с представителями других левых сил активно участвовали и коммунисты.

В мае 1962 года правительство снова запретило Компартию Венесуэлы; в сентябре 1963 года в нарушение закона о парламентской неприкосновенности были арестованы депутаты-коммунисты.

Состоявшийся в апреле 1967 года VIII пленум ЦК КПВ пришел к выводу о бесперспективности партизанской борьбы в сложившихся условиях и призвал народ перейти к мирным формам сопротивления. Чтобы добиться прогрессивных изменений, пленум провозгласил одной из главных задач партии создание широкого национального фронта гражданских и военных лиц. Большой резонанс в стране вызвала программа «демократического мира», которая предусматривала проведение всеобщей амнистии, легализацию КПВ, соблюдение конституции, принятие мер по улучшению жизненного уровня масс и т. д.

Тем не менее тяжелое поражение, которое потерпели левые силы в вооруженной борьбе 1962—1966 годов, ослабило связи партии с массами. Неудача партизанского движения, разногласия в вопросе определения путей развития революционного процесса в стране и по проблемам партийного строительства привели к образованию в партии фракционной оппортунистической группировки. Идеологическая

и политическая борьба шла вокруг основных вопросов марксизма. Вновь на свет были вытащены праворевизионистские тезисы, суть которых состояла в отрицании руководящей роли партии в революционной борьбе, в отказе от принципов пролетарского интернационализма. Все это предпринималось во имя концепции «либерального социализма».

IV съезд КПВ, проходивший легально в январе 1971 года, стал важным этапом в истории партии. Он подвел итоги борьбы коммунистов за интересы трудящихся, за национальное освобождение и наметил новые задачи борьбы за революционные преобразования, за демократию и социальный прогресс. Съезд продемонстрировал верность венесуэльских коммунистов марксизму-ленинизму, показал пример бескомпромиссной борьбы с оппортунизмом. Участники фракционной антипартийной группы были исключены из партии.

Решение съезда об исключении антипартийной группы явилось завершением длительного процесса борьбы венесуэльских коммунистов за марксистско-ленинскую чистоту рядов партии, за принципы пролетарского интернационализма, за само существование компартии в качестве революционного авангарда рабочего класса Венесуэлы.

На съезде была выдвинута задача создания новых и укрепления существующих партийных ячеек на предприятиях. В решениях съезда подчеркивалась необходимость усиления идеологической работы партии в профсоюзах, среди молодежи, женщин, крестьян и вовлечения их в активную политическую борьбу за интересы народа, за демократию и социализм.

Съезд выразил уверенность что «в любых условиях Компартия Венесуэлы сохранит верность марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму, будет твердо идти во главе народа в борьбе против империализма, за окончательное освобождение страны, за достижение исторической революционной цели — завоевание социализма для Венесуэлы».

В ноябре 1974 года состоялся V съезд КПВ, на котором отмечалось, что на латиноамериканском континенте разворачивается борьба за утверждение национального суверенитета и экономическую независимость развивающихся стран. Была принята новая программа партии, одно из основных положений которой содержало требова-

ние полной перестройки экономики, ликвидации господства иностранных монополий и связанных с ними кругов крупной буржуазии. Делегаты съезда приняли политическую декларацию, в которой обратились ко всем прогрессивным и патриотическим силам страны с призывом крепить единство действий в борьбе за общие цели. Для успешной борьбы за освобождение страны от гнета империалистических монополий необходимо, как считают венесуэльские коммунисты, объединение всех прогрессивных сил в широком демократическом и патриотическом фронте.

В марте 1974 года президент страны объявил о создании правительственной комиссии по изучению вопросов национализации нефтяной промышленности. Законопроект о такой национализации получил поддержку всех прогрессивных сил страны. КПВ, на протяжении многих лет решительно и последовательно боровшаяся за национализацию, одобрила законопроект в целом. По призыву КПВ в стране возникло мощное движение за создание единого фронта в защиту нефтяных богатств. КПВ заявила: «Мы, венесуэльские коммунисты, считаем, что для противодействия многонациональным компаниям и успешного осуществления процесса национализации нефти и железной руды необходимо широкое патриотическое единство». Такое единство было достигнуто, все прогрессивные политические партии и профсоюзы выступили в защиту национализации. 1975 год стал годом национализации, которая, по заявлению президента страны, явилась самым значительным событием со времени завоевания политической независимости.

В настоящее время в основу деятельности венесуэльских коммунистов положены решения VI съезда КПВ (5—11 августа 1980 г.), определившего ближайшие и перспективные цели КПВ, формы и методы борьбы за жизненные интересы трудящихся. Они сформулированы с марксистско-ленинских позиций в одобренных съездом отчете ЦК КПВ и Политической декларации, в новой программе партии.

На съезде большое внимание было уделено анализу международного положения, внутренних проблем страны и вытекающим из него стратегическим и тактическим задачам партии. Подчеркивалось всемирно-историческое значение Великой Октябрьской социалисти-

ческой революции, отмечались высокий международный авторитет и могущество Советского Союза, говорилось об огромном вкладе СССР в движение за разоружение, разрядку и международное сотрудничество. Духом интернационализма и солидарности с силами мира и прогресса проникнуты принятые съездом резолюции в связи с борьбой народов за упрочение международной безопасности, против империализма и реакции, диктаторских, репрессивных режимов.

Программа коммунистов ставит целью осуществление антиимпериалистической, антимонополистической и антиолигархической революции, которая со временем подготовила бы условия для перехода к коренным социалистическим преобразованиям.

Рассматривая рабочий класс как главную силу освободительного процесса в стране, компартия придает большое значение его взаимодействию с другими категориями трудящихся, различными слоями населения. Съезд вновь продемонстрировал верность коммунистов «стратегической концепции», сущность которой состоит в сплочении всех патриотических, прогрессивных сил, разработке общей программы борьбы за независимое и демократическое развитие Венесуэлы.

Для достижения единства прогрессивных, антиимпериалистических сил настоятельно требуется преодолеть распыленность рабочего движения и выступлений различных отрядов трудящихся. На съезде КПВ подчеркивалось, что основная трудность в этом деле связана с расколом, вот уже длительное время существующим в профсоюзном движении. Большинство венесуэльских трудящихся находится под влиянием социал-реформистских лидеров, которые в своей деятельности опираются на правительство страны. Съезд указал, что борьба против соглашательской политики социал-христианских профлидеров, за единство профсоюзного движения остается одной из главных задач коммунистов, всей партии. Съезд нацелил партию на активизацию деятельности на всех участках, на сочетание повседневной борьбы за экономические требования с политическим просвещением трудящихся, на решительное противодействие и разоблачение реформистской идеологии, ультралевых концепций.

Венесуэльские коммунисты выразили большое удовлетворение развитием и укреплением братских связей между КПСС и КПВ.

Они особо подчеркнули значение новых успехов советского народа в коммунистическом строительстве, высоко оценили внешнеполитическую деятельность КПСС, отметили, что XXVI съезд КПСС станет важной вехой как для советских коммунистов, так и для всего международного коммунистического и рабочего движения, что его решения послужат дальнейшему сплочению демократических и миролюбивых сил во всем мире. «Мы убеждены,— заявил, обращаясь к советским коммунистам на XXVI съезде КПСС, Генеральный секретарь КПВ Х. Фариа,— что ваш великий съезд оставит неизгладимый след в истории строительства коммунизма».

Ю. Козлов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К советскому читателю</i>	3
Вступление	5
Детство	7
Начало перемен	23
На нефтепромыслах	34
Эль-Мене-де-Мауроа	37
Падение диктатуры	74
Великая забастовка	83
I Национальная конференция Коммунистической партии Венесуэлы	94
Университеты борьбы	107
Уроки пролетарской солидарности	117
Легальная деятельность	119
1945-й памятный год	128
Последствия государственного переворота 18 октября 1945 года	139
Первый коллективный договор	150
Исключение из Федепетроля	152
Забастовка моряков танкеров	154
Позиция КОПЕЙ и УРД	158
Послесловие	161
<i>Справка. Коммунистическая партия Венесуэлы</i>	166

Хесус Фариа

СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИСТА

Воспоминания

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
 Редактор *Н. В. Попов*
 Младший редактор *Е. Б. Бурковская*
 Художник *В. М. Аникеев*
 Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
 Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 4105

Сдано в набор 01.04.83. Подписано в печать 03.06.83. Формат 70×108¹/₃₂.
 Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
 Условн. печ. л. 8,23. Условн. кр.-отт. 9,45. Учетно-изд. л. 8,58. Тираж 50 тыс.
 экз. Заказ 3319. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7,

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Торжественное открытие
бюста Симона Боливара —
героя освободительной борьбы
против испанского ига
в начале XIX в.
Бюст был установлен
в нефтяном центре
штата Сулиа на деньги,
собранные
рабочими-нефтяниками.
17 декабря 1930 г.

Молодой рабочий-нефтяник
Хесус Фариа с одним из своих
племянников возле барака,
где жила его семья,
в штате Сулиа. 1932 г.

Хесус Фариа с братом
Хулио Сесаром (*первый слева*)
во время работы
на нефтепромыслах Кабимаса.
1936 г.

Хесус Фариа с одним
из своих родственников,
Луисом Морено.
Кабимас, 1936 г.

Хесус Фариа —
председатель профсоюза
нефтяников Венесуэлы.
1942 г.

Хесус Фариа
с делегацией
кубинских рабочих
в Париже. 1945 г.

На съезде конгресса
нефтяников Латинской Америки
в Тампико (Мексика).
Апрель 1948 г.

Хесус Фариа
руководит работой
плenums ЦК КПВ

Хесус Фариа
с коммунистами
штата Матурин. 1958 г.

На одной
из дорог Венесуэлы.
1958 г.

День рождения
двух членов Политбюро КПВ —
Хесуса Фариа
и Луиса Эмиро Арриеты.
Они родились в один и тот же
день, в один и тот же год,
оба руководили профсоюзами
нефтяников. 1958 г.

Хесус Фариа
выступает на одном из митингов
в поддержку национализации
нефтяной промышленности

Хесус Фариа на встрече
с чилийскими комсомольцами

Встреча Хесуса Фариа
с Генри Уинстоном в Москве

**Венесуэльские коммунисты
возлагают венки от КПВ
к Мавзолею В. И. Ленина**

Встреча в Москве парагвайских
и венесуэльских коммунистов
после освобождения
руководителя парагвайских
коммунистов Майданы
из заключения

Хесус Фариа
с советскими пионерами.
Москва, 1966 г.

**Хесус Фариа
с советскими журналистами.
Москва**

Хесус Фариа
и Фидель Кастро.
Гавана,
1975 г.

Хесус Фариа
с венесуэльским юристом
Эрнесто Сильвой Тельериа,
одним из основателей КПВ

45 коп.

...Мы, венесуэльские коммунисты, и впредь по мере наших сил будем действовать в духе солидарности с другими братскими народами. Эта солидарность — неотъемлемая часть всей нашей деятельности. Она основана на принципах, для нас обязательных и безусловных. Моя судьба... неразрывно связана с судьбой моей партии. Я знал одно: через какие бы испытания мне ни пришлось пройти, я останусь коммунистом и отдам все силы революционной борьбе.

Х. Фариа

Хесус Фариа

СТАНОВЛЕНИЕ КОММУНИСТА